

ПАВЕЛ МАРКОВ

ДВАХА КРА

Арчита — жрица, что поклялась богам защищать людей и нести им истину. Когда жителям одной из деревень понадобилась помощь, она не смела отказать. Но прибыв на место почуяла неладное. Люди косо смотрят на неё. Старейшина вызывает отвращение. А лик остроконечных гор таит опасность... и ее невозможно объяснить. Жрица пока не знает, что ей придется сделать выбор, от которого зависит жизнь. Где выбрать жизнь — поддаться искушению...

Сноп искр взмыл в воздух. Язычки пламени ярко мерцали в сумраке ночи. Они разгоняли тьму. Блики большого костра играли на юном лице. Черные глаза из-под пышных ресниц немигающе смотрели на то, как сухие ветви медленно поглощает огонь. Вокруг царил аромат мирры и ладана. Он приносил в душу благодать и покой, а затем плавно возносился к небу, на котором горели мириады многочисленных звезд.

Ночь выдалась ясной и лунной. Округа заливалась серебристым светом. Прохладный ветер дул с севера, но тепло от пламени приятно согревало кожу. Треск горящих сучьев заглушал прочие звуки. Уханье совы. Отдаленный рык синха[1]. Крик обезьяны. Трель кузнечиков. Все это тонуло в шуме играющего пламени. Даже шум неспешных шагов крупной фигуры, размытой мраком, едва пробивался сквозь этот убаюкивающий рокот. Аромат благовоний усилился. Неизвестный остановился по ту сторону костра. Прямо напротив нее, продолжавшей смотреть невидящим взором сквозь желтый огонь.

Словно издалека до слуха ее донесся грубый и торжественный голос:

— Перед лицом бога нашего, Индры[2], я спрашиваю тебя — какое имя ты выберешь себе?!

Она промолчала. Немигающий взгляд черных глаз все так же отрешенно смотрел перед собой. На пламя костра. Его язычки медленно пожирали ветки хвороста. Однако мысленный взор ее видел совсем иное...

Сухие стебли вспыхнули в один миг. Огонь, изначально ничтожный, быстро превратился из маленького котенка в свирепого синха. Он набросился на нее. С такой же жадностью и голодом, как терзает свою жертву хищник. Желтые языки, словно множество змей, обхватили сначала ступни. Потом поднялись вверх по ногам. Занялись светлые одежды... темные волосы на голове, покрытые серебристым налетом седины... и вот она уже не видит ничего. Ничего, кроме желтой завесы, от которой пышет жаром. А отблеск от пламени отражается в прозрачных слезах, каскадом стекающих по лицу. Совсем скоро ее руки обхватят медную урну. И холод от нее не сможет разогнать даже самое горячее пламя этого мира...

— Какое имя ты выберешь?! — вновь раздался торжественный голос.

Тонкие губы разомкнулись, и она уверенно произнесла:

— *«Поклоняющаяся».*

— Да будет так! Отныне ты — Арчита. Поклоняющаяся Индре! Встань, жрица.

Та повиновалась. Тело ее по-прежнему было здесь. Глаза смотрели на огонь. Но разум был далеко. Он словно освободился от телесной оболочки и улетел назад. В прошлое. Увидел то, что хотелось забыть. Не вспоминать. Чтобы этого никогда не происходило. Но минувшее уже не изменить. Изменить можно лишь будущее. И она намерена это сделать. Иначе не пришла бы сюда.

«Поклоняющаяся... я поклоняющаяся... но только не Индре. Я поклоняющаяся Богине-матери... Богине-матери и ему. И больше никому».

— Обряд завершен! — громогласно объявила фигура напротив. — Индра приветствует новую жрицу!

Бледная рука провела по шершавой поверхности камня. Мелкие крупницы горной породы с тихим хрустом осыпались на пол пещеры. Отзвук падения слабым эхом разлетелся по гроту, отражаясь от серых стен.

Внутри царили сумрак и прохлада. Вход был достаточно широк, однако солнечный свет с трудом добирался до того места, где они стояли.

Три человека. Двое — в просторных фиолетовых одеждах, местами украшенных серебряными нитками. Богатая ткань прикрывала слегка полноватые тела. На плечах покоились теплые накидки из овечьей шерсти. Головы гладко выбриты. Мужчины с опаской смотрели на груду камней, загородившую дальнейший путь вглубь пещеры.

Третий же, наоборот, изучал преграду с неподдельным интересом. Он снова и снова проводил тонкими бледными пальцами по шершавой поверхности. Рот, обрамленный пухлыми губами, слегка приоткрылся. Из него вырывалось громкое дыхание. Однако оно не превращалось в пар. Ведь возле этой стены было тепло. Неестественно тепло. Но, похоже, его это волновало в последнюю очередь. Подобно бездне, глубокий взгляд синих глаз пожирал представшую перед ним преграду. На такой же, как у спутников, гладковыбритой голове выступила легкая испарина. Мышцы обнаженного по пояс тела напряглись, делая его фигуру еще внушительней. Еще статней. Пурпурное одеяние с широким подолом едва не доставало каменистого пола, раскачиваясь при каждом движении.

— Прелестно, — прошептал он, вновь проводя ладонью по камню, — просто восхитительно

— Господин? — переспросил один из спутников.

— Я чувствую, — громче ответил он, — там, по ту сторону. Есть все, о чем только можно пожелать, — он обернулся через плечо и взгляделся во взволнованные лица мужчин, — а вы ведь знаете. Мое чутье никогда не подводило. Если в этой пещере мы нашли столько лазурита... то сколько же его за этим завалом? И представить нельзя!

Те двое молча переглянулись. Тревога в их глазах нарастала. Тот же, кого они называли господином, вновь повернулся к груде камней, преграждающей путь.

— Необходимо расчистить завал, — потребовал он, — разработать рудник. Тогда богатства рекой потекут в мои земли. Сюда придет слава и процветание!

— Господин...

— О, почтенные жрецы, — резко перебил он, — убежден, вы разделяете мою радость и предвкушение от того, что ждет нас за этой стеной. Уверен, вы не пожалеете. Ведь моя щедрость и благодать не знают границ.

— Господин, — один из жрецов кашлянул и сцепил руки перед собой. Они слегка подрагивали. — Прости, но мы не можем дать разрешения.

Тот резко обернулся и пронзил говорившего острым взглядом. Служитель богов побледнел, однако взора не отвел. Видимо, страх перед тем, что от него требовали сделать, оказался сильнее трепета перед господином.

— Разве вы не видите? — он отошел от стены и развел руками. — Разве вам до сих пор не понятно? Это путь к богатству и процветанию! Все, что нужно сделать...

— Мы видим предостережение, господин, — встрял второй жрец, — эту стену нельзя трогать.

— На ней послание богов, — добавил первый и указал холеным пальцем на преграду, — взгляни, господин! Камни упали не просто так. Это знак! Знак всевышних!

Он обернулся и еще раз осмотрел груды камней. Да, с определенного угла она действительно напоминала... нечто. Человек, обладающий богатым воображением, легко мог представить себе, как вперемешку наваленные куски породы образуют лик жуткого рогатого создания. А из разинутой пасти, полной огромных острых зубов, вырывается обжигающий пламя...

Господин моргнул и усмехнулся. Да, у его жрецов богатое воображение. Оно и должно быть таковым. Ведь они служители богов. Сам же он перестал верить во всевышних уже давно. С тех пор, как произошло *это*...

Грохот обвалившихся камней... истощный крик и плач ребенка... тишина...

От воспоминаний руки инстинктивно сжались в кулаки. Губы сошлись в волевою линию. Он потрянул головой, отбрасывая картину прошлого.

«Чушь и вздор! Нет никаких знаков и предостережений. И самих всевышних тоже нет. Это всего лишь груды камней, которая преграждает мне путь к богатству и славе! И мне было бы плевать на решение этих испуганных и суеверных толстяков! Если их страшит кара небесная, пусть трясутся, сколько хотят. Но местные крестьяне слишком податливы в вопросах веры. Они этим жрецам буквально смотрят в рот... а должны смотреть на меня! Должны восхвалять меня! А не выдуманных идолов! И без разрешения этих ряженых святош рабочих сюда не загонишь. Даже под страхом смерти».

Он вновь развернулся к своим спутникам. Руки по-прежнему были сжаты в кулаки. Взгляд синих глаз стал холодным и угрожающим. Жрецы ощущали на своей коже эту угрозу, будто волнами исходившую от своего господина. Но страх и ужас перед знаком богов готов был пересилить все что угодно.

— Вы дадите разрешение на разработку лазуритового рудника, — тоном, не терпящим возражений, молвил господин. Его голос эхом отражался от каменных стен. — И скажете жителям, что боги благословили меня и мои деяния. Что я приведу народ к процветанию и величию.

— Господин, одумайся! — взвизгнул второй жрец.

— Узри же знамение всевышних! — подпрыгнул первый. — Неужели ты не чувствуешь? Хумпан[3] предостерегает нас! Жар идет от этой стены...

— Хватит! — оборвал их он. Ладонь, сжатая в кулак, рассекла воздух, словно кнут. — Вы дадите мне это проклятое разрешение! Если я тем самым нанесу оскорбление богам — пусть они покарают меня!

— Они покарают каждого, кто решится нарушить священный запрет и проникнуть по ту сторону! — закричал первый служитель богов.

— Кара ляжет на плечи всех нас! — вторил ему другой.

С каждой секундой люди в пещере распаялись все больше. Слово таинственное тепло, исходящее из-под груды камней, влияло на них. Заставляло нервничать и подливало масла в огонь. Куски горной породы играли роль немых слушателей разгоревшегося спора.

— Я всегда был благосклонен к вам! — взревел господин. — Моя щедрость не знала границ! И так вы решили отплатить мне за годы покровительства?!

— Нам покровительствуют лишь боги! — с жаром возразил первый жрец.

— Боги?! Разве боги пожаловали вам жреческий сан?!

— Мы не допустим, чтобы кто-то пошел против воли всевышних! — поддакнул второй.

— Это немислимо! Ваш разум одурманен суеверным страхом!

— Воля богов определена! — выкрикнули одновременно их служители и, не дожидаясь

ответа господина, спешно двинулись к выходу.

— Жалкие трусы! Глупцы! — орал им вслед он. — Остановитесь! Не дайте себе пожалеть о принятом решении!

Но те не слушали. Жрецы спешили покинуть пещеру как можно скорее. Как только они отошли от стены на пару десятков шагов, из их ртов повалил пар. По утрам здесь бывало холодно. И тем сильнее в них крепла уверенность, что нельзя разбирать каменный завал.

— Помоги ему Киририша[4], он обезумел! — зашептал первый.

— С тех пор, как боги забрали у него сына, он сам не свой, — также шепотом ответил спутник, — горе застилает ему взор.

— Боюсь, не только горе, — сокрушенно покачал головой жрец.

Они торопливо покидали пещеру. Их сердца бились учащенно. И только когда люди вышли на солнечный свет, подставляя лица свежему ветру, они немного успокоились. Не оборачиваясь, жрецы отправились обратно в селение. Скоро их фигуры скрылись меж стволов хвойных деревьев, обступивших вход в грот со всех сторон. Порывы воздуха завывали среди макушек, заставляя ветви раскачиваться в причудливом танце и отбрасывать длинные тени...

Он остался один. Господин слышал, как снаружи завывает ветер. Слышал свое громкое и учащенное дыхание. А взгляд синих глаз, полный ярости, слепо устремлялся в спины жрецам даже тогда, когда те скрылись из виду. Ладони непроизвольно сжимались и разжимались в кулаки. Бледное лицо изуродовала гримаса ярости на пухлых губах.

— Трусливые прихвостни, — процедил он сквозь зубы, — жалкие... трусливые... ничтожные... прихвостни. Как они смеют перечить мне? Неужели я был недостаточно щедр и великодушен? Они решили укунить руку, которая их кормит? Тогда мне придется поступить с ними так, как поступают с бешеными псами! Пусть узнают, что мой праведный гнев не менее безграничен, чем мое великодушие и щедрость!

Высказав яростную тираду в пустоту, он вновь обернулся к завалу. Подошвы кожаных сандалий шаркнули по каменистой земле. Груда валунов продолжала безмолвно наблюдать за ним, источая приятное тепло. Господин провел ладонью по горной породе.

— Я найду решение, — поклялся вслух он, — если не сейчас, так позже. Ведь я умен и прозорлив, не правда ли?

Ответом ему была тишина. Только ветер выл снаружи.

— Правильно, — сам себе ответил господин и отвел руку, — правильно. Я еще вернусь. За богатством, славой и процветанием. Мое чутье никогда не обманывало меня. Не обманывает и сейчас. Я еще вернусь.

Отступив на шаг, он развернулся и спешно направился к выходу. Внутри все клокотало от ярости и нетерпения. Но эти чувства притупляла решимость. Решимость добиться своего во что бы то ни стало.

Груда камней безмолвно смотрела ему вслед. И со стороны могло почудиться, что те выстроились в подобие усмешки...

[1] Синха — лев / тигр на древнеиндийском.

[2] Индра — наиболее популярный по количеству упоминаний бог «Ригведы» (собрание религиозных гимнов, первый известный литературный памятник индийской культуры на ведийском языке). Индра — царь богов и повелитель небесного царства в ведизме и индуизме. Божество света, молнии, дождя, речных потоков и войны.

[3] Хумпан — с середины II тыс. до н. э. в эламской мифологии бог неба, «повелитель неба». Соответствовал шумерскому верховному богу Ану и вавилонскому Мардуку.

[4] Киририша — в эламской мифологии богиня-мать. Супруга верховного бога Хумпана.

Часть I. Испытание. Глава 1

Ты жадностью болен.

Эта мука терзает и гложет.

Если богатством своим не доволен,

Все золото мира тебе не поможет.

Абу аль-Атахия

Цокот копыт по грунтовой дороге гулко разносился в округе. По обе стороны от тракта раскинулись неровные луга, поросшие зеленой травой. Тонкие стебли вяло покачивались под порывами прохладного ветра. Воздух, дувший с севера, был настолько свеж и чист, что не позволял яркому солнцу раскалять его. Немногочисленные «барашки» неторопливо плыли на юг по голубому небосводу, изредка отбрасывая на землю маленькую тень.

Она ехала на серой кобыле, осторожно сжимая поводья в изящной ладони. Длинные темные волосы спадали до лопаток. Тело прикрывало грубое одеяние без рукавов из овечьей шерсти. Солнечные блики красиво играли на коже, покрытой загаром цвета бронзы. Взгляд больших черных глаз, обрамленных пышными ресницами, устремлялся вперед. Туда, где виднелись могучие горы и их белоснежные шапки.

— Впервые видишь Хинду-Кауш[1], почтенная жрица?

Она обернулась на хриплый голос. Ее спутник, старец с заостренной и седой бородой до груди, с интересом рассматривал ее из-под нахмуренных бровей. Они были плотными и густыми. Она невольно подумала, что те напоминают ледники, которые венчают горы неподалеку. Человеку приходилось слегка задирать голову, ибо ехал он на осле, что ниже кобылы. Тело прикрывала коричневая рубаха и походный плащ. Серый и неприметный.

— Да, — мягко ответила она, — в первый.

— Хм, — хмыкнул в бороду тот, — но в твоих очах я не вижу удивления.

Легкая улыбка тронула тонкие губы:

— Я видела Обитель снегов[2].

— Обитель снегов? — с интересом переспросил спутник. — Где это?

Она кивнула в сторону:

— Там, к востоку от долины Синдху[3]... — улыбка померкла, девушка отвернулась.

От пристального взгляда старика не укрылось, что та чем-то опечалена. Будто воспоминания об этой самой Обители снегов причинили боль.

— Тебя накрыла тень, подобно туче грозовой, — учтиво подметил он.

— Неважно, — все также мягко ответила она, но старец понял, говорить о прошлом та не станет.

— Что ж, тебе виднее, юная жрица, — вздохнул он, — прости старого глупца.

— Ничего, — снова вялая улыбка.

— Могу ли знать я имя твое?

— Арчита, — ответила девушка, — и я забыла узнать твое.

— Атта-Ури, дитя, — широко улыбнулся спутник беззубым ртом.

— Далеко до селения?

— Немного еще, — заверил старец и воздел глаза к небу, — солнце и зенита не достигнет, как прибудем мы на место.

— Хорошо, — кивнула жрица.

— Нет у нас в хозяйстве таких, — кивнул он на лошадь.

— Да? — равнодушно переспросила Арчита.

— Ослами да бычками мы обходимся, — крикнул Атта-Ури, — откудобна у тебя такая красота?

— Отец подарил.

— Щедр родитель твой на подарки, — искренне изумился старик, — небось, много золота имеет.

— У нас богатство не измеряют золотом, — возразила жрица, вызвав еще большее удивление на лице спутника.

— Не уж то? А что же у вас мерилками являются?

— Лошади, — улыбнулась девушка, — особенно у кшатриев[4].

— Это кто такие-то?

— Неважно, — мягко отрезала Арчита и посерьезнела, — лучше поговорим о деле.

— Эх, — выдохнул Атта-Ури, — опять я заболтался, аки сорока. Прости старика.

Старейшина наш совета просит.

Арчита нахмурилась:

— Разве ваши жрецы не могут спросить богов сами?

— Могут, конечно, юная жрица, могут, — спутник снова вздохнул, налетевший порыв ветра всколыхнул бороду, — да токма не доверяет старейшина им.

— Не доверяет собственным жрецам? — удивилась девушка.

— Н-у-у... — замялся Атта-Ури, — не сведущ я в делах верховных. Мое дело за овцами следить, да чтоб козы подоенными были. А уж пошто старейшина разладился с жрецами... не моего это ума.

— Хм, — снова вялая улыбка на тонких устах.

— Но боги благоволят мне сегодня! — оживился старик. — Ведь как не по их воле мне суждено было встретить тебя?!

— Да, — мягко ответила она, — я не хотела оставаться здесь надолго.

— Ты ниспослана нам всеильными и сумеешь передать их волю старейшине, — продолжал разглагольствовать спутник, — и они хранят тебя!

— Наверное, — одними губами прошептала Арчита так, что старец не услышал.

Увидев отрешенное выражение на красивом лице, Атта-Ури счел правильным замолчать. Негоже беспокоить посланницу богов, коли сама она того не желает.

Старик оказался прав. Небесное светило едва успело достигнуть зенита, когда впереди показалось заветное селение. Когда по левую руку позади осталась еще пара пологих холмов, взору жрицы предстала крупная деревня, расположенная у подножия высоких гор. Несколько больших ручьев стремительным потоком спускались с вершин к востоку от хижин и переливались в свете дня подобно серебру. К западу же в отдалении виднелся густой хвойный лес. Деревья с острыми макушками сливались в один темный массив и издали походили на огромный частокол. Даже отсюда было слышно, как ветер гуляет меж стволов и играет ветвями, создавая шум, похожий на рокот прибоя.

Арчита невольно засмотрелась на местные красоты. Там, откуда она родом, природа не лишена великолепия. Только оно было другим... Взгляд черных глаз из-под пышных ресниц медленно прошелся по лесу, немного задержался на поселении у подножия гор, а затем поднялся кверху. Туда, где начинали свой путь крупные ручьи...

Вялая улыбка так и застыла на тонких губах. Зрачки Арчиты расширились. Она почувствовала, как вся кровь начинает стремительно покидать лицо и приливает к затылку. Голова закружилась, но она не посмела стряхнуть наваждение. Ее взор был прикован к горам Хинду-Кауш... словно кто-то незримый заставлял смотреть на отвесные скалы и белые ледники...

— Вот и наше, милое душе, селение, — с любовью молвил Атта-Ури и обвел местность рукой, — многие годы мы живем здесь под защитой богов... — он посмотрел на Арчиту и осекся, — о, жрица, тебе стало плохо? Ты бела аки козье молоко!

Неимоверным усилием воли она заставила себя оторваться от созерцания гор и перевести взгляд на старца. Тот с тревогой глядел прямо на нее.

Жрица выдавила вымученную улыбку:

— Все хорошо. Просто устала с дороги.

Атта-Ури выдохнул и расслабился:

— Прости меня, дурака старого. Догадаться надобно мне было. Ну, ничего. Скоро будем дома. Старейшина примет почтенную гостью лучше, чем люди встречают дождь в пустыне.

Арчита снова улыбнулась и благодарно кивнула. Затем украдкой бросила мимолетный взгляд на Хинду-Кауш. В этот момент с севера налетел особо сильный порыв ветра. Холодный, будто дыхание морозной зимы. Он обжег кожу и защипал ноздри. Но не это заставило вздрогнуть и поежиться жрицу. В голове она услышала голос...

Шепот. Тихий и едва уловимый, словно легкий сквозняк. Но от этого не менее отчетливый.

«Сюда...».

Закусив нижнюю губу, Арчита постаралась больше не смотреть в сторону гор, сосредоточившись на дороге.

Вскоре они уже оказались на окраине селения.

Широкая улица, по обеим сторонам которой выстроились невысокие хижинки, уходила прямой дорогой на север. Там вдалеке, у самого подножия гор, расположилось длинное одноэтажное здание с узкими окнами. Арчита подумала, что сквозь них с трудом должен пробиваться солнечный свет. Постройка заметно выделялась на фоне остальных домов поселения. Стены из обожженного кирпича были чистыми и гладкими, без единого признака трещин. Крышу покрывал плотный соломенный настил.

«Наверное, это дом старейшины» — подумала жрица и невольно окинула взглядом близстоящие хижинки. Потрескавшиеся стены и прохудившиеся крыши. Да, в отличие от обычных жителей, местный правитель средств на содержание себя не жалел. Однако Арчита не намерена была размышлять об этом. Она здесь по делу, и как управляет старейшина поселением ее волновать не должно.

Жрица то и дело ловила на себе удивленные и любопытные взгляды. В основном от детей. При приближении всадницы те тут же бросали свои занятия и во все глаза засматривались на серую лошадь. Да и те редкие взрослые, что иногда появлялись в проемах домов, были не прочь поглядеть на почетную гостью.

— Нету у нас лошадей, — словно извиняясь за излишнее внимание произнес Атта-Ури, — а поля возделываем мы с помощью силы быков.

— Да, я поняла, — осматриваясь бросила жрица.

Людей в деревне было не очень много. По крайней мере, ей так казалось. Видимо, многие сейчас находились в полях к западу. Выращивали пшеницу да пасли стада овец.

Цокот копыт глухо отзывался на полупустой улице. Из пасти лошади доносился тихий храп.

Мелкий мальчуган с бритой и загорелой головой решил было подойти поближе да рассмотреть всадницу, но тут же нарвался на нарочитое недовольство старика.

— Кьш!

Атта-Ури махнул рукой, и ребенка как ветром сдуло. Арчита моргнуть не успела, а тот уже юркнул в проход и скрылся в соседней хижине.

— Прости, юная жрица, — извиняясь, молвил старец, — ума у них едва ли больше, чем у цыплят.

— Все такими были, — улыбнулась она.

— Твои слова подобны журчанию ручья. Они приносят радость и освежают душу.

Арчита промолчала, однако ее щеки зарделись румянцем. Пусть старик и не увидел его на бронзовом загаре, девушке было приятно. Поначалу манера общения путника казалась ей странной. Из тех мест, что она была родом, так красиво могли говорить только высшие жрецы, да и то далеко не все. Услышать подобные слова из уст простого зрителя животных небольшого поселения оказалось в диковинку. Она бросила косой взгляд на старца, продолжавшего ехать верхом на осле. Но ничто в его облике или манере держаться не выдавало знатного происхождения. Мысленно пожав плечами, Арчита отвернулась.

Дом старейшины неумолимо приближался. Больше к ним близко никто не подходил. Однако чем меньше локтей оставалось до конца пути, тем отчетливее жрица ощущала перемену в настроении местных. Она чувствовала. Каждой клеточкой тела. Взгляды простых людей продолжали с нескрываемым любопытством осматривать ее с головы до ног. Но к любопытству прибавилось и кое-что еще. Недоверие? Угроза? Да. Арчита начала ощущать ее. Скрытая, сдерживаемая угроза. Она бросила косой взгляд влево. На пороге хижины, мимо которой они проезжали, стоял молодой крестьянин. Темные брови сошлись на переносице. Карие глаза пронзали насквозь. И не нужно быть провидицей, чтобы прочесть выражение этого взора.

«Тебе здесь не рады. Лучше убирайся отсюда».

Арчита не могла понять, в чем причина столь холодного приема. Она так разительно отличалась от радушия и учтивости Атта-Ури. А то, что произошло с ней на подходе к поселению... Жрица вздрогнула и поджала губы. Холодок пробежал по затылку. Ладонь невольно крепче сжала поводья. Закрыв глаза и шумно выдохнув, девушка в мыслях вознесла молитву Богине-матери и приказала себе успокоиться. Быть настороже.

— Вот и добрались-таки мы до места родного, — молвил старик, когда они остановили животных в паре десятков локтей от дома старейшины, — тебя встретят с почетом и уютом, юная жрица.

— Да, — тихо ответила та, ловко спрыгивая на землю.

Кряхтя, Атта-Ури последовал за ней и сполз с осла:

— Стар я стал для таких прогулок далеких.

— Что же ты тогда поехал за мной? — вскинула брови Арчита. — Или послать больше некого было?

Старец хрипло засмеялся:

— Ценит меня старейшина за красоты слов. Умею говорить я.

— Да, я заметила, — буркнула она, — ты не похож на простого зрителя животных.

— Почему юная жрица так решила?

— Слишком сладко говоришь, — хмыкнула Арчита.

Атта-Ури нисколько не смутился. Он широко улыбнулся беззубым ртом.

— Мои слова подобны меду, — старец шутливо погрозил пальцем, — но разве морковь, что испачкана в земле, теряет свой сочный вкус?

Жрица закатила глаза и покачала головой. Понимать этого старика она попросту отказывалась. Да и не ставила такой задачи, честно говоря. Она здесь по делу. Нужно узнать, для чего местному старейшине понадобились услуги странствующей жрицы, если у него по соседству живут свои. Арчита как раз повернулась лицом ко входу в здание, когда на пороге показался его хозяин. Вход в дом сторожили два воина с копьями. Теплые рубахи из кожи плотно прилегали к их крепким телам. Суровые и непроницаемые лица напоминали ариев. Арчита подумала, что они не местные. Однако жрицу мало интересовали эти воины. Ее взгляд приковал хозяин поселения. Сделав несколько шагов вперед, старейшина вышел на свет.

Он был обнажен по пояс. Ноги скрывало прекрасное пурпурное одеяние с широким подолом. Снизу его украшали переплетения золотистых ниток. Местный правитель имел стройное и в меру мускулистое тело, однако его кожа оказалась неестественно бледной. Арчита даже немного удивилась, насколько ярко контрастировал светлый оттенок с загаром остальных. Медленно, она перевела взор на лицо старейшины, возвышавшегося над ней на целую голову. Глубокий взгляд синих глаз на полностью бритом и гладком лице. Солнечные лучи отражались от белой кожи на макушке, придавая той блеклое сияние. Старейшину можно было бы назвать красивым. Если не кривая ухмылка на пухлых губах, уродовавшая лицо едва ли не до отвращения. Арчита с трудом подавила в себе желание отпрянуть. Было в облике и во взгляде этого человека нечто такое, что побуждало немедленно уехать отсюда. Уехать и больше не видеть ни его, ни селение, ни эти горы. Никогда. Невероятным усилием воли жрица заставила взять себя в руки.

Атта-Ури учтиво поклонился:

— О, старейшина, да будет сиять лик твой, аки драгоценный камень, исполнил я волю твою. Нашел странствующую жрицу.

Арчите показалось, что ухмылка на лице главы селения стала еще омерзительнее. Дабы скрыть отвращение, она опустила голову в сдержанном поклоне.

— Рад, что она почтила меня своим визитом, — голос старейшины оказался ровным и холодным. Холодным, как ветер на вершине гор. — Изволит ли она сказать мне свое имя?

Девушка выпрямилась и встретилась взглядом с глазами главы. В этой бездонной синеве она заметила проблески огонька. Нехорошего огонька. Жрица видела, как он буквально пожирает ее взглядом.

— Арчита, — коротко ответила она.

— Хм, красивое имя. И мне незнакомое. Ты с юга?

— Да, — девушка снова поклонилась, — я с долины Синдху, господин...

— О-о-о, — протянул тот, — я совсем забыл представиться, приношу свои извинения, — раскаяния в его голосе было меньше, чем в мыслях лисы, ворующей яйца. — Мое имя Унташ-Сарру. Мне содействовали сами боги! Но ты, — снисходительно добавил он, — можешь звать меня Унташ.

— Благодарю, господин Унташ.

— Надеюсь, твое пребывание здесь окажется полезным для всех.

— О, старейшина, о господин Унташ-Сарру, — развел руками старец, — юная жрица

устала сильно с дороги. Она словно выючный мул. Позволь ей отдохнуть прежде, чем решать насущные дела.

Глава селения перевел взор на Атта-Ури. Девушке почудилось, что взгляд старейшины стал еще холоднее.

— Ты сомневаешься в моем гостеприимстве, старик? — в голосе прозвучала неприкрытая угроза.

Арчита испуганно покосилась на смотрителя животных, но тот совсем не смутился и не испугался. Будто уныние ему было неведомо.

— Ничуть, о, старейшина. Я верую, что твоему радушию позавидуют и сами боги!

Унташ поджал губы. Теперь они напоминали толстый канат.

— Тогда не оскверняй мне слух такими речами! Возвращайся лучше к своим обязанностям! Я велю, чтобы тебя отблагодарили... как следует.

Атта-Ури низко поклонился и взял за поводья осла.

— Я повинуюсь безропотно, о, старейшина, — затем бросил взор на девушку, — надеюсь еще увидеть тебя, юная жрица. Путешествовать с тобою было честью для меня.

Отвесив еще один поклон и ведя осла под уздцы, Атта-Ури неспешным шагом направился в сторону ближайшего проулка. Судя по запаху навоза и кудахтанью кур, где-то там находился хлев.

Арчита провожала сгорбленную фигуру печальным взглядом. Старик был единственным в этом селении, в котором она не чувствовала угрозы. Явной или скрытой. Остаться же наедине с Унташ-Сарру желания не было вовсе. Но выбор казался невелик.

Тихо вздохнув, она повернулась к старейшине. Тот молча продолжал пожирать ее глазами. На пухлых губах вновь заиграла омерзительная усмешка.

подавив приступ тошноты, Арчита заставила себя произнести:

— Господин Унташ, мою лошадь надо...

— Редко мне удается повидать подобных зверей, — сощурившись, перебил он.

— Да, — засмушалась девушка, — наверное.

— Я удивлен, — старейшина продолжал буравить ее взглядом, — а уж настолько красивых кобыл и подавно.

Арчита вздрогнула и посмотрела ему прямо в глаза. Она готова была поклясться, что в голосе Унташа прозвучал намек. Такой же омерзительный, как и он сам.

— О чем ты, господин?

Усмешка стала еще шире:

— Мои люди позаботятся о звере. А ты, — он шагнул в сторону и сделал приглашающий жест, — отведай на вкус мое гостеприимство.

Арчита взгляделась в сумрак, царивший за порогом дома старейшины. Ей начинало казаться, что она добровольно идет в логово паука. И выражение лица Унташа не предвещало ничего хорошего. Но у нее не осталось выбора. Ибо в этот момент она вновь услышала шепот в своей голове.

«Сюда...».

Сделав над собой усилие, жрица шагнула вперед и переступила порог.

[1] Хинду-Кауш — древнее название горного хребта Гиндукуш в Центральной Азии.

[2] Обитель снегов — Гималаи.

[3] Синдху — река Инд.

[4] Кшатрии — каста воинов у ариев в Древней Индии.

Свет тонкими струйками проникал внутрь сквозь узкие щели, что служили местными окнами. Сумрак сгушался по углам. Давящий и тягучий, он был подобен коровьему молоку. Арчита сразу почувствовала его гнет, как только переступила порог.

Небольшая и скудно обставленная комната привратника впереди сменялась обширным помещением, тонувшем в полутьме. Разглядеть обстановку не удалось. Глаза еще не успели привыкнуть к мраку. Зато девушка сразу подметила, что в доме не горит огонь. Ни факелов, ни треножников, ни очага. Вообще ничего. И тишина. Такая же давящая, как и сумрак.

«Разве таким должно быть жилище старейшины? Где же слуги и семья?».

Арчита напряглась, словно струна. Рука невольно потянулась к поясу, где под одеждой скрывался небольшой кинжал из заточенной меди.

— Я уверен, ты устала с дороги, — послышался позади надменный голос Унташа.

— Да, господин, — не оборачиваясь, ответила жрица.

Ее взгляд невольно скопился влево. В ту сторону уходил длинный и узкий коридор. Света из окон едва хватало, чтобы различить глиняный пол и проходы в несколько комнат. Дверей не было. Вместо них висели белые занавеси, местами испачканные сальными пятнами. Арчита с трудом удержалась, чтобы не передернуть плечами. Внутреннее убранство дома вызывало все большее отвращение и желание покинуть его.

— Я предоставлю тебе одну из лучших комнат в моем жилище, — покровительственно изрек хозяин.

— Благодарю, старейшина, — тихо отозвалась жрица.

Она сощурилась, сиюсь разглядеть, что же находится в комнате напротив. Кажется, там стоял широкий обеденный стол. На поверхности проступали контуры непонятных предметов, но каких именно Арчита не могла разобрать. Слишком густой оказался сумрак. Девушка напрягла зрение сильнее, пытаясь оценить обстановку...

Хлоп!

Резкий и громкий хлопок раздался за спиной.

Жрица едва не подпрыгнула и испуганно обернулась. Унташ продолжал стоять позади, загораживая выход. На контрасте с солнечным светом его фигура казалась еще более внушительной... а улыбка на пухлых губах еще омерзительней и зловеще. Арчита уставилась на него широко раскрытыми глазами, с трудом подавляя в себе растущее чувство страха. В этот момент хлопок раздался вновь. Такой же резкий и громкий. Жрица не сразу заметила, что старейшина хлопает в ладоши. Медленно. Вальяжно. Ритмично. Ладони резко сближались, взрывая тишину, а затем вяло разводились, чтобы через миг вновь соприкоснуться.

«Что он делает? Это какой-то обряд? Или что? Что происходит?».

Паника, с трудом сдерживаемая до сего момента, готова была вырваться непредсказуемым потоком. Рука вновь невольно потянулась к поясу. А Унташ не сводил с нее своих синих глаз, продолжая пожирать девушку ненасытным взглядом. На пухлых губах играла омерзительная усмешка, а бледные ладони ритмично ударялись друг о друга.

Хлоп... Хлоп... Хлоп...

К горлу подступил комок. В тот миг, когда Арчита уже готова была поддаться страху, выхватить кинжал и потребовать выпустить ее отсюда, позади раздался шорох. Как бы ей ни

хотелось оборачиваться к старейшине спиной, она повернулась на звук. По спине пробежала дрожь.

Грязная занавесь ближайшей комнаты слева отдернулась, и в сумраке дома показалась молодая женщина. Полностью обнаженная, если не считать серой набедренной повязки. Темные волосы волнистыми космами спадали до самых лопаток. Судя по всему, она их давно не мыла. Как бы темно ни было, от Арчиты не скрылись круги под глазами незнакомки и кровоподтеки на шее и груди. Настолько яркими и большими они были. Мурашки по спине жрицы побежали сильнее.

Женщина посмотрела в их сторону бесцветным взором и поклонилась по пояс.

— Звали меня, господин?

— Сколько хлопков ты слышала? — холодно поинтересовался тот.

Арчита сделала шаг в сторону, дабы держать в поле зрения обоих. Обеспокоенный взгляд попеременно переходил то на старейшину, то на женщину. Последняя выпрямилась, сцепила худые руки перед собой и устремила глаза в пол. На нем виднелись хлебные крошки и кусочки земли.

— Я спросил, сколько хлопков ты слышала? — повторил Унташ.

— Три, господин, — сухо ответила женщина.

— Три?

— Три, господин.

Арчита невольно вздрогнула от того, как бездушно звучал голос незнакомки. В нем не было ни капли жизни... как и в ее потухшем взгляде.

— Рабыня должна предстать перед хозяином после первого хлопка, — высокомерно молвил Унташ. Его нос дернулся. — Чем ты там занималась, ленивая тварь?

— Спала, господин.

— Спала? — в голосе старейшины сквозило презрение.

— Спала, господин, — все тот же сухой ответ.

— Лжешь, грязная шлюха, — Унташ не повышал тона, но звук его речи бил по ушам, словно хлыст, — ты занималась рукоблудием.

— Как скажешь, господин.

— Что, даже не попробуешь передо мной оправдаться?

— Ты всегда прав, господин.

— Грязное, жалкое ничтожество, — нос Унташа снова дернулся, — ты должна была явиться ко мне по первому зову.

— Прости меня, господин, — бесцветно ответила незнакомка.

Арчита прекрасно понимала, что эта женщина — рабыня старейшины. Но в каких же условиях тот ее содержит, раз довел несчастную до такого? Жрица не могла себе вообразить. Ее охватывали ужас и смятение. Там, откуда она была родом, с рабами обходились мягко и покладисто. Ведь о них нужно так же заботиться, как за всеми приглядывает Великая Богиня-мать[1]. Все люди ее дети.

«Что... что он делает с тобой?».

Ладони девушки задрожали, и она их сжала в кулаки, дабы не дать старейшине удовольствия лицезреть ее слабость. Но тот, казалось, был полностью поглощен унижением рабыни... и получал от сего действия нескрываемое наслаждение.

— Ты пропустила четыре моих хлопков, — высокомерно бросил Унташ, — и ты занималась рукоблудием. Я должен наказать тебя.

— Да, господин, — женщина не поднимала головы.

— Завтра на рассвете тебе будут драть уши. По полчаса за каждый пропущенный хлопок. А затем ты будешь ублажать моих стражников. Всех десятерых. Надеюсь, ты хорошо меня слышала?

— Я поняла, господин. Я приму наказание.

— Хорошо-о-о, — внезапно мягко протянул Унташ, — ты должна воспевать мое милосердие. Ведь я легко могу приказать залить тебе в уши расплавленную медь.

— Я буду воспевать о твоем милосердии, — сухо отчеканила рабыня.

— Прекрасно, — резко оскалился старейшина, — просто превосходно. А теперь — проводи мою почетную гостью в лучшую комнату после моей.

— Я повинуюсь, господин.

Арчита следила за ними, затаив дыхание. Теперь она мечтала только об одном — выбраться из этого проклятого дома, вскочить на свою лошадь и уехать отсюда без оглядки. И никогда не возвращаться. Но Унташ продолжал загораживать проход. А разум не позволял ей пустить оружие в ход. Каким бы страшным и омерзительным хозяин дома ни казался, он не выказывал намерений причинить жрице вред.

«Пока».

И Арчита прекрасно осознавала — напади она сейчас, то живой ее отсюда точно не выпустят.

— Ты ведь не передумала отдохнуть? — холодный вопрос вывел ее из спутанных мыслей и заставил ответить.

— Нет, — прохрипела жрица и, откашлявшись, добавила, — я устала с дороги.

— Тогда, — Унташ вальяжно развел руками в стороны, — оцени мое гостеприимство и насладись отдыхом в этом прекрасном дворце.

«Дворце? Он шутит?».

Однако старейшина оставался абсолютно серьезным. И только усмешка продолжала кривить его пухлые губы и уродовать бледное лицо.

— Благодарю, господин Унташ, — кивнула Арчита, продолжая сжимать ладони в кулаки.

Тот, казалось, не расслышал ее. Он вновь пронзил рабыню взглядом.

— Оглохла, куча навоза? Или тебе и вправду залить уши медью? Проводи гостью до опочивальни.

— Да, господин.

Рабыня медленно развернулась и поплелась по темному коридору. Она не отрывала взгляда от пола, как и стопы босых ног, издавая глухие шаркающие шлепки. В полной тишине мрачного дома они звучали неприятно и зловеще... но не шли ни в какое сравнение с ухмылкой старейшины. Тот продолжал пожирать жрицу глазами.

— Приятного отдыха, моя дорогая, — Арчита не выдержала, и ее передернуло, — жду тебя за сегодняшним ужином. Там и обсудим то, ради чего я посылал за тобой.

Его тон словно говорил, что Унташ не потерпит возражений. Будто жрица была новой рабыней для старейшины.

Сдержанно улыбнувшись, девушка кивнула:

— Конечно.

Сделав пару неуверенных шагов, она двинулась следом за женщиной. Арчита чувствовала на себе пожирающий взгляд Унташа до тех пор, пока между ними не оказалась

стена.

Сквозь узкие щели продолжал сочиться солнечный свет, однако его становилось все меньше и меньше. День постепенно клонился к закату.

Рабыня ждала ее посреди коридора. В той же позе, не оборачиваясь и сцепив руки перед собой. Жрица невольно подметила, что та хороша собой. Если не считать грязных волос и страшных шрамов на спине. Арчита даже знать не хотела, откуда они появились. Подождав пока девушка приблизится, сопровождающая сделала еще несколько шаркающих шагов и остановилась напротив очередного проема. Его прикрывала белая занавесь. Такая же сальная и перепачканная, как и другие. Жрица невольно содрогнулась, как представила, что придется прикасаться к ней.

— Сюда, госпожа, — сухо произнесла рабыня и, одернув ткань, скрылась внутри.

Арчита в коридоре осталась одна. И тут же ощутила, как сильно давит на нее это место. Будто сами горы Хинду-Кауш рухнули на плечи, готовые в любой миг похоронить заживо. В полной тишине дома старейшины жрица отчетливо услышала, как громко бьется ее сердце. Бьется от страха. Так, будто готово выскочить из груди. Так сильно трепетало оно лишь раз. Давно. В детстве. Но она запомнила это на всю жизнь.

Шумно выдохнув, жрица заставила себя дотронуться до грязной занавеси и, стараясь не касаться ее лицом, юркнула следом.

Лучшая комната после покоев старейшины оказалась жалкой комнатухой. Настолько узкой, что в ней с трудом могли встать плечом к плечу два человека. Голые стены были испещрены трещинами. Удивительно, но снаружи они не были заметны. На ум пришло сравнение с человеком, разлагающимся изнутри. Вместо окна — уже привычная щель, через которую пробивалось еще меньше света, чем в коридоре. Ибо она выходила на север, к подножию горы Хинду-Кауш. Ни кровати, ни тумбы. Только соломенная циновка со следами потертости да закрытый кувшин с непонятным содержимым, стоявший прямо на полу.

— Покои для госпожи, — сухо бросила рабыня, не поднимая глаз.

Арчита удивленно озиралась по сторонам. Она заметила, что западная стена выглядит темнее остальных. И трещин на ней меньше.

— Что там? — невольно спросила жрица.

— Где, госпожа?

— За той стеной, — кивком указала Арчита.

Рабыня даже не посмотрела туда, будто сразу сообразила, о чем идет речь.

— Ничего, госпожа.

— Ничего? — недоверчиво переспросила девушка.

— Ничего, госпожа.

Безжизненный голос женщины доводил до дрожи не меньше, чем ее хозяин.

— Но ее недавно поставили! Я же вижу. И кладка без обжига...

— Господин приказал, — монотонно ответила рабыня, словно заученной фразой, — господин не любит просторных покоев. А на обжиг нужны деньги. Господин не любит тратить шиклу[2].

— Даже на собственный дом? — изумилась Арчита.

— Господин не любит тратить шиклу, — как заговоренная повторила женщина.

Жрица закусил губу.

«Чем же Унташ собирается расплачиваться? И собирается ли? Зря я сюда приехала...».

— Отдыхай, госпожа.

Рабыня развернулась и попыталась уйти, но Арчита схватила ее за руку. Та оказалась шершавой и сухой. В точности, как ее голос. Жрица попыталась заглянуть ей в глаза. Женщина продолжала смотреть в пол. И в ее очах не было ни намека на жизнь.

— Как твое имя? — мягко спросила девушка.

— У меня нет имени.

— Глупости, — Арчита ободряюще улыбнулась, — у всех оно есть.

— У меня нет имени.

Внезапно она вырвалась. Девушка не ожидала этого. Воспользовавшись замешательством, рабыня прошлепала к выходу и, отдернув ткань, скрылась в коридоре. Арчита вновь осталась одна. В сумраке дома и полной тишине.

Почувствовав слабость в ногах, жрица опустилась на циновку и прислонилась спиной к стене. От нее веяло приятной прохладой.

«Хоть что-то приятное в этом проклятом доме».

Ладонь скользнула под одежду и крепко сжала рукоятку кинжала. Арчита закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. Ворох мыслей окутывал разум и жалил, подобно потревоженному осиному гнезду, которое сбили по неосторожности.

Девушка сделала еще несколько глубоких вдохов и выдохов. Воздух в комнате был затхлый и спертый, но контроль дыхания позволил успокоиться. Арчита ощутила, как сердце начинает биться медленней и тише. Скоро она уже не слышала его ровного стука.

Открыв глаза, она вернулась в памяти немного назад. Жрица всегда так делала, когда хотела привести в порядок мысли и решить, что делать дальше...

Атта-Ури нашел ее случайно. Как не раз потом говорил местный смотритель животных, их встреча была ниспослана богами. В какой-то мере так оно и есть. Арчита остановилась в степи на привал. Она хотела продолжить путь на запад, но в последний момент решила задержаться еще на одну ночь. Путешествовать в темное время суток она любила. Не так слепит солнце, да и природа оживает совсем иными красками под серебристым светом луны. Однако в тот вечер накатила непонятная слабость, и жрица предпочла отдохнуть. На рассвете нового дня на ее стан и наткнулся приветливый старец. Как он сказал, старейшина местного селения отправил его на поиски странствующей жрицы, ибо глава не питает доверия к собственным служителям богов. Арчите уже тогда это показалось странным. Не то, что правитель не доверяет своим подданным. А то, что поручил такое задание дряхлому старику. Атта-Ури хоть и выглядел бодро для своих лет, на длительные переходы был явно не способен. И неизвестно, сколько бы ему пришлось слоняться по пустыням и степям, если бы не счастливая случайность.

«Счастливая ли?» — хмыкнула про себя Арчита. Она уже начинала сомневаться в этом.

Смотритель просто светился от радости, подобно солнцу на небе, и возносил молитвы богам за такую удачу. Жрица подметила, что старец оставался единственным человеком здесь, кто невольно располагал к себе. А обещание щедрой награды от радушного старейшины только добавили веса и склонили чашу весов в его пользу. Арчита приняла предложение. Все-таки путешествие оказалось делом недешевым. Но теперь она сильно сомневалась, что Унташ обладает такими добродетелями, как щедрость и радушие. Судя по всему, он удавится за грош... и не прочь удавить ее саму при первой же возможности. От холодного взгляда и кривой усмешки жрицу до сих пор знобило.

И эта женщина... рабыня. Со следами пыток и истязаний на теле. Ее бесцветный

голос... глаза, лишённые жизни.

«Неужели это он? Унташ? Неужели это он довел несчастную?».

Арчита понимала, что задает сама себе очевидные вопросы. Старейшина выглядел настоящим извергом, способным на любые поступки.

«Господин не любит тратить шиклу».

Вспомнила она фразу, брошенную рабыней.

«Шиклу... какое интересное название меры серебра...» — подумала Арчита, только чтобы немного отвлечься.

Теперь ее терзали смутные сомнения, что Унташ заплатит ей хоть одну меру медяков. Но она согласна. Лишь бы покинуть это место поскорей.

«А люди в поселении... почему они так смотрели на меня? Слово я корень их бед! И почему они терпят такого правителя?».

Казалось, эти вопросы готовы были запутать еще сильнее.

«Надо было просто ехать на запад, как и задумала изначально».

Но не только странные жители, жуткий дом и мерзкий облик его хозяина вгонял Арчиту в дрожь. Было кое-что еще. Она отчетливо помнила...

Холодное дыхание северного ветра. Обжигающее, как в самую морозную ночь. Шепот. Тихий. Едва уловимый. Подобный шуршанию опавших листьев среди джунглей... Джунглей. где не пели больше птицы...

Она уже слышала его. Всего лишь раз в своей жизни, но хватило, чтобы запомнить навсегда. И жрица надеялась больше не сталкиваться с подобным. Никогда. Но вот это случилось вновь. И Арчита не знала, как поступить дальше. Лишь надеялась, что Богиня-мать защитит ее и сейчас. И раз она услышала глас, значит так надо. Да, она по-прежнему верила в нее, хоть уже давно не жила со своим народом. Ее народа больше нет...

Девушка шумно выдохнула. Переживания и усталость с дороги сделали свое дело. Она сама не заметила, как погрузилась в сон. А изящная ладонь продолжала сжимать рукоять клинка под одеждой.

[1] Богиня-мать — верховное божество Индской цивилизации.

[2] Шиклу (сикль, шекель) — мера массы золота и серебра у древних евреев и других семитских народов, заимствованная у Древнего Вавилона. Сикль серебра (монета массой около 11,4 грамма) служила стандартной денежной единицей на Ближнем Востоке.

Спала чутко. Поэтому когда белая занавесь слегка качнулась, словно от дуновения сквозняка, Арчита тут же подняла веки. Сна ни в одном глазу, а сердце вновь забилося учащенно.

В комнате царил густой полумрак. Судя по всему, день стремительно шел к закату. Горло першило. Только сейчас жрица вспомнила, что не пила с самого утра. Под впечатлениями от дома старейшины и образа его хозяина, желание испить воды мигом улетучилось. Но вот сейчас, после пробуждения, оно явилось вновь. И с удвоенной силой. Чувствуя жажду, девушка скосила взор на глиняный кувшин, стоявший возле циновки. Она не могла объяснить почему, но ей не хотелось снимать крышку. И уж тем более вливать в себя содержимое. Навряд ли Унташ решит ее отравить. Ведь ради чего-то она нужна ему. Однако попробовать на вкус неизвестное пойло желания не было. Жажда хоть и сильна, но вполне еще терпима.

В этот момент грязная занавесь снова чуть покачнулась. Арчита резко обернулась к выходу и прищурилась. Ладонь по-прежнему сжимала медный кинжал. Как темно здесь ни было, ей удалось рассмотреть, что на пороге с той стороны кто-то стоит. Чей-то смутный силуэт, размытый сгустившимся мраком. Арчита не могла понять, кто это. И неясность пугала. Заставляла мурашки бегать по коже. Неизвестный стоял там и не шевелился. Темная фигура, подобная каменному изваянию. Но жрица ощущала на себе его взгляд. Взгляд, лишенный чувств.

В горле пересохло. Арчита нервно сглотнула.

— Кто здесь?

Однако вместо собственного голоса, услышала жалкий хрип.

Фигура за порогом не шевельнулась. Не ответила. Она продолжала молча наблюдать за девушкой. Посреди сумрака и безмолвия.

Арчита кашлянула. В тишине он прозвучал, подобно раскату грома. Наконец, собравшись духом, жрица повторила. На этот раз голос прозвучал более-менее нормально.

— Кто здесь?

Из-за тревоги ей померещилось, что звук эхом отразился от кирпичных стен.

Занавесь чуть подернулась. Однако фигура осталась на месте.

Жрица почувствовала, как испарина заливает лоб. Пальцы буквально вцепились в рукоятку кинжала. Сердце снова стало отдаваться в висках.

В тот момент, когда она уже хотела вытащить оружие из-под одежды, силуэт качнулся. Едва заметно, но девушка уловила движение. А затем раздался голос. Знакомый. Сухой и безжизненный.

— Господин Унташ ждет на ужин.

Арчита закрыла глаза и бесшумно выдохнула.

«Это всего лишь рабыня».

Пальцы на рукояти разжались. Она подняла веки.

— Старейшина приглашает меня?

— Господин Унташ ждет на ужин, — сухо повторила женщина.

Да, теперь Арчита видела, что это она. Длинные волосы почти сливались с окружающей тьмой.

— Хорошо.

Жрица поднялась. Сердце подпрыгнуло в груди, намереваясь пуститься в бешеный такт, но девушка немедленно приказала успокоиться. Спустя секунду ритм стал ровнее. Утерев испарину, Арчита шагнула к выходу. По ту сторону раздались шлепки босых ног. Рабыня отошла, уступая дорогу.

Чуть дрожащей рукой жрица отдернула грязную ткань и очутилась в коридоре.

На улице уже стемнело. Сквозь узкие щели не падал солнечный свет. Арчита оказалась посреди густого мрака. И лишь в дальнем конце коридора напротив выхода мелькали тусклые отблески пламени.

— Почему здесь нет факелов? — спросила Арчита.

Рабыня стояла у стены напротив. Сцепив руки перед собой и устремив взгляд в пол. Опять эта немая, безжизненная поза. В какой-то момент жрице даже почудилась, что рабыня не дышит.

Наконец, та ответила:

— Господин не любит свет.

— Но ведь здесь ничего не видно!

— Господин не любит свет, — сухо повторила та.

Девушка нервно сглотнула:

— Хорошо. Веди.

Она не ответила. Просто тихо развернулась и зашлепала к выходу. Арчита двинулась следом. Чем ближе они приближались к источнику света, тем больше жрица понимала — огонь горит в той самой комнате, где располагался широкий обеденный стол.

«Хоть ужинать не будем в темноте».

Добравшись до комнаты привратника, Арчита невольно бросила взгляд в сторону выхода. Теперь его загораживала дверь. Крепкая, деревянная, с могучим засовом. Странно, почему она днем ее не заметила? Видимо, была слишком напряжена.

«Я и сейчас напряжена».

И что-то ей подсказывало — снаружи по-прежнему дежурят стражники. Верные воины старейшины, вооруженные копьями.

Взгляд скользнул по пустому помещению. Привратника не было.

«Где же все? Не верю, что Унташ живет в таком огромном доме лишь наедине с этой женщиной».

Подумать о том, с кем делит крышу над головой старейшина она не успела. Рабыня остановилась на пороге в комнату с широким обеденным столом. Теперь жрица видела, что тот изготовлен из кедра. Прекрасное и дорогое изделие.

«Господин не любит тратить шиклу».

Вновь пронеслись слова рабыни у девушки в голове. Что-то не очень похоже. Такой стол должен был обойтись хозяину в немалую сумму. Или он не любит тратить шиклу на что-то определенное?

Стол оказался заставлен всевозможными яствами, аромат которых будоражил разум. Несмотря на волнение, Арчита почувствовала, как сводит живот от голода. Она ничего не ела с самого утра, а прогулка верхом на свежем воздухе разыграла аппетит. Старейшина возвышался напротив. За обилием блюд и высотой стола трудно было сказать, на чем он сидел. Свет от пламени одного треножника играл на его бледном лице и разгонял окружающий мрак. Но одного источника было явно недостаточно. Из-за чего в комнате

вита́л давя́щий полумра́к. Не тот, который успокаивает и убаюкивает. Не тот, который передает романтический настрой. А тот, что заставляет напрягать все твои чувства и озираться в поисках угрозы.

— Приветствую тебя, жрица, — вальяжно произнес Унташ и указал пальцем на грубый стул напротив. На правой руке тускло блеснул золотой браслет. — Надеюсь, ты сумеешь по достоинству оценить мое радушие.

— Благодарю, старейшина.

На губах главы селения продолжала играть омерзительная усмешка, а его кожа казалась слишком бледной даже в полумраке зала. Арчиту вновь мысленно передернуло, однако голод это не притупило. Девушка приняла приглашение и села напротив. Стул оказался жестким, с твердой и неудобной спинкой. Словно его из-под палки мастери́л пьяный крестьянин. Посуда также не отличалась изысканностью. Простые глиняные тарелки, горшки и кувшины без росписи. Ни бронзовых сосудов, ни медных кубков. Вместо них обычные кружки. Да и еда оказалась самой простой. Вода, козье молоко, пара тарелок с пшеничными лепешками, блюдо с вареными яйцами и еще несколько — с мясом баранины. Судя по прожилкам, довольно жесткое. Арчита быстро все это подметила, но была слишком голодна, чтобы отказываться. Да и не считала себя привередливой. В странствиях приходилось питаться много хуже. Но вот что не укрылось от ее взгляда, так это контраст. Застолье выглядело простым. И только кедровый стол, да его хозяин выглядели богатыми на фоне его. Словно Унташ потратил все состояние на собственную одежду и на этот стол. А на прочее не хватило.

«Господин не любит тратить шиклу».

— Ты! — повысил голос он.

Арчита, уже собравшаяся опробовать яйцо, вздрогнула и подняла взор на старейшину. Тот смотрел куда-то мимо нее. Бритый лоб нахмурился, а тонкие брови сошлись на переносице. Глубокий взгляд синих глаз устремлялся в сторону выхода. Только теперь жрица поняла, что Унташ обращается не к ней, а к кому-то еще.

— Что встала? — тон хозяина дома оставался холодным. — Нам самим прислуживать себе?

— Иду, господин, — сухо ответила рабыня.

Арчита слышала позади звук босых ног, ступающих по полу. Вот теперь аппетит начинал пропадать. Однако она заставила себя взять яйцо и откусила добрую половину. Оно оказалось приятным на вкус. Или просто она сильно проголодалась.

— Налей мне молока, — потребовал старейшина.

Рабыня послушно взяла в руки один из кувшинов и стала заполнять кружку хозяина.

— Откуда ты родом, жрица?

Арчита замялась:

— Откуда я родом?

— Мой голос настолько пьянит тебя, что ты не можешь сразу расслышать? — усмехнулся Унташ.

Девушка почувствовала, как краснеет. Не от смущения. Высокомерие этого типа раздражало. Тем не менее, она не могла позволить себе грубить.

— Прости старейшина, — она отложила половинку яйца, — но не думаю, что это имеет значение.

— Ты хочешь что-то скрыть от меня?

Молоко наполнило кружку до краев. Рабыня поставила кувшин обратно на стол и отошла в тень. Женщина снова сцепила руки перед собой и уставилась в пол.

— Нет, — натянуто улыбнулась Арчита, — мне нечего скрывать.

— Тогда почему не хочешь усладить мой слух рассказом о себе? — Унташ отпил молока и причмокнул.

— Там не о чем рассказывать.

Девушка взяла остаток яйца и положила в рот. Стала медленно нажевывать.

Глаза Унташа сузились:

— *Я хочу* знать о тебе больше! Кто знает, быть может, ты не жрица вовсе, и я пригрел в своем доме проходимку?!

Арчита резко прекратила работать челюстями и проглотила остатки яйца. Ее глаза округлились, а брови взмыли вверх. Судя по расплывшейся ухмылке, Унташ остался доволен произведенным впечатлением.

— Я?! Проходимка?!

В голосе жрицы сквозило неподдельное возмущение.

Старейшина пожал мускулистыми плечами и отхлебнул молока:

— Поэтому и спрашиваю. Убеди меня в том, что я ошибаюсь.

— Ты не доверяешь своему зрителю, господин?

Вновь эта омерзительная усмешка:

— Доверяй, но проверяй.

Арчита вздохнула.

«В чем-то он прав. Хорошо. Если ему так хочется...».

— Я из долины Синдху, — пожалала она плечами и демонстративно отвернулась.

Унташ глянул на нее исподлобья, продолжая улыбаться. Кажется, его забавляла наигранная неприступность гостьи.

— Я хочу знать точнее.

«Хочу, хочу, хочу... какой мерзкий и самовлюбленный человек!».

Девушка обернулась к нему. Старейшина продолжал нагло пожирать ее глазами.

«Да что ты вылупися на меня, как жеребец на лошадь?!».

Она снова сдержалась и не подала вида. Страх перед старейшиной немного притупился. Теперь усмешка на тонких губах вызывала скорее раздражение, нежели ужас.

— Я из Мохенджо-Даро[1].

Унташ склонил голову влево. В синих глазах заплясал огонек интереса. Ухмылка не сходила с лица, а в правой руке он вертел кружку с остатками молока.

— Мохенджо-Даро, говоришь? Интересно... — протянул старейшина, — я знаю об этом городе. Богатый и процветающий край. Но до меня дошли слухи, что теперь там далеко не так хорошо, как раньше.

Арчита натянуто улыбнулась:

— Не стоит верить всему, что говорят.

— Доверяй, но проверяй, — повторил Унташ и хмыкнул, — верно, я никому не позволю одурачить себя. Но суховеи с юга стали слишком частыми гостями в моих краях. Так, что я склонен верить тому, о чем шепчутся люди насчет Мохенджо-Даро. К тому же... — он выждал паузу и пронзил жрицу взглядом, — все знают, куда держали путь арии, — старейшина выпил остатки молока из кружки.

Арчита поджала губы.

«Пусть так. Лучше никому не знать, что произошло там на самом деле».

Она невольно вернулась в памяти к тем далеким дням. Дням, полным безмятежности и покоя. Широкая улица, ведущая на юг. Одинаковые глиняные дома с соломенными крышами по обеим сторонам. Повозки, запряженные зебу[2], медленно передвигаются по мостовой. Известь приятно хрустит под копытами животных и колесами телег. А вдали возвышается величественная Цитадель. Повсюду снуют беспечные люди в одинаковых светлых одеждах. Они счастливы и радуются жизни... но потом пришла тьма, и улицы Мохенджо-Даро обагрились кровью...

— Еще! — Унташ грохнул кружкой по столу.

Арчита вздрогнула и вернулась в настоящее.

Рабыня покорно подошла, взяла кувшин с козьим молоком и наполнила сосуд хозяина. Тот с презрением смотрел на нее, как на дерьмо. Как только жидкость наполнила кружку до краев, старейшина поднес ее к губам и сделал пару глотков. Женщина поставила кувшин на место, однако отойти не успела. Унташ с силой ударил кружкой о столешницу. Часть молока пролилась и теперь выделялась на темном дереве белыми пятнами.

— В нем комки!

Женщина не ответила. Лишь крепче сцепила руки перед собой и уставилась в пол.

Унташ сел к Арчите в пол-оборота и ткнул пальцем в сосуд:

— Ты должна следить за тем, что подаешь к столу, ничтожная мразь!

— Я смотрела, господин.

— Неужели?! Этим молоком ты оскверняешь не только мои уста. Ты позоришь меня перед почетной гостьей!

Жрица поджала губы, молча наблюдая за происходящим. Хотя на языке вертелось много чего. Однако она ни за что не выскажет это вслух. Так ее воспитали. В чужой дом со своими порядками не ходят.

— Смотри, живо!

Рабыня послушно подошла к столу и склонилась над кружкой. В этот момент старейшина ухватил ее в районе затылка и с силой опустил вниз. Послышался глухой стук. Жрица вздрогнула, когда до нее донесся хруст. И она сразу не поняла, что это — треск поленьев в треножнике, звук расколотой глины или перелом кости... Когда же во все стороны брызнула кровь, Арчита с трудом удержалась, дабы не вскрикнуть. Алые капли разлетелись по всему столу, смешиваясь с остатками пролитого молока. Оседая на пшеничных лепешках и кусочках баранины. Женщина со стоном рухнула на пол, прикрывая руками лицо. Однако Унташ не позволил ей там долго находиться. В следующий миг он схватил рабыню за волосы.

— Ничтожество! Дочь ослицы!

Он потянул вверх, заставляя ее встать. Женщина на мгновение отвела руки, и Арчита с ужасом увидела, что вся нижняя часть лица рабыни перемазана кровью. Та продолжала струиться из ноздрей, смешиваясь с остатками молока на подбородке в омерзительную розовую массу. Однако жрица не могла понять, что ее пугает больше всего — нескончаемый поток крови или безучастное выражение в глазах рабыни. Они оставались все такими же безжизненными, как и всегда. Будто женщина не чувствовала боли. Хотя это было явно не так. С губ несчастной сорвался очередной тихий стон, когда Унташ, держа ее за волосы, сильно потрянул.

— Ты ответишь за нанесенные мне оскорбления! Придется преподать тебе такой урок,

чтобы больше неповадно было!

Арчита сидела, вцепившись в подлокотники стула. Происходящее на ее глазах вызывало страх, отвращение и гнев. Гнев, смешанный с непониманием. Она слишком долго жила в Мохенджо-Даро и не привыкла к такому обращению хозяев к своим рабам. Даже арии, суровые и воинственные люди севера, не опускались до откровенных издевательств над шудрами[3].

«В чужой дом со своими порядками не ходят... в чужой дом со своими порядками не ходят... в чужой дом со своими порядками не ходят!».

Сердце снова забилося учащенно. Жрица отчаянно пыталась успокоиться и сдерживать рвущиеся наружу чувства. Но когда Унташ вознамерился основательно приложить рабыню лицом о стол и лишить ее духа, девушка не выдержала.

— Прекрати!

Рука старейшины дернулась и замерла. Не отпуская волос женщины, он обернулся. Рот перекосила страшная гримаса ярости, обнажив белые зубы. Крылья носа дергались от гнева, а синие глаза пронзали насквозь. Арчита невольно вжалась в спинку стула. Она не могла отвести взора от этой жуткой картины. Жрица ощущала себя кроликом, попавшим в цепкий захват удава... удава со взглядом, словно пожирающим ее живьем.

Продолжая держать несчастную женщину за волосы, Унташ проскрежетал:

— Что ты сказала?

[1] Мохенджо-Даро — город цивилизации долины Инда, возникший около 2600 г до н.э. Расположен в Пакистане, в провинции Синд, в 28 км южнее современного города Ларкана. Является крупнейшим древним городом долины Инда и одним из первых городов Южной Азии, современником древнейших цивилизаций — Древнего Египта и Древней Месопотамии, минойцев на Крите и культуры Норте-Чико в Перу.

[2] Зебу — вид полорогих парнокопытных жвачных животных рода настоящих быков. В отличие от европейской коровы, ведет свое происхождение от индийского тура.

[3] Шудры — одна из четырех варн (сословий) в Древней Индии. Слуги, низшее сословие. В социальной иерархии ниже были только неприкасаемые.

На мгновение Арчита потеряла дар речи. Взгляд этих бездонных глаз, подобных пучине морской, парализовывал. Сковывал, словно лик кобры, явившейся испуганной мыши. Жрица уже видела похожий взор. Один раз. В Мохенджо-Даро. Ей удалось заглянуть по ту сторону. Узреть красные немигающие глаза, в которых сквозило нечто древнее. Внушающее страх...

С тех пор ее жизнь изменилась навсегда. Раскололась надвое. На до, и после. Будто пень срубленного дерева, из которого вверх потянулись молодые побеги. Но след от топора останется навеки. Девушка надеялась больше никогда не сталкиваться с подобным. Взор старейшины, мучившей свою жертву, напомнил ей о прошлом. О том, что она всеми силами пыталась забыть.

«Не показывай. Не показывай ему свой страх!».

— Что ты сказала?

Арчита вцепилась в подлокотники стула. Ногти заскребли по грубой древесине. Спустя пару секунд девушка смогла взять себя в руки и даже уверенно повторить.

— Прекрати.

Унташ склонил голову вправо и прищурился:

— Она моя рабыня. В моем доме. И я могу делать с ней... — тут он начал чеканить каждое слово, — все... что... *пожелаю!*

Арчита промолчала. В глубине души она понимала, что старейшина прав. Каким бы омерзительным и жестоким он ни казался. Под крышей собственного жилища Унташ имеет право на все. А жрица — всего лишь почетная гостья. Девушка невольно смутилась и потупила взор.

Глава селения усмехнулся. Его позабавила реакция Арчиты.

— Но я могу сменить гнев на милость, — внезапно проговорил он, — ведь не такой уж я и изверг, коим могу показаться.

Жрица вскинула голову.

«Он насмехается надо мной?».

— Я могу сменить гнев на милость, — повторил старейшина, — если почтенная гостья попросит за мою рабыню.

Арчита перевела взгляд на женщину. Несмотря на кровь, льющуюся из разбитого носа, та продолжала смотреть на мир глазами, полными пустоты. Будто телесные страдания не приносили ей никаких мук. И только тихие стоны, срывающиеся с губ, опровергали это. Жрицу переполняла жалость к рабыне, смешивающаяся с яростью к Унташу. Тот словно пытался заставить унижаться перед собой, вымаливая для несчастной прощение.

С трудом выговаривая слова, Арчита молвила:

— Да... я прошу за нее.

— Кто же станет прислуживать нам за этим прекрасным столом? — улыбка хозяина стала шире.

Жрица промолчала, но взгляд не отвела.

— Что же, — протянул Унташ и выпустил волосы рабыни из кулака.

Женщина рухнула на колени, прижав ладони к разбитому лицу.

Старейшина с презрением смотрел на нее сверху вниз:

— Молись за нашу почтенную гостью. Ведь это она даровала мою милость тебе. А

теперь — убирайся прочь. Не оскверняй наш ужин своим присутствием. Мы как-нибудь обслужим себя сами.

— Да, господин, — промычала рабыня, не отводя рук от лица.

— И помни. На рассвете тебя ждет наказание. А теперь — пошла вон!

Последние слова Унташ произнес таким тоном, словно прогонял шелудивого пса.

На дрожащих ногах, женщина поднялась. Держалась неуверенно. Смотря бесцветным взором в пол и прижимая руки к лицу, она двинулась к выходу. Вскоре звук шлепающих босых ног стих в мрачном коридоре дома. Унташ и Арчита остались одни. Треск поленьев тихо отдавался в полутьме.

— Прости за это недоразумение, почтенная жрица, — в тоне старейшины не было и толики сожаления. Он обвел взглядом стол и потянулся к кувшину с молоком. — Придется пить из горла. Эта вонючая собака разбила мою любимую кружку!

Девушка поджала губы и снова промолчала. Аппетит резко улетучился.

Унташ поднес сосуд к губам и жадно приложился к краям. Тонкие ручейки потекли по его подбородку. Арчита уже тысячу раз пожалела, что согласилась приехать сюда. Напившись, старейшина смачно рыгнул и отставил кувшин. Пролитое на столе молоко вперемешку с кровью, казалось, его нисколько не смущало. Облокотившись о поверхность локтями, он взглянул на жрицу и ухмыльнулся.

— Значит, ты родом из Мохенджо-Даро?

— Да, господин.

— Прости за мои манеры, но я подзабыл, как твое имя?

— Арчита.

— Интере-е-есно, — протянул он.

Его глаза снова сузились, Унташ стал водить пальцем по горлышку кувшина. Золотой браслет тускло сверкал в пламени треножника.

— Арийское имя. Но ты не похожа на арийку... слишком смуглая кожа и... — его глаза пробежались по лицу девушки, и ту едва не передернуло, — прекрасные волосы. Черные, как смоль.

Жрице почудилось, что по ее телу прошуршали волосатые лапки паука.

— Моя мать из долины Синдху, — сдержанно ответила Арчита, — имя я выбрала при посвящении.

— Интере-е-есно, — вновь протянул Унташ.

— Это неважно. Лучше скажи, зачем я здесь, — девушка поджала губы, — если не считаешь меня проходимкой.

Он продолжал улыбаться и с прищуром смотреть на нее.

— Прости меня, Арчита. Я был не слишком вежлив, усомнившись в тебе. Но мое положение обязывает проверять, с кем я имею дело. Твои слова звучат правдиво. Да и сама ты не выглядишь лгуньей, — его голос понизился до громкого шепота, — прекрасный цветок.

Арчита вновь почувствовала смятение. Страх, смешанный с неприязнью и гневом, тлеющим подобно углям. Старейшина будто этого и добивался. Правая рука жрицы соскользнула с подлокотника и вцепилась в кинжал на поясе. Унташ не видел сего. Ему мешал стол.

— Давно ты жрица?

— Несколько лет.

— Хорошо-о, — с наслаждением выдохнул старейшина, продолжая поглаживать кувшин, — значит, у тебя есть нужные знания, чтобы передать мне волю богов.

— Разве знаний твоих жрецов оказалось недостаточно, господин?

Поглаживания прекратились. Усмешка медленно сползла с губ Унташа.

— Моих жрецов постигла слепота.

Арчита вздрогнула:

— Какое несчастье.

— Да, — Унташ обхватил рукой кувшин. Теперь он напоминал коршуна, вцепившегося в горло цыпленка. — Они перестали видеть дальше своего носа, а с недавних пор... — его губы снова расплылись в ухмылке, — они перестали видеть вовсе.

Девушка похолодела и сильнее сжала рукоятку оружия.

— Чем же я могу помочь?

— Хм.

Унташ поднял кувшин и вновь отпил прямо из горла. Арчита обвела рассеянным взглядом столешницу. Теперь расставленные яства вызывали тошноту.

Вдоволь напившись, старейшина отставил кувшин и продолжил:

— Недалеко от моих владений есть лес. Множество хвойных деревьев. Ты, наверное, видела их, когда направлялась в мою прекрасную обитель.

Арчита кивнула. Да, она помнила те хвойные заросли, похожие на огромный частокол.

— В горах рядом с этим лесом мои верные подданные нашли вход в пещеру. Глубокую и широкую, как мое радушие и добросердечие.

Жрица едва удержалась от ироничного смешка и сохранила беспристрастное выражение.

— В той пещере они обнаружили лазурит. Камень необычайной красоты. Подобно моим глазам.

Девушке все больше и больше начинало казаться, что старейшина безумен. Здоровый человек не станет вести себя так и восхвалять, словно он само божество. Но Унташ, судя по всему, так не думал. Он оставался совершенно серьезен.

— Не понимаю, — покачала головой Арчитив, — зачем тебе жрица?

Глава селения вновь улыбнулся и откинулся назад, облокотившись обнаженной спиной о стену.

— Ты слышала об Эламе[1], прекрасная Арчита?

— Страна на западе? — предположила она.

— Богатая и процветающая страна, — поправил Унташ, — где очень ценят лазурит. Но не это самое важное. А знаешь что?

Арчита лишь вопросительно вскинула брови.

— Элам граничит с Бабилимом[2]. А в Междуречье все просто в восторге от этих синих камней. Ты ведь слышала о Междуречье?

— Да.

Девушка и вправду кое-что знала об этих дальних краях. Пиво и вино из тех мест пользовались уважением в долине Синдху.

— А еще недалеко от той пещеры есть залежи олова, — старейшина вновь расплылся в омерзительной усмешке, — если смешать его с медью, то можно получить куда более крепкий и надежный металл. Воины запада хорошо заплатят за него.

— Все еще не понимаю, причем тут я? — пожалла плечами Арчита.

Улыбка Унташа стала снисходительной, чем вызвала еще большую неприязнь.

— Конечно, — ласково молвил он, — людям трудно осознать величие моих замыслов.

Ведь мой разум намного острее и дальновиднее, чем у многих других.

— Жду, когда господин снизойдет, дабы объяснить, — не удержалась от колкости девушка, но тот и бровью не повел.

— Иначе я бы не стал искать странствующую жрицу для своих желаний, — он вновь ухватил кувшин и отпил немного. К еде даже не притронулся. — Ты ведь имела удовольствие лицезреть мои прекрасные одежды?

Арчита молча кивнула. Сдерживать приступ тошноты становилось все труднее.

— Они из Элама, — Унташ щелкнул пальцем по золотому браслету, — и украшения тоже. Я хочу наладить торговлю с далекими краями. Поставлять туда древесину, лазурит, олово и бронзу. Тогда богатства потекут в Хинду-Кауш рекой! Я стану не просто уважаемым старейшиной. Меня начнут боготворить! И не только в окрестных селениях, но и в далеких краях! — он потряс ладонью, сжатой в кулак.

— Так, что мешает сделать это? — опять пожала плечами Арчита.

— Не что, — поправил тот, — а кто.

— Не понимаю.

— Жрецы вставляют палки мне в колеса, — злобно процедил Унтаж, снова искажаясь в гримасе гнева.

— Они не дают тебе торговать? — изумилась девушка.

— Нет же, милая Арчита, все немного сложнее. Против торговли эти глупые слепцы ничего не имеют.

— Тогда...

— Они не хотят, чтобы я трогал лес! — резко повысил голос старейшина. Его тон заледенел. — Чтобы разрабатывал рудник. Добывал олово и лазурит!

— Почему?

— Говорят, что это земли богов. И нельзя посягать на их богатства.

— А это так? Лес и горы принадлежат богам?

— Хинду-Кауш принадлежит мне! — Унташ грохнул кулаком по столу, аж посуда зазвенела. Арчита вздрогнула. — Мне и только мне! И никому другому! Понимаешь, юная жрица?

— Да-да, — спешно ответила та.

— А вот мои жрецы не понимают. Они не видят дальше своего носа, — повторил старейшина, а затем добавил с улыбкой, от которой у девушки мурашки побежали по спине, — теперь они вообще ничего не видят.

— Что от меня нужно? — тихо спросила она.

— Очень хороший вопрос, — довольный, кивнул Унташ, — я вижу, прекрасная Арчита, ты намного умнее большинства жрецов. Это хорошо. Для всех нас. Разреши мне вырубку леса и постройку рудника, и моя щедрость не будет знать границ... как, впрочем, всегда.

— Если боги дадут согласие...

— Ты не поняла, Арчита, — он подался вперед, голос стал вкрадчивым, — просто разреши!

— Но... — жрица во все глаза уставилась на него, — я не могу так.

— Не говори глупостей, прекрасная посланница богов. Не заставляй меня усомниться в твоём разуме. Мы оба знаем, что обычаи да традиции всего лишь хул гил[3] для немощных

телом и слабых духом.

«*Богохульник!* — мысленно воскликнула Арчита, — *видел бы ты то, что узрела я... что слышу до сих пор... это мигом сбило бы с тебя спесь!*».

— Зачем тебе разрешение жрицы? — вслух спросила она.

— Мои подданные из селения не желают идти против воли жрецов, — раздраженно отмахнулся Унташ, — считают, что за это нас всех покарают боги. Пустые разговоры, лишённые всякого смысла! А сил моих наемников недостаточно, чтобы принудить их! Я итак потратил слишком много лазурита на жалование этим детям гор! А я не люблю тратить шиклу!

«*Значит, и вправду наемники*» — подумала Арчита, а вслух произнесла:

— И ты хочешь, чтобы я...

— Проведи ритуал для вида, — пожал плечами Унташ, — яви якобы волю богов. Скажи, что они нарекли меня своим избранником. И тогда никто больше не посмеет роптать на мои решения.

Арчита вспомнила тех немногочисленных жителей, что встретились ей на пути к дому старейшины. Их недружелюбные и временами даже враждебные взгляды. Теперь она поняла. Те люди просто боялись. Боялись, что их хозяин подкупил незнакомую жрицу или вовсе пригласил проходимку, дабы та разрешила творить то, чего неуютно богам. И тогда гнев последних не заставит себя ждать. О, да. В последнем девушка не сомневалась ни на секунду. Однажды ей довелось увидеть ярость Богини-матери. Кару, ниспосланную ей на головы людские. За то, что посмели посягнуть на священное равновесие...

И здесь может произойти то же самое. Она чувствовала это. Еще тогда, когда только приближалась к селению у подножия Хинду-Кауш. Она слышала *это* в своей голове.

С тех пор, как жрица покинула Мохенджо-Даро, иногда она продолжала слышать голоса. Тихие, временами угрожающие. Подобно шелесту опавших листьев в осеннем лесу. Здесь что-то есть. Под сенью деревьев или в недрах гор. И жрецы старейшины правы — боги явно не хотят, чтобы тот забирал сокровища всевышних.

Арчита поняла. Бояться нужно не Унташа, а того, что повлечет за собой его решение. Но что бы ни скрывали за собой скалы Хинду-Кауш, сейчас оно по-прежнему было там. За естественной природной твердью. А старейшина, обезумевший от алчности и возомнивший себя богом, сидел напротив нее. За широким столом из кедра. И угрожал ей прямо сейчас. Ладонь жрицы вновь невольно сомкнулась на рукояти кинжала.

— Я верю в тебя, Арчита, — ласково проговорил старейшина, — верю, что ты не как мои жрецы, и видишь дальше своего прекрасного носа. Мне бы совсем не хотелось, чтобы ты перестала видеть совсем.

Девушка похолодела. Глава селения теперь угрожал в открытую. А омерзительная усмешка не сходила с его лица.

— Хорошо, — заставила себя кивнуть она, чтобы выиграть время, — я согласна.

— Великолепно! — живо воскликнул Унташ и воздел руки, сжатые в кулаки. — Поверь, моя прекрасная жрица, тебе не придется жалеть о принятом решении. Моя щедрость не имеет границ!

«*Господин не любит тратить шиклу*».

— Я бы хотела узнать, что получу за услуги.

— Хм, — хмыкнул он и потер гладкий подбородок, — ты не веришь в мою искреннюю щедрость?

— Верю, господин, — осторожно ответила жрица, — но я должна знать, в чем она будет выражена.

— Ты и вправду умна, прекрасная Арчита, — глаза старейшины заблестели, — я осыплю тебя лазуритом. Медными кольцами и браслетами. Дам столько провизии в путь, сколько душа пожелает.

Девушка смотрела в эти холодные синие глаза и понимала. Она не верит ни единому слову. Унташ скорее прикажет закопать ее живьем в лесу, нежели отблагодарит за оказанные услуги.

— Ну? — нетерпеливо нажал тот. — Ты смогла оценить мою щедрость по достоинству?

— Да, господин, — вяло улыбнулась жрица, — она и вправду не имеет границ.

— Прекрасно! — воскликнул он и ухватился за кувшин. — Выпьем за это!

Старейшина приложился к сосуду. Белые ручейки вновь потекли по подбородку, сливаясь с бледной кожей.

Арчита же лихорадочно искала выход, но пока не находила. Одно можно было понять наверняка. Из дома ее не выпустят. Однако и продолжать «пировать» в обществе мерзкого изверга желания не осталось. Девушка продолжала испытывать голод. А ей нужны силы. Сердце подсказывало, что завтра они понадобятся. Жрица заставила себя взять пшеничную лепешку. Осмотрев ее на наличие кровавых пятен, и не обнаружив таковых, она откусила солидный кусок. При этом старалась проглотить как можно скорее и закончить это неприятное застолье.

— Все-таки молоко моих коз — лучшее на земле, — смачно причмокнул Унташ и отставил пустой кувшин.

— Угум, — отстраненно бросила Арчита, дожевывая хлеб.

Унташ усмехнулся и утер губы ладонью:

— Как ты можешь судить о нем, прекрасная жрица, если даже не попробовала?

Она вздохнула, пододвинула полный сосуд и наполнила кружку. От напитка шел приятный аромат.

— В доме больше нет слуг? — как бы невзначай спросила она.

— А для чего тебе мои слуги? — хитро улыбнулся Унташ.

Арчита пожала плечами и ухватила кружку:

— Кто-нибудь мог прислуживать за столом еще.

— У меня нет слуг. Только рабыня. И мы хорошо смогли обслужить себя сами.

— Такой огромный дом и нет даже привратника? — невинно поинтересовалась девушка и поднесла кружку ко рту.

— А тебе что, вдруг захотелось покинуть мою чудесную обитель, прекрасная жрица?

Арчита замерла, не успев сделать глоток. Их взгляды встретились. В этих бездонных глазах она увидела смесь хитрости, издевки и угрозы. Однако жрица нашла в себе силы улыбнуться поверх края кружки.

— Нет, — и осушила сосуд за пару больших глотков.

Жажда поутихла. Памятуя о подозрительном кувшине, девушка налила себе еще. Вторая порция молока тут же отправилась вслед за первой.

— Очень хорошо-о-о, — протянул Унташ, — иначе я бы счел это за оскорбление моему радушию и гостеприимству.

— Тогда... — жрица отставила кружку и облизала губы, — позволь им воспользоваться. Завтра предстоит трудный день. Я устала.

— Конечно, прекрасная Арчита, — он не сводил с нее хищного взгляда, — отдыхай и набирайся сил. Завтра они тебе пригодятся.

Жрица постаралась не заметить угрожающего тона, отодвинула стул и поднялась.

Унташ продолжал смотреть на нее:

— Надеюсь, ты найдешь дорогу до своей комнаты? Прости, но я не очень люблю яркий свет и не зажигаю факелов. А моя ничтожная рабыня сейчас не в том виде, чтобы послужить тебе.

Арчита с трудом сдержалась. К горлу подступил комок. Скучный ужин вот-вот готов был попроситься наружу.

Девушка вяло улыбнулась:

— Не волнуйся, господин. Я найду. Третья комната по проходу направо.

— Все так, прекрасная Арчита, все так.

Унташ продолжал смотреть на нее, но взгляд становился туманным. Стекленеющим. Будто разум старейшины улетал. Куда-то далеко и прочь отсюда.

Не желая оставаться в его обществе больше ни на миг, девушка вежливо кивнула и вышла из комнаты.

Позади нее тихо потрескивали угли в треножнике. В отблесках пламени на полу виднелись темные пятна крови. А впереди маячил коридор, погруженный в крошечный мрак.

[1] Элам — историческая область и древнее государство на юго-западе современного Ирана (провинции Хузестан и Лурестан).

[2] Бабилим — Вавилон.

[3] Хул гил («растение радости») — шумерское название опиумного мака.

До комнаты добралась с большим трудом. В коридоре стоял крошечный мрак, лишь слегка рассеиваемый пламенем треножника у коморки привратника. Чем дальше же уходил путь, тем гуще становилась тьма. Тьма и тишина. Когда Арчита остановилась-таки у нужного места, она уже ничего не слышала, кроме собственного дыхания. Отдернув грязную занавесь, жрица вошла внутрь. На ощупь нашла соломенную циновку в углу и с облегчением опустилась на нее. Облокотилась спиной о стену. Голод и жажда прошли. Зато появилась сонливость. Однако девушка отчаянно гнала ее прочь. Она не может сейчас спать. Ей нельзя сейчас спать. Необходимо все обдумать... а лучше попробовать выбраться отсюда. Унташ хоть и обещал щедрую награду за помощь, исполнять обещание был явно не намерен. Да и сама Арчита гневить богов точно не хотела.

«Угораздило меня... послужит мне уроком... впредь буду осторожнее... если выберусь отсюда».

Жрица обвела взглядом комнату. В сгустившейся тьме с трудом можно было различить очертания стен.

«Есть ли выход?».

Мысль бежать через главную дверь она отбросила сразу. Придется пройти мимо комнаты, где сидит Унташ. Можно, конечно, подождать, пока он уснет, но Арчита сомневалась, что ей хватит сил отодвинуть мощный засов без лишнего шума. Да и с той стороны наверняка дежурит верная стража старейшины.

«Нет. Это никуда не годится».

Полная тишина дома давила так сильно, будто на ее плечи свалился сам Хинду-Кауш. Перед мысленным взором то и дело мелькал образ рабыни. С безжизненным взглядом и окровавленным лицом. Арчита чувствовала, как в душу медленно закрадывается страх. Он сковывал и угнетал. Его липкие объятия противились действию. Навевали сонливость. Поэтому жрица изо всех старалась держать себя в руках.

Взгляд черных глаз медленно переместился на окно в виде узкой щели.

«Не пролезу».

Отверстия будто специально были сделаны настолько маленькими, чтобы ни у кого и в мыслях не возникло бежать отсюда. Девушка чувствовала себя узницей мрачной темницы.

От досады она стукнула затылком о стену. В тот же миг позади раздался отчетливый гул. Будто слабое эхо разлетелось по комнате. Арчита вздрогнула, обернулась и невольно осмотрела преграду. Темная стена из необожженной глины. Жрица провела ладонью по шершавой поверхности, а затем, сжав пальцы в кулак, осторожно ударила. Эхо повторилось.

«Она тонкая...».

Девушка нахмурилась и вновь провела ладонью по стене. Поднесла пальцы к ноздрям, принюхалась. Ей удалось ощутить едва уловимый запах влаги.

«... и свежая».

«Господин не любит тратить шиклу».

— А вдруг... — одними губами прошептала Арчита и достала из-под одежды кинжал.

Приложив кончик к поверхности, жрица осторожно надавила. Все-таки лишний раз рисковать не хотелось. Если лезвие сломается, она и вовсе останется беззащитной. На удивление клинок вошел в стену относительно легко, а уже через пару секунд от нее

откололся небольшой кусок и с тихим хрустом упал на пол.

Арчита замерла и прислушалась. Однако она по-прежнему не различала вокруг ничего, кроме собственного дыхания. Дом старейшины хранил полное безмолвие. Его окутывал мрак.

Осторожно вдохнув и выдохнув, девушка поставила клинок в образовавшееся углубление и надавила вновь...

— Зачем тебе это?

Седовласый и бородатый мужчина скрестил руки на мощной груди и с легкой тоской в глазах наблюдал, как она завершает последние приготовления.

Девушка уже облачилась в привычное одеяние без рукавов из овечьей шерсти. Темные распущенные волосы спадали до лопаток.

— Я ведь уже говорила, — тихо бросила Арчита.

— Говорила, — вздохнул он, — но я все равно тебя не понимаю.

— Тяжело мне здесь.

— О, Сурья[1], раскрой мне глаза, ибо я не способен вразумить эту девчонку! — всплеснул руками мужчина. — Да посмотри же на меня!

Арчита вздохнула и отложила котомку с провизией. Обернулась. Он стоял в проеме жилища и загораживал проход. На фоне яркого солнечного света его фигура казалась еще мощнее, чем была на самом деле. Да, несмотря на почтенный возраст, он по-прежнему выглядел внушительно, а в теле ощущалась сила настоящего воина.

— Это все из-за нее, да? — с нажимом спросил он. — Из-за матери?

— Нет, — тихо и мягко ответила девушка, — мама тут не причем.

— Ну, а что тогда?!

Арчита потупила взор и промолчала.

Мужчина закатил глаза и простонал:

— О, боги, не знал, что с тобой будет *так* тяжело. Драка с дикарями изматывает больше. И ради этого я спас тебя оттуда? Чтобы ты бросила меня в столь трудный момент?!

Девушка вздрогнула и вскинула глаза на него:

— Не говори так!

— А что мне еще остается?! Именно это ты и делаешь! Бросаешь меня! Прах твоей матери едва упокоился под могильным курганом, а ты...

— Прекрати! — в отчаянии крикнула Арчита и отвернулась, с трудом сдерживая слезы.

Позади раздался очередной тяжкий вздох. Затем неспешные шаги, и вот она уже чувствует его мощные ладони на своих плечах. Эти прикосновения всегда успокаивали ее. Горечь Арчиты стала притупляться.

— Извини, — буркнул он.

Девушка невольно улыбнулась. Его голос оставался грубым, даже когда он просил прощения. Но при этом сохранял искренность.

— Тебе не надо передо мной извиняться.

— Но ты должна меня понять.

— Я понимаю, отец... но не могу здесь остаться.

Слова давались с трудом, волна горечи готова была вновь захлестнуть ее.

— Скажи... это ведь из-за него? — пальцы слегка сжали плечи.

— Кого?

— Града мертвецов? Из-за того, что там произошло?

Арчита кивнула. Едва заметно, но он увидел это.

— Да. И это тоже. Я должна служить богам.

— Так делай это здесь! Чем мы-то хуже?!

— Ничем! Просто долина Синдху тяготит меня!

— Упрямая девчонка! Вся в мать!

Он силой развернул ее к себе. Арчита аж выдохнула от неожиданности. Взял ее за подбородок и заставил посмотреть прямо в глаза.

— Что там было?! Ну?! Скажи мне, что там было?!

— Нет, — прошептала девушка.

Отец заметил, как от испуга расширились ее зрачки, но напора не ослабил:

— Скажи мне, это ведь был он? Это был Вритра[2]?!

— Нет!

Арчита вырвалась и отступила назад. Она не сводила с отца глаз, полных страха.

Тот, насупившись, следил за ней. Густые брови сошлись на переносице.

— Можешь не отвечать, — грубо бросил он, — я все вижу. Надо быть слепцом, чтобы не заметить очевидное. Брахманы[3] говорят, то место проклято. И теперь я склонен верить им. Но я не понимаю твоего упрямства. Что же ты молчишь?

— Чем меньше знают, тем лучше, — прошептала Арчита, — для всех.

— Для всех?

— Да, для всех.

— Своим молчанием и упрямством ты делаешь только хуже! Не даешь помочь!

Девушка вздрогнула, но снова промолчала. Возможно, отец прав. Она не дает своим молчанием помочь себе. Но зато она помогает другим. Не стоит людям знать, **что** там произошло.

Словно в тумане, она схватила котомку и попыталась пройти мимо отца, но тот схватил ее за руку, привлек к себе и прижал к мощной груди. Арчита закрыла глаза и уткнулась носом в знакомое тело. Девушка слышала биение его сердца. Даже сейчас оно оставалось тихим и ровным. Чего нельзя сказать о ее собственном. То готово было выпрыгнуть из груди и разорваться в один миг.

Отец провел ладонью по ее волосам:

— Останься. Прошу тебя.

— Не могу, — всхлипнула дочь.

— По-твоему, это правильно? По-твоему, арии не нуждаются в связи с богами?

— Это не так.

— Так будь же жрицей здесь! Что тебе мешает? Или я тебе просто опротивел?

— Прекрати! — она обхватила его спину возле лопаток. — Я люблю тебя, как и прежде!

— Тогда почему?

— Арии чтят закон природы. Мое послание должно быть услышано другими... — Арчита замаялась, вспоминая тот жуткий день, когда ей явилась воля Богини-матери, — ...и я просто не могу дольше оставаться здесь из-за... из-за...

— Из-за того, что там произошло, — закончил за нее отец, — но говорить об этом ты не хочешь.

Она промолчала, и он тяжело вздохнул. Отец понял, что переубедить дочь остаться он не сможет. Если только силой не привяжет ее к столбу в соседнем дворе. Он мог это сделать, но не хотел. Пусть мать Арчиты и являлась шудрой, к девушке он относился как к собственной дочери.

— Ладно, — буркнул арий, — раз тебе так хочется. Иди.

— Прости меня... — начала было она, но он резко перебил.

— Хватит. Если не хочешь говорить, то не говори вообще ничего. Ненавижу недомолвки. Возьмешь одну из моих лошадей.

Арчита отстранилась и посмотрела в эти суровые глаза. Они были сухими и строгими, как всегда. Но теперь к суровости воина примешивалась печаль. Сама же девушка с трудом сдерживала слезы. Она хотела остаться, но не могла. Ибо тогда ей станет еще хуже. Такая ирония... Такая судьба.

— Спасибо, — дрогнувшим голосом только и сумела произнести она.

— Одна просьба.

— Какая?

— Помни о нас.

— Клянусь! — с жаром ответила Арчита и снова обняла приемного отца. — Всегда!

Тот ответил на объятия и шепнул на ухо:

— И себя. Помни себя.

«Я помню».

Пальцы крепче сжали рукоятку кинжала. Мышцы напряглись. В разум пришла уверенность. Арчита закусилла нижнюю губу и приготовилась нанести очередной удар по стене. Несколько крупных глиняных осколков уже лежало под ногами. Стоя на коленях, девушка продолжала осторожно ковырять стену. Звук осыпающейся кладки ей казался раскатом грома посреди безмолвного и мрачного дома. Но она продолжала. Продолжала действовать. Ибо просто сидеть и дожидаться рассвета была не намерена.

Когда очередной кусок сыроватой глины с хрустом упал под ноги, жрица резко остановилась. По ее спине пробежал холодок. Рука с кинжалом замерла на полпути. Сердце пропустило удар, чтобы забиться с удвоенной силой. Девушка слышала, как оно отдается в висках и пульсирует в венах. Она не сразу сообразила, что перестала дышать. На лбу выступила испарина.

«Здесь кто-то есть... здесь кто-то есть!».

Паника, подобно снежной лавине с Обители снегов, готова была нахлынуть и утопить с головой в своих ледяных объятиях. Кинжал задрожал в руке. Краем глаза Арчита заметила, как грязная занавесь слегка покачнулась...

Продолжая не дышать, жрица начала медленно оборачиваться. В полной тишине было слышно, как хрустят ее шейные позвонки. Казалось, что прошла целая вечность прежде, чем она наконец повернулась в сторону выхода.

За занавесью кто-то был. Опять. Как в тот раз. Однако теперь предательские мурашки не просто побежали по спине. Подобно встревоженному муравейнику, они покрыли всю кожу. Некто по ту сторону стоял и молча смотрел на нее из мрака коридора. Такой же безмолвный, как и сам дом старейшины. Арчита не понимала, откуда появилось у нее это

чувство, но точно знала.

Это не рабыня.

Воздух тихо вышел из легких. Одул тонкие губы, иссушая нежную кожу. Девушка продолжала смотреть на размытый силуэт, не решаясь произнести и звука. Да и навряд ли она бы смогла. Гортань сковало, в глотке пересохло. И только спустя несколько секунд она заставила себя дышать. Будто во сне неторопливо развернулась всем телом к занавеси и выставила руку с кинжалом перед собой. Если бы Арчита опустила глаза, то увидела, как сильно трясутся пальцы. Дрожь была видна даже во тьме. Но жрица не сводила взора с неизвестной фигуры, продолжавшей безмолвно наблюдать за ней.

«Унташ?».

Она не знала. Тьма была слишком густой, фигура слишком размытой... а паника слишком велика. Девушка с трудом держала себя в руках. И лишь образ сурового ария, ее отца, временами всплывающего в памяти, не позволял страху окончательно завладеть телом и лишить разума.

Так прошла минута. Неизвестный стоял по ту сторону занавеси и наблюдал за жрицей из темноты. Та не сводила глаз с пугающего силуэта. Рука с кинжалом была выставлена перед собой. Клинок дрожал в ладони, как лист на ветру.

А затем она ***услышала***. Шепот. Тихий и едва уловимый. Кто-то звал ее ***по имени***.

Зрачки девушки резко расширились. Липкий пот покрыл лицо.

В тот же миг фигура качнулась и словно поплыла влево. Спустя секунду она уже исчезла во тьме коридора.

Она продолжала стоять на коленях, не в силах пошевелиться. Рука, вытянутая вперед и сжимавшая кинжал, стала затекать. Мышцы дрожали от напряжения. Тело бил озноб, как в лихорадке. Лишь спустя несколько мгновений Арчита смогла сбросить оцепенение и провела по лицу трясущимися пальцами. Ладонь тут же увлажнилась от липкого пота. Он оказался холодным и неприятным. Девушка задышала чуть громче. Воздух входил и выходил через ноздри с тихим свистом.

Вокруг снова был полный мрак и безмолвие.

«Кто это был? Унташ? Или кто-то еще? Что ему надо?».

Вопросы, подобно встревоженному осиному рою, вились в голове, норовя ужалить побольнее. Но жрица не могла от них отмахнуться. Арчита не знала ответов, но отчаянно нуждалась в них. Ведь кто-то ***видел***, как она пытается расковырять стену кинжалом. Осознание этого лишь усилило неразбериху, охватившую разум. Теперь ворох вопросов смешался с непониманием и нерешительностью, как поступить дальше. Арчиту трясло от напряжения и страха.

«Я должна пойти за ним... или остаться... нет, надо остаться! Что я буду делать среди тьмы? И что буду делать, если найду его?... А что если он все расскажет Унташу?... Но я нужна старейшине... О, боги, помогите мне!».

В этот миг она снова слышала шепот. Такой же тихий, как и прежде. Однако на этот раз он шел словно издалека. Звук пронесся по коридору, будто легкий сквознячок. Посреди мрака и безмолвия Арчита опять уловила, как кто-то зовет ее по имени. ***По ее настоящему имени***. Жрица почувствовала, как волосы шевелятся на голове.

Никто не может знать ее настоящего имени. Ведь **все они уже мертвы!**

Шепот раздался вновь. Грязная занавесь покачнулась.

Арчита поняла, что не в силах больше стоять на коленях в этой тесной комнатке. Воздуха начинало не хватать. Медленно, опираясь локтем о стену, девушка поднялась. Ноги затекли. Она не чувствовала ничего ниже колен. Пришлось постоять несколько секунд и подождать, пока кровь не насытит члены. При этом она с опаской вглядывалась во тьму коридора за занавесью. Шепот больше не повторился. Наконец в голених запульсировало. В кожу словно воткнули с десятков иголок, но жрица не обратила на это внимания. Крепко сжав кинжал так, что костяшки побелели, она сделала неуверенный шаг к выходу. Затем еще один. Оттолкнулась от стены. Кровь побежала по венам быстрее. Теперь она могла уверенно стоять на ногах.

В этот момент едва уловимый шепот опять прокатился по коридору, заставив занавесь слегка покачнуться. Будто неизвестный осознанно дал время жрице прийти в себя. Ощущая, как гулко бьется сердце в груди, и что пот снова начинает заливать лицо, Арчита шагнула вперед и остановилась напротив грязной ткани. Девушка смотрела на тонкую преграду, будто перед ней была орда пауков. Ее обуревали омерзение и страх. Страх перед тем, что ждет ее впереди. Занавесь вновь слегка покачнулась, словно приглашая одернуть ее.

«Помни. Помни себя».

Шумно вдохнув, Арчита ухватила за край ткани. Она медлила всего пару мгновений. Когда некто вновь позвал ее по имени, жрица решительно отдернула занавесь и вышла во мрак коридора.

Справа все тонуло в кромешной тьме. Как жрица ни щурилась, она не смогла различить абсолютно ничего. Слева далеко впереди мерцал тусклый огонек, немного разгоняя тьму вокруг себя. Однако то не был отсвет пламени треножника, что стоял в комнате, где проходил ужин со старейшиной. Свет шел из помещения, находившегося гораздо дальше. В восточной части дома. Комната же, где они сидели с Унташом, оказалась погружена во мрак.

Слушая биение собственного сердца, Арчита медленно пошла на загадочный свет...

[1] Сурья — бог Солнца в индуизме. В Ведийский период одно из трех главных божеств наряду с Индрой (Царь богов) и Агни (бог огня).

[2] Вритра — в индуизме змееобразный демон хаоса.

[3] Брахманы — члены высшей варны (касты) индуистского общества. Исторически были жрецами, учителями, отшельниками и учеными.

Она осторожно передвигала ногами, боясь споткнуться о какой-нибудь предмет или неровность. Глиняный пол тонул во мраке. Тихое шарканье ступней отдавалось в пустоте коридора. Оно казалось громким среди этого безмолвия. Слишком громким. Настолько, что ей чудилось, будто где-то рядом неумелый плотник работает каменной пилой. Жрица слышала свое тихое, но учащенное дыхание. Оно со свистом врывалось через ноздри и вылетало изо рта. Кожа на губах высохла и потрескалась, но девушка не решалась облизнуть их. Она даже не вытерла холодную испарину, полностью залившую лоб. Капельки липкого пота скопились на переносице и готовы были стекать вниз. Но Арчита будто не замечала их. Ее взгляд оставался прикован к тусклому свечению впереди. Сердце гулко билось о ребра, отдаваясь в висках кузнечным молотом. Правая рука, сжимавшая медный кинжал, слегка тряслась.

Она ничего не слышала. Только тихое шуршание подошв по полу, да свистящее дыхание. Дом хранил безмолвие и стоял, окутанный покрывалом тьмы. Это пугало до дрожи в коленях. Ноги плохо слушались и с трудом разгибались. Но Арчита продолжала идти вперед. На свет. Окружающая тишина казалась такой же плотной и непробиваемой, как скалы Хинду-Кауш.

Девушка миновала вход в соседнюю комнату. Его загораживала похожая грязная занавесь, как и проем помещения для гостей. В окружающем мраке светлая ткань казалась бесформенным и непонятным куском.

«Я предоставлю тебе одну из лучших комнат в моем жилище» — вспомнились слова старейшины. Если это была лучшая, то жрица даже представлять не хотела, что творится в других.

Вскоре она прошла еще один проем. Арчита приближалась к тому месту, где коридор расширился, сливаясь с комнатой привратника. Напротив нее как раз находился вход в широкую залу, где проходил вечерний ужин. Судя по тьме, теперь там не горело пламя в треножнике. Лишь тусклый свет далеко впереди служил каким-то ориентиром.

Поравнявшись с коморкой привратника, девушка бросила косой взгляд в сторону выхода. В темноте различить очертания двери было невозможно. Сейчас жрице чудилось, что ее там и вовсе нет. Лишь черная зияющая бездна. И чем дальше она смотрела в нее, тем сильнее казалось, что эта бездна поглощает ее. По затылку пробежали мурашки.

Медленно Арчита обернулась влево — туда, где находилась зала, в которой она ужинала с Унташом. Треножник больше не горел. Комната тонула во тьме. Очертания широкого стола из кедра, уставленного тарелками и кувшинами, с трудом проглядывали сквозь непроницаемую завесу. Отсюда, из коридора, силуэты сосудов напоминали маленьких и толстых якша[1], готовых наброситься на незваную гостью и растерзать в один миг. Они стояли и молча смотрели на нее, обнажая в омерзительных улыбках острые зубы. Вот один из кувшинов шевельнулся...

Арчита на мгновение прикрыла глаза, стараясь прогнать наваждение.

«Все не так... все не так, как я вижу... я просто надумываю... помоги мне, Богиня-мать... прошу тебя, дай мне сил».

Жрица подняла веки.

Сосуды стояли на том же месте, что и раньше.

Девушка шумно сглотнула, а затем тихо выдохнула. Прищурилась, вглядываясь во тьму. Однако больше разобрать ничего не удалось. Она не знала, прячется ли там Унташ. Следит ли за ней сейчас. И не хотела знать.

Обернувшись лицом к тусклому свету, Арчита продолжила путь. Зала с широким столом из кедра и жуткими образами кувшинов осталась позади. Но даже сквозь стены и мрак ей снова стало казаться, что те наблюдают за ней.

«Прекрати! Сейчас же прекрати!».

Девушка громко вдохнула и выдохнула. Воздух с присвистом вышел через рот. Жрица ощутила, как напряжены и дрожат мышцы шеи. По телу пошел озноб, хотя в коридоре не было холодно.

Тем временем свет становился все ближе. Арчита только сейчас поймала себя на мысли, что до сих пор не видит его источник. Что это? Очаг? Лампа? Треножник? Факел?

«И почему нет отблесков? Как от огня?».

Озноб усилился. Жрица поняла, что ее так смущает в этом свете. Он будто исходил от далекой звезды... и не отражался от поверхностей. Яркое пятно, повисшее в воздухе.

«Разве такое бывает? Или это звезда упала с неба? Но это невозможно...».

Арчита вдруг резко осознала, что больше не хочет идти на свет. Желание вернуться в комнату для гостей и вновь попробовать расковырять стену кинжалом становилось все сильнее. От тусклого сияния веяло чем-то таинственным, непонятным. И это пугало даже больше, чем образ деспотичного старейшины или загадочных фигур, скрывавшихся во мраке.

Сомнения обуяли голову. В душу закралось смятение. И в тот момент, когда она уже хотела остановиться, по коридору пронесся шепот. Тихий, словно ветер играет опавшими листьями в осеннем лесу. Шепот, произносящий ее имя...

Девушка замерла. Она почувствовала... Легкое, едва уловимое касание сквозняка. Будто кто-то дотронулся до кончиков волос. Арчита перестала дышать. Сердце теперь так сильно билось в груди, что нельзя было разобрать ритм. Пальцы вцепились в рукоятку кинжала, как утопающий хватается за соломинку. Теперь клинок не просто трясся в ладони. Он ходил ходуном.

«Я должна посмотреть... я должна посмотреть...».

Но жрица не хотела. Еще пару мгновений назад Арчита мечтала бросить все и вернуться в комнату для гостей, за эту грязную занавесь. Но только не сейчас. Сейчас ей казалось, что если она обернется, то увидит... увидит... она боялась даже подумать о том, что именно может увидеть. Однако неприятное ощущение жгло ей между лопаток. Ощущение, которое подсказывало. Теперь коридор позади не был таким пустым. Там, посреди безмолвной темноты, кто-то есть. И Арчита должна обернуться.

Воспаленное воображение рисовало ей целые ряды кувшинов, грудой стоявших в коридоре. Скаля острые зубы в омерзительных усмешках, они только и ждут, когда она развернется, чтобы наброситься. Впитаться в ее шею, разгрызая плоть и забирая жизнь...

«Помоги мне... Богиня-мать, помоги мне!».

Жрица осознала, что не дышит уже с минуту. Легкие начинали гореть. Пот стекал на ресницы. Девушка осторожно вдохнула. На секунду прикрыла глаза. Выдохнула. Подняла веки. Затем стала медленно оборачиваться. Свет от неизвестного источника с трудом разгонял мрак в паре шагов от нее. Дыхание участилось. Сердце готово было сжаться от страха, но оно колотилось так быстро, что Арчита опасалась, как бы оно не разорвалось прямо в груди. Казалось, прошла целая вечность прежде, чем она развернулась назад и

установилась в темноту широко раскрытыми глазами. Кинжал жрица вновь держала перед собой в вытянутой руке.

Коридор был пуст. По крайней мере, она не смогла ничего рассмотреть. Глиняные стены из обожженного кирпича уходили вперед, теряясь во мгле. Никаких якша в облике оживших кувшинов с острыми зубами. Дом старейшины продолжал хранить тишину. Мертвую и гнетущую. Только прерывистое дыхание Арчиты разрывало безмолвие, подобно отдаленным раскатам грома.

До рези в глазах, жрица всмотрелась вперед, но ничего не заметила. Ресницы намokли от пота. Девушка моргнула. Глубоко вдохнула. Выдохнула. К горлу подступил комок. Арчита чувствовала, как паника готова вот-вот захлестнуть ее, подобно волне. Сердце отчаянно колотилось. Еще один глубокий вдох. Выдох.

«Надо успокоиться, — вдох, выдох, — надо успокоиться, — вдох, выдох, — вот так... бейся ровнее... бейся ровнее...».

Спустя несколько секунд, она ощутила, как стук в груди становится менее отчетливым. Удары медленно затихают, все приходит в норму. Жрица заставила себя закрыть глаза. Не думать ни о чем. Есть только она, ее сердце, и мысли о Богине-матери. Пальцы продолжали крепко сжимать рукоятку клинка.

Еще минута. Прошла еще минута прежде, чем сердце вернуло себе нормальный ритм. Девушка медленно подняла веки.

«Вот так... хорошо... все хорошо».

Свет позади внезапно погас.

Внутри у Арчиты резко все сжалось в комок. Кинжал чудом не выпал из руки. Лишь в последний момент она смогла удержать его в ладони, намokшей от пота так, будто окунулась в бочке с водой. Жрица почувствовала, как только что успокоившееся сердце снова начинает заходиться в бешеном ритме. Теперь она даже не пыталась остановить его. Из груди вырывалось прерывистое и громкое дыхание.

«Что... что происходит?».

Она не успела поразмыслить над этим, да и вряд ли бы смогла. Паника готова была захлестнуть ее разум. Заставить броситься наутек, не разбирая дороги. Куда угодно, лишь бы не стоять на месте.

Но потом она услышала. Звук позади нее. Там, откуда еще совсем недавно исходило таинственное свечение.

«Шварк-шварк... шварк-шварк... шварк-шварк».

Все тело Арчиты покрылось гусиной кожей. Она стояла, не шевелясь и прислушиваясь к звукам. Те казались жуткими и зловещими посреди мрака и тишины.

«Шварк-шварк... шварк-шварк... шварк-шварк».

Как будто кто-то неумело разделяет овощи тупым ножом.

Медленно, как в тумане, девушка развернулась. Она почувствовала, что вся кровь отхлынула от лица.

Свечение исчезло. Однако теперь можно было различить небольшой проход, который жрица не заметила раньше. Как и вход в большую залу, его не прикрывала светлая ткань. Проем оставался открытым. Оттуда лился тусклый свет. Судя по всему, от небольшого очага.

Источник звуков находился там.

«Шварк-шварк... шварк-шварк... шварк-шварк».

«Это, должно быть, кухня, — подумала Арчита, немного успокаиваясь, — это кухня, и кто-то готовит еду... наверное, рабыня Унташа».

Сия догадка позволила девушке слегка успокоиться. Она шумно выдохнула и утерла наконец пот со лба. Однако сердце продолжало биться учащенно, а в ногах разливалась предательская слабость. Тем не менее Арчита смогла взять себя в руки. Паника отступила.

«Это она звала меня? Нет, не может быть. Наверное, мне просто почудилось... но кто смотрел на меня через занавесь?».

Вопросы возникали в голове один за другим, и она не могла дать на них ответа. Поэтому просто пошла вперед. К проходу, из которого доносились звуки нарезания свежих овощей.

«Шварк-шварк... шварк-шварк... шварк-шварк».

Добравшись до входа, Арчита замерла в нерешительности, а затем, пересилив себя, заглянула внутрь.

Помещение и вправду оказалось кухней. Слева располагался небольшой очаг. Сквозь щели между кирпичной кладкой было видно, как тлеют угли. Они приятно потрескивали и ласкали взор красноватым свечением. Из щелей расходилось тепло и поднималось вверх. Арчита ощущала его на своем лице. Легкое и обволакивающее.

Прямо напротив проема виднелось окно. Такое же узкое, как и остальные в доме. Оно выходило на север, к подножию гор Хинду-Кауш. Снаружи стояла ночная тьма. Возле окна на стене были развешены луковые головки. Судя по виду, уже достаточно сухие. Однако в кухне витал запах и свежих овощей. В том числе и зеленого лука. Арчита отчетливо уловила его острый аромат. Глаза начали невольно слезиться, и жрица быстро протерла их. Переведя взгляд вправо она, наконец, увидела, что являлось источником загадочных звуков.

В нескольких шагах от входа стоял высокий и грубо сколоченный стол. Довольно старый. Деревянные ножки покрылись слоем трещин и потемнели. Возле стола находилась женщина и монотонными движениями нарезала свежие овощи. Судя по запахам — листья салата и зеленый лук. Незнакомка стояла спиной к Арчите, поэтому жрица не могла рассмотреть ее лица. Поначалу девушка приняла ее за рабыню Унташа, однако присмотревшись поняла, что это не она.

У женщины были длинные черные волосы, волнистыми локонами опускавшимися на плечи. Местами они оказались тронуты серебристым налетом седины. Тело скрывала светлая ночная рубаша. Она болталась на незнакомке, будто была ей сильно не по размеру. Словно женщина похудела, и одежда стала свободной.

Арчита внимательно рассматривала незнакомку, силясь понять, кто же она такая?

«Еще одна рабыня? Или, быть может, супруга старейшины? Но Унташ говорил, что живет один... но можно ли ему верить?».

На последний вопрос жрица знала ответ — нет.

Продолжая наблюдать за тем, как женщина монотонно нарезает овощи, девушка невольно поймала себя на мысли, что фигура неизвестной кажется ей знакомой. Арчита нахмурилась и вгляделась внимательней.

Эти черные, цвета воронова крыла, волосы... тронутые сединой локоны... светлая ночная рубаша...

Жрица вздрогнула и мотнула головой.

«Прекрати! Хватит. Ты просто устала и напугана. Это все глупости!».

Тем не менее неприятный холодок вновь пробежал по спине, несмотря на то, что от очага исходило тепло.

Вдохнув в легкие побольше воздуха, Арчита молвила:

— Доброго вечера.

Голос жрицы прозвучал настолько тихо и хрипло, что она сама невольно испугалась.

Женщина, казалось, не расслышала. Она продолжала нарезать свежие овощи спокойными и ровными движениями.

«Шварк-шварк... шварк-шварк... шварк-шварк».

Какое-то время девушка стояла в нерешительности. В голове пронеслась мысль не мешать незнакомке, а вернуться в свою комнату и дожидаться рассвета. После всего, что ей пришлось пережить, это уже не казалось такой уж плохой идеей. Однако осознание того, что придется возвращаться по темному коридору, невольно вгоняло в дрожь. Быть может, удастся выпросить у женщины немного огня?

Облизав пересохшие губы и откашлявшись, девушка поприветствовала снова. На этот раз голос прозвучал громко и убедительно. Почти, как обычно.

— Доброго вечера.

Незнакомка резко остановилась. Звуки нарезания овощей прекратились, погружая дом в мертвую тишину. Только угли слабо потрескивали в очаге.

Внезапно Арчита пожалела, что обратилась к незнакомке. То ли от наступившей тишины... то ли от того, как напряглось тело женщины под одеждой. При этом она не спешила оборачиваться.

Жрица инстинктивно сжала собственный клинок. Ей почему-то уже не хотелось, чтобы женщина повернулась к ней лицом. Девушка была согласна возвращаться в полной темноте. Непонятно из-за чего возникшее чувство страха начало медленно охватывать все ее существо. Вползая в самые потаенные уголки души. Опутывая липкой нитью ужаса. Словно жирный и мохнатый паук плетет свою паутину. А нерадивая мошка уже угодила в его коварные лапы и готова послужить обедом...

Женщина начала оборачиваться...

Арчита почувствовала, как ноги становятся ватными.

«Нет... нет-нет-нет... не оборачивайся. Режь свои овощи. Не оборачивайся. Я просто уйду. Не оборачивайся...».

Незнакомка не услышала мысленный призыв. Она продолжила движение. И чем больше Арчита видела, тем хуже ей становилось. Тем сильнее она ощущала, как в ее лице не остается и кровинки.

Вот, женщина полностью развернулась. В правой руке она держала тупой кухонный нож. На медном лезвии виднелись следы салата и зеленого лука. Сок овощей медленно капал с металла на пол. Однако Арчита не смотрела туда. Она не могла оторвать взгляда от лица незнакомки. Спустя пару мгновений та уже таковой не являлась.

Несколько секунд Арчита с ужасом вглядывалась в лицо женщины, а затем резко отпрянула назад, больно ударившись о дверной косяк. Спину между лопаток пронзила боль, но жрица даже не заметила ее. Широко раскрытыми глазами она смотрела на ту, кто предстал перед ней. Кинжал едва не выпал из ходившей ходуном ладони.

Тонкие губы девушки приоткрылись, и с них сорвался громкий хрип:

— Мама?!

[1] Якша — в индуизме, буддизме и джайнизме — одна из разновидностей природных духов, ассоциируемых с деревьями и выступающих хранителями природных сокровищ. С одной стороны, якша может быть совершенно безобидным существом, ассоциируемым с лесами и горами, а с другой — подобным ракшасе монстром-людоедом, злым духом или демоном, поедающим путников в лесной глухомани.

— Ты... ты...

Арчита с трудом ворочала языком.

Это не могла быть она... это не могла быть она! Прах ее матери похоронен под могильным курганом в долине Синдху. Девушка сама опускала урну!

Но сейчас она стояла прямо перед ней. И это не было игрой воспаленного воображения. Не было причудливым отблеском тлеющих углей, решивших вместе с тенями разыграть злую шутку. Арчита ясно видела перед собой эту женщину. И жрица признала бы ее из тысячи других. Такие знакомые черты лица... Лоб, испещренный морщинами. Да, она часто хмурилась и печалилась. С того самого дня, как вернулся с просеки отец... Ее настоящий отец. Именно тогда волосы матери стал покрывать серебристый налет седины. Арчита была еще слишком мала, чтобы понимать причин. Но изменения в облике родного человека запомнились навсегда. И они оставались у матери до самой смерти...

«До самой смерти...».

Но ведь сейчас она стоит перед ней. Живая и невредимая! Что она здесь делает? Как тут оказалась? И... и... почему Арчита не спешит броситься ей навстречу и заключить в объятия? Жрица сама не знала ответов. Ни на один вопрос. Она просто стояла, оперевшись о дверной косяк и во все глаза смотрела на свою мать.

— Как... — с трудом просипела девушка, — как ты... тебя... ты же...

Мать внимательно рассматривала ее. Таким родным и знакомым взглядом. Не раз у нее бывал подобный взор, когда она собиралась пожуричь или наказать дочь за мелкую шалость. В их семье сие называлось «устроить». И Арчита сама не осознавала, как сильно уже успела соскучиться по этому взгляду, который в детстве обычно не сулил ничего хорошего... Но сейчас что-то было не так, однако ошеломленный разум жрицы не мог понять, что же именно.

Внезапно рот матери слегка приоткрылся, и с ее уст слетели четкие слова. В кухне прозвучал знакомый, слегка хрипловатый голос.

— Сделай то, что велит Унташ.

Жрица вздрогнула:

— Что?!

— Сделай то, что велит Унташ, — повторила мать.

Девушка почувствовала, как начинает кружиться голова. Воздуха стало не хватать. Непроизвольно она дотронулась до основания шеи и глубоко вдохнула. Жрица была в смятении. Она по-прежнему не понимала, как такое возможно — увидеть здесь собственную мать, урну с прахом которой она сама отнесла под могильный курган. Но еще сильнее ее поразило то, о чем та сейчас просит. Как такое вообще возможно? Неужели она разделяет планы изверга-старейшины?

— Я... я... я не могу, — выдавила девушка.

Брови матери поползли вверх. Капли овощного сока продолжали медленно стекать по лезвию на пол.

— Почему?

— Да разве это важно? — Арчита начинала потихоньку приходить в себя. — Скажи лучше, как это возможно?! Ведь я сама...

— Почему? — так резко перебила мать, что дочь вмиг снова опешила.

— Почему... что?

— Почему ты не можешь сделать так, как велит Унташ?

Арчита сглотнула:

— Его помыслы гневят богов. А ты сама прекрасно знаешь — мы должны чтить их заветы.

Мать не ответила. Она продолжала смотреть на дочь, вскинув черные брови.

Шумно выдохнув, девушка добавила:

— Поэтому я и стала жрицей. Чтобы нести людям волю богов и наставлять их на путь истинный. Чтобы Богиня-мать была довольна мной и гордилась своими детьми... — на мгновение она замялась, но потом продолжила, — чтобы не повторилось то, что случилось в Мохенджо-Даро. Никогда. Мы должны чтить заветы богов.

— Сделай так, как велит Унташ, — невозмутимо повторила женщина.

— Мама! — воскликнула Арчита. — Ты что, меня не слышишь?! Так нельзя! Я не могу! Это...

Девушка осеклась.

В глазах матери что-то блеснуло... а затем ее зрачки начали расширяться. Медленно, они заполняли белки, поглощая их, словно бездонная пропасть. Арчита в ужасе наблюдала, как меняются знакомые черты. Морщины углубились. Глазницы впали. Вены вздулись на руках. Пальцы крепче сжали кухонный нож, по лезвию которого продолжал стекать сок овощей.

— Сделай так, как велит Унташ, — голос женщины стал утробным и грубым, — сделай так, как велит Унташ.

Арчиту стало мутить. Разум отказывался воспринимать то, что происходит. Паника, с таким трудом сдерживаемая до этого момента, вырвалась наружу и затопила сознание жрицы. Перед глазами все поплыло и начало двоиться.

«Это все не правда... это все не правда... это все не правда!».

Кто бы сейчас ни стоял перед ней, то была не ее мать. Нечто, принявшее ее облик. Склоняющее к тому, что она поклялась никогда не делать. С того самого момента, как столкнулась с вестником Богини-матери.

«Это не моя мать... это не моя мать...».

Женщина шагнула к ней. Рука с ножом поднялась до пояса.

— Сделай так, как велит Унташ.

Повторила она утробно и безжизненно. Так же безжизненно, как звучал голос рабыни старейшины. Теперь ничто в облике матери не напоминало знакомые черты. Они полностью стерлись и исказились, будто перед жрицей предстала сама рахшаси[1].

— Сделай так, как велит Унташ.

«Богиня-мать, да что здесь происходит?!».

— Сделай так, как велит Унташ.

Существо, выдававшее себя за мать Арчиты, приблизилось к девушке еще на пару шагов. Пальцы повернули кухонный нож в ладони, направив острие вниз. Рука стала медленно подниматься. У жрицы не осталось больше сомнений — она... оно... хочет ударить ее! И метит прямо в сердце!

«Надо бежать... мне надо бежать...».

От страха и паники, заполнивших разум, она напрочь забыла о кинжале, который по-

прежнему сжимала в потной ладони. Чувствуя сильную слабость, и как ноги налились свинцом, Арчита заставила-таки себя оттолкнуться от косяка и уже готова была ринуться в коридор, как женщина внезапно закричала. Пронзительный визг содрогнул стены и оглушил жрицу.

— **СДЕЛАЙ ТАК, КАК ВЕЛИТ УНТАШ!!!**

Рука с кухонным ножом молниеносно замахнулась и опустилась девушке на грудь. С уст Арчиты сорвался вопль ужаса и отчаяния, а затем все погрузилось во тьму.

Жрица резко открыла глаза. Из легких вырвался громкий хрип, а следом уже летел вопль ужаса и отчаяния, но в последний момент Арчита успела прикрыть рот ладонью и сдержаться.

Беглого взгляда вокруг оказалось достаточно, чтобы понять — она сидит в комнате, что ей выделил Унташ для ночлега. Прислонившись к стене напротив той, которую хотела расковырять кинжалом. У подножия сырого кирпича виднелись отколовшиеся куски глины, а в самой преграде — внушительное углубление. Арчита невольно опустила взгляд вниз. Пальцы по-прежнему сжимали в ладони медный кинжал. Лезвие было испачкано в глине. В сумраке комнаты бурые пятна походили на кровь.

«Сумраке...».

Жрица скосила взгляд на окно. Сквозь узкую щель пробивались первые лучи утреннего света. Он был еще слишком слабый, поэтому Арчита решила, что солнце пока не взошло.

Девушка зажмурила глаза, ткнулась затылком в стену и громко выдохнула. Инстинктивно провела рукой по груди. Следа от удара ножом не было. Сердце продолжало биться под ребрами. Губы девушки дрожали. Очи увлажнились. Арчита вытерла со лба мерзкую и холодную испарину.

«Что... что это было... что здесь происходит?».

Первой ее мыслью было то, что она просто заснула. Устав с дороги и испытав сильное потрясение, разум уплыл в объятия сна в самый неподходящий момент — когда она пыталась найти выход, ковыряя кинжалом стену. А все остальное — таинственный силуэт, блуждание по мрачному и тихому коридору, кувшины в облике злобных якша, загадочный свет, встреча с матерью на кухне... тут Арчита вздрогнула и зажмурилась сильнее, слезы потекли по щекам — все это лишь сон. Жестокая игра разума, подавленного событиями прошлого дня...

Но чем дольше Арчита думала об этом, тем сильнее становились сомнения. Они стремительно нарастали, подобно снежному кому, и готовы были превратиться в неумолимую лавину.

Жрица вспомнила, как слышала загадочный голос на подходе к селению. Вспомнила ледяное дыхание ветра, подобно морозной зиме. Он словно нашептывал ей. Зазывал ее сюда. Арчита слышала уже нечто подобное. Всего лишь раз в своей жизни. И тогда это звучало, как предупреждение... с тех пор она поклялась посвятить свою жизнь служению богам. Чтобы люди не допускали тех ошибок, которые совершили жители долины Синдху.

Поначалу ей думалось, что голос, явившийся ей у подножия Хинду-Кауш — это очередное предупреждение. Предупреждение от богов, что местные готовы нарушить равновесие. А Арчита — посланница воли всевышних, которая должна наставить их на путь

истинный. Пока не оказалось слишком поздно. Образ деспотичного старейшины лишь укрепил подозрения девушки, что с поселением что-то не так. Но чем больше жрица узнавала Унташа, тем явственней становилась уверенность — местные жители тут не при чем. И только старейшина своими действиями толкает людей за собой в пропасть.

Что же тогда?

Кажется, Арчита поняла только сейчас. После видения, ниспосланного ей... кем?

«Тем, кто обратился ко мне тогда...».

«Сюда...».

Девушка вздрогнула. Она внезапно осознала. То было не предупреждение. Не зов богов. Некто завлек ее в ловушку... и теперь пытается заставить совершить богохульство. Осквернить земли богов и исполнить желания Унташа.

«Сделай так, как велит Унташ».

Дыхание жрицы участилось. Кому-то нужно, чтобы старейшина вырубил лес, разработал рудник, раскопал гору... для чего? Неужели...

Страшная догадка осенила Арчиту. Ее прошиб пот.

«Нечто хочет выбраться оттуда... нечто ужасное... и ему нужна я...».

Арчита отпрянула от стены и до боли сжала рукоятку кинжала.

«Не бывает этому! Надо убираться отсюда... и рассказать, что тут происходит. Нужно остановить Унташа...».

Взгляд девушки задержался на углублении в соседней стене. Пару секунд она отрешенно рассматривала его, а затем решительно подскочила и вонзила острие в сырую глину. Еще один кусок с хрустом упал под ноги. Арчита замерла и прислушалась. Дом старейшины хранил полное безмолвие. Тогда она продолжила, уже не отвлекаясь. Прикладывая все больше и больше усилий. Сумрак в комнате постепенно рассеивался. Приближался рассвет. Жрица торопилась. Кинжал вновь и вновь опускался в свежую глину. Лезвие полностью покрылось бурыми пятнами. На лбу девушки вновь выступила испарина. На полу уже образовалась внушительная горка. В проем можно было просунуть руку. Арчита чувствовала — еще немного, и она сможет увидеть, что находится по ту сторону стены. И стоит ли тратить время на расширение прохода. Быть может, там и вовсе тупик? Тогда она не знает, что будет делать дальше. Но сейчас Арчита гнала эти мысли прочь. Нужно пытаться. Пытаться выбраться, и использовать все возможные способы.

Прошло еще немного времени. Арчита учащенно дышала, но старалась не втягивать воздух слишком шумно. Кинжал поднимался и опускался. Поднимался и опускался. Куски глины продолжали падать к ногам. Наконец, с очередным ударом лезвие прошло насквозь и вышло с той стороны. Жрица замерла. Сердце забилося учащенной. Дыхание перехватило от нетерпения и в ожидании того, что она увидит.

Плотно сжав губы в тонкую линию, она дернула назад и вытащила клинок. Глина крупными крошками осыпалась на пол. Жрица замерла и прислушалась. Дом продолжал хранить мертвую тишину. Тогда, сощурившись, девушка заглянула в образовавшийся проем, однако тут же отпрянула, зажав нос рукой.

— О... боги, — простонала она сквозь пальцы.

Из проделанной дыры рванул омерзительный запах гнили и разлагающейся плоти. Он ударил по голове хлеще, чем вонь сырого болота. Продолжая зажимать ноздри, Арчита снова заглянула в проем.

По ту сторону виднелась небольшая комната. Судя по всему, примерно такая же, как и

та, в которой находилась Арчита. Окно она различить не смогла, однако тусклое свечение с севера все же пробивалось. Видимо, там находилась очередная узкая щель. Но что в первую очередь насторожило, так это отсутствие двери. Несмотря на сумрак, девушка отчетливо видела на том месте, где должен был находиться проем, глухую стену. И в отличие от той, что она только что пробила, она была из обожженного кирпича.

На ум пришли слова рабыни, сказанные накануне.

«Господин не любит просторных покоев».

Да, без этой стены комната для гостей и вправду была намного шире и не напоминала бы жалкую коморку для рабов.

«Неужели дело только в этом?».

«Господин не любит просторных покоев».

Уверенная, что это всего лишь отговорка, Арчита вновь ударила кинжалом по кладке. Проем стал шире, позволяя увидеть то, что скрывалось до этого от взора. И в какой-то момент жрица пожалела, что расковыряла свежую стену.

Запах гниения стал сильнее.

«О, боги, да что же тут происходит...».

Вопрос повис в воздухе, когда очередная порция комков упала под ноги, и Арчита просунула голову в проем.

Да, теперь она видела, что в комнате есть окно. Такое же узкое. Через него не пролезть. И выхода нет. Все ее усилия оказались напрасными. Однако в тот момент жрица об этом не думала. То, что предстало ее взору заставило напрочь забыть о побеге.

Зловоние и запах разлагающейся плоти стал столь острым, что девушка с трудом сдерживала рвотные позывы, а вчерашний скудный ужин готов был вот-вот вырваться наружу.

В правом дальнем углу комнаты лежали два тела.

Арчита замерла. Пальцы едва не выронили кинжал. Сердце пропустило удар, а затем забилося учащеннее. Вонь от гниения исходила от тел и смешивалась с запахом влажной глины, заставляя мутиться рассудок. Из-за сумрака и расстояния жрица не могла разглядеть их лиц. Однако кое-какие детали бросались в глаза.

Богатые фиолетовые одежды, местами расшитые серебряными нитками. Гладковыбритые головы...

Внезапная и страшная догадка поразила девушку.

«О, Богиня-мать... да это... да это же... это же жрецы!».

Дыхание перехватило. И на этот раз не из-за смрада разлагающихся тел.

«Неужели... неужели он убил их? Убил только потому, что они отказались исполнять его волю?».

Арчиту начал бить сильный озноб. Мысль убраться отсюда во что бы то ни стало заполонила ее разум, вытесняя все остальные вопросы. Ни как Унташу удалось совершить такое злодеяние и остаться безнаказанным. Ни границы его зверств и безумств. Ни то, скрываются ли за этим неведомые злые силы. Все, чего хотела девушка в этот момент — оказаться как можно дальше от этого проклятого места. Только в безопасности и покое она сможет обдумать случившееся и решить, что делать дальше.

Арчита резко рванула назад, выбираясь из проема. Лезвие кинжала скользнуло по поверхности, издавая лязгающий звук. Жрица выпрямилась и замерла, с трудом сдерживая громкое дыхание. Несколько секунд она продолжала стоять в полной тишине,

прислушиваясь к тому, что происходит в доме. Кусочки глины налипли на волосы и одежду, но Арчита не замечала их. Она напрягла слух до звона в голове. Прошла минута томительного ожидания. Минута, длиною в вечность. Девушка так ничего и не услышала, кроме собственного дыхания. Дом хранил безмолвие.

Тогда она вновь бросила взгляд на дыру в стене. Простояв пару мгновений в нерешительности, жрица бросилась к проему и стала запихивать куски глины обратно. Руки тряслись. На лбу выступил холодный пот. Пальцы перепачкались в коричневой массе. Арчита лихорадочно пыталась скрыть дыру, однако полусухие комки не собирались вставать на место. Большая часть вновь вываливалась наружу и рассыпалась по полу. Жрица вскочила и в отчаянии схватилась за голову. Юное лицо перекосила гримаса ужаса. Взгляд черных глаз случайно упал на кувшин возле циновки...

Девушка подскочила к нему и сняла крышку. Как и предполагала ранее, внутри оказалась вода. Не раздумывая, она подошла к дыре и облила края да внутреннюю часть проема. Смочила лезвие клинка. Затем вновь стала заваливать дыру кусками глины, орудуя кинжалом вместо скребка. И... о чудо, теперь они вставали на место! Проход начал медленно исчезать. На устах жрицы заиграла счастливая улыбка. Однако она тут же застыла, когда в коридоре раздались громкие шаги.

Кто-то приближался к комнате для гостей.

[1] Рахшаси — ракшаса женского пола. Ракшасы — демоны-людоеды и злые духи в индуизме и буддизме.

Арчита выпрямилась. Грудь высоко вздымалась под одеждой. Зрачки расширились. Она с ужасом осознала, что не успеет заделать дыру в стене. Кто-то вот-вот должен появиться на пороге комнаты для гостей. И увидеть, что страшная тайна дома Унташа перестала быть таковой. Неважно, кто придет за ней. Сам старейшина или его рабыня. Важно то, что они увидят... и что решат сделать с любопытной гостьей. Все это пронеслось в голове жрицы со скоростью молнии. Она в отчаянии обвела взглядом помещение, в тщетных попытках найти то, чем можно было бы прикрыть проем. Но ничего подходящего под рукой не оказалось. Взор скользнул по истлевшей соломенной циновке. Возникла мысль загородить дыру ею, но это было слишком очевидно. Тем временем шаги неумолимо приближались. Незвестный уже миновал комнату привратника. Паника готова была захлестнуть девушку, когда ее вдруг осенило.

Она бросилась к стене, села на пол и загородила дыру своей головой. Долю секунды поколебавшись, растрепала пышные волосы по плечам, чтобы они загорали как можно больше пространства. Скосила взгляд на руки и ужаснулась — пальцы были полностью перемазаны в глине. Как и медный кинжал, валявшийся под ногами. Недолго думая, она схватила оружие и спрятала под одежду. Туда же засунула руки, сжав их в кулаки. Чуть прикрыв веки, Арчита устремила взор к выходу. Она надеялась, что полумрак комнаты не позволит заметить чего-нибудь подозрительное, и что ее голова да волосы худо-бедно прикрывают пролом в стене.

Ей не хватало воздуха. Жрица старалась дышать ровно, дабы не выдать волнения. Однако сердце трепетало в груди, затрудняя дыхание. Девушка так и не вытерла испарину со лба, боясь оставить следы глины на лице. И теперь она рассчитывала лишь на спасительный сумрак. Сумрак, который еще не так давно внушал ей страх, теперь был последней надеждой... ибо неизвестный уже показался за порогом и отдернул грязную занавесь.

— Как отдыхается почтенной жрице в моих прекрасных покоях? — поинтересовался Унташ.

Он остановился на пороге, не заходя в комнату. Правой рукой старейшина придерживал занавесь. Кажется, его нисколько не смущали грязевые разводы и пятна на ней. Глава селения был в своем неизменном пурпурном одеянии с широким подолом. Правую руку украшал золотой браслет. Кожа на теле казалась неестественно бледной даже в сумраке. На пухлых губах играла отвратительная усмешка.

Арчита с трудом сохраняла внешнее спокойствие. Однако внутри вся трепетала. Жрица открыла глаза, сделав вид, что старейшина разбудил ее.

— Хорошо, спасибо, господин.

Унташ прищурился:

— Ты еще больше распустила волосы?

— Да, — спокойно ответила жрица, — я всегда их распускаю на ночь.

— Хм. Разве с такими пышными локонами удобно спать?

Арчита лихорадочно пыталась придумать правдоподобный ответ и, хвала Богине-

матери, сумела.

— Волосы служат мне вместо подушки. Так даже мягче[1].

— Как интересно, — протянул Унташ, — ты умна и находчива, прекрасная Арчита, — старейшина провел ладонью по бритой голове, — жаль, мне нет до этого никакого дела, — девушка вскинула брови, и глава селения, ослабившись, добавил, — до волос, разумеется.

— Понимаю, — коротко ответила она.

— До тебя же мне... есть дело.

Синие глаза вновь стали откровенно пожирать Арчиту. Та с трудом сдерживалась, чтобы не дернуться. Пальцы, измазанные глиной, ухватились за рукоятку кинжала. Девушка надеялась, что Унташ не видит, как дрожат ее руки под одеждой.

— Уже пора? — вяло спросила жрица.

— Я не люблю откладывать важные дела слишком надолго, — покровительственно молвил Унташ, — да и ты, уверен, хочешь получить от меня щедрую награду как можно скорее. Дабы вновь восхититься моим великодушием.

«Все, чего я хочу, так это убраться отсюда!».

— Но ты выглядишь нездоровой, прекрасная Арчита, — подметил старейшина, продолжая пожирать ее глазами.

— Все хорошо, господин. Мне просто нужно еще немного времени.

Унташ усмехнулся:

— Как пожелаешь, как пожелаешь. Будет совсем некстати, если во время важного обряда ты упадешь и лишишься чувств.

— Благодарю, господин.

Арчита хотела поклониться, но вовремя остановилась. Не хватало еще по глупости выдать себя. Поэтому лишь вяло улыбнулась.

— Тогда я зайду к тебе немного позже. Дам время собраться и привести себя в порядок.

— Спасибо.

Унташ уже хотел опустить занавесь, как вдруг его взгляд пробежался по полу, наткнулся на открытый кувшин, а затем вновь вернулся к жрице. Внутри Арчита вся сжалась. Ей казалось, что этот взор прожег ее насквозь.

— Ты пролила воду? — хмуро поинтересовался он.

— Ночью захотела пить, — ответила девушка, — не заметила сосуд и случайно задела его.

— И почувствовала себя плохо?

Арчита промолчала, ибо не нашла, что ответить. Унташ же склонил голову на бок и прищурился. Он внимательно оглядывал жрицу с ног до головы. Девушка молилась всем богам, которых знала, чтобы жуткий хозяин дома не заметил ничего подозрительного и убрался отсюда.

— Ты дрожишь, — наконец, изрек он, — и у тебя лоб в испарине.

— Да, — натянуто выдавила она, — мне нехорошо, но скоро пройдет.

— Похоже, вода в кувшине оказалась несвежей, — пришел к выводу старейшина, — придется наказать мою рабыню самым жестоким способом. В который раз своими паршивыми действиями она очерняет мой лик перед тобой. Пора положить этому конец.

У Арчиты защемило сердце:

— Не надо, господин.

— Здесь я решаю, что надо, а что нет! — резко и внезапно грубо оборвал Унташ. —

Сколько еще можно выставлять меня на посмешище?! Настало время преподать ей хороший урок. Который она запомнит на всю жизнь!

— Господин...

— Я вернусь спустя час, — бросил старейшина, опуская занавесь. Уже через миг он скрылся в сумраке. Тяжелые шаги отдавались в пустоте коридора.

Девушка зажмурилась и тихо выдохнула. Шмыгнула носом. Из глаз потекли слезы.

«Из-за меня... несчастная женщина страдает из-за меня. Но что я могла сделать? О, Богиня-мать, что я могла сделать?! Прости... прости... прости!».

Она должна была помогать людям, а не обрекать их на мучения. Жрица поддавалась искушению... ради собственной жизни.

Арчита вынула руки из-под одежды и прикрыла ладонями лицо. Плечи начали сотрясаться от беззвучных рыданий. Слезы смешались с коричневой глиной, оставляя на лице грязевые разводы. Но в эту секунду она не думала об этом. Произошедшее за последние сутки надломило дух. Она чувствовала слабость. И только спустя пару минут с трудом заставила взять себя в руки. Ей было безумно жаль рабыню. Она даже думать не смела о том, что с ней сотворит этот деспотичный изверг. Но у нее есть час. Час на то, чтобы скрыть эту проклятую дыру в стене и подумать над тем, что делать дальше.

Пока Арчита спешно замазывала глиной отверстие в стене, ее мозг лихорадочно искал выход. Руки дрожали. Пальцы перепачкались в коричневой массе, однако пусть медленно, но проем стал исчезать. Девушка старалась громко не дышать и не шуметь, дабы не привлечь внимание Унташа. Она то и дело прерывала работу и вслушивалась в то, что происходит вокруг. Но старейшина, судя по всему, находился далеко и был занят более важными делами.

«Истязает ту несчастную... из-за меня»

Дом стоял в полной тишине.

Пока тело работало над сокрытием содеянного, разум пытался переварить все, что свалилось на жрицу.

«Как? Как он мог так поступить со своими людьми? Богохульник! Мерзкий богохульник! Боги покарают его за это!».

Однако всевышние почему-то не спешили низвергать на голову старейшины свое справедливое возмездие. А Арчита была уверена — мерзкий изверг его заслужил уже давно.

Мысли постепенно переметнулись с божьей кары на то, что же ей делать дальше?

«Бежать отсюда я сейчас не могу. Надо выйти из дома, снаружи будет больше возможностей. Стоит попробовать. Рассказать местным правду. Что Унташ жестоко расправился со жрецами в угоду собственной прихоти... собственной прихоти...».

Девушка замерла, когда ее мысли сделали этот виток. А собственной ли?

Руки, испачканные глиной, слегка тряслись от пережитого, но в этот момент она не обращала на них внимания. Жрица уставилась невидящим взором в стену, погрузившись в себя.

Она вновь вспомнила тот зазывающий голос, который слышала на подходе к селению. Вспомнила страшное видение, ниспосланное ей этой ночью... ниспосланное кем? Она не хотела знать ответа. Но догадывалась, что некто подталкивает ее на совершение обряда. Кто-то возжелал, чтобы Унташ выкорчевал лес и разработал рудник в горах. Быть может,

старейшину тоже нечто толкает на это?

«Сделай так, как велит Унташ».

Арчита до крови закусил губу.

«Я не должна идти против воли богов. Что бы ни случилось».

Однако в открытую выказывать неповиновение Унташу нельзя. И доказательство тому — разлагающиеся тела по ту сторону стены. Как только основная часть дыры скрылась за слоем глины, запах стал менее резким. Настоящее чудо, что старейшина его не почувал.

Остается лишь одно — попытаться сбежать, когда глава селения повезет ее на место обряда. Или попробовать позвать на помощь местных жителей. Рассказать им правду. Но ни в коем случае не поддаваться воле старейшины. Иначе здесь произойдет нечто ужасное. Похожее на то, что случилось в долине Синдху много лет назад. Принимая жреческий сан, Арчита поклялась, что будет чтить законы Богини-матери и наставлять людей на истинный путь. И ее решимость следовать намеченному пути оставалась непоколебимой. Пусть и позволила она себе минутную слабость.

«Помни себя» — пронеслись в ее голове слова напутствия от отца.

Он не был ей родным отцом, но смог заменить настоящего. Родной сгинул там... среди стен Мохенджо-Даро...

... града мертвецов...

...и она не должна допустить, чтобы это с кем-то повторилось вновь.

Руки девушки непроизвольно сжались в кулаки. Размокшая глина заскрипела меж пальцев. В глазах загорелся огонь, а разум прояснился, освободившись от панических оков. Да, ей по-прежнему было страшно. Но теперь она знала, что нужно делать.

Нельзя поддаваться злым духам. Или кто бы там не скрывался в недрах Хинду-Кауш. Нельзя идти на поводу у старейшины.

НЕ делай так, как велит Унташ.

Арчита втерла остатки глины в стену. Затем полила водой на руки из кувшина и омыла пальцы от грязи. Убрала кинжал за пояс и привела в порядок волосы. Прodelав все это, жрица села, прислонившись к стене, и стала ждать. Она не ведала того, что уготовила судьба. Но знала, как надо поступить.

Когда старейшина вновь показался на пороге, она уже была готова. Кувшин поставлен на место. Руки полностью омыты от глины. Арчита даже убрала мелкие кусочки из волос и протерла лезвие кинжала. Однако девушка продолжала загораживать собой место, где недавно зияла дыра. Так, на всякий случай. Взгляд жрицы встретился с пожирающими глазами Унташа. Внешне спокойная, внутри она вся напряглась.

«Делай то, что должна... на все воля Богини-матери».

— Прекрасная Арчита, ты уже готова? — вкрадчиво поинтересовался глава селения.

— Да, господин, — кивнула та и осторожно поднялась.

Девушка продолжала стоять так, чтобы прикрывать спиной влажный участок стены. Пусть в помещении царил сумрак, она не хотела давать и малейшего повода Унташу заподозрить неладное.

— Очень хорошо, — проворковал тот и усмехнулся, однако Арчита уже стала привыкать к этому оскалу, — тогда не будем терять драгоценное время. Идем же. Меня ждут почести и

слава, а тебя — щедрая награда. Ведь мы этого так заслуживаем.

— Да, господин, — спокойно повторила жрица и снова кивнула.

Унташ хмыкнул, полностью отдернул грязную ткань и сделал широкий жест рукой, приглашая девушку идти первой. Это на мгновение смутило Арчиту, однако она быстро взяла себя в руки и шагнула к выходу. Стараясь не смотреть на старейшину и не касаться его тела, жрица вышла в коридор. Проходя мимо главы селения, девушка уловила, как от него исходит приятный аромат полевых трав. Только сейчас Арчита вдруг поняла, что на теле Унташа она не замечала следов волос. Видимо, старейшина тщательно следил за собой. Чего нельзя сказать о его жилище. Запах пьянил и умиротворял, но девушка не дала себе обмануться. Она прекрасно помнила, кто перед ней и на что способен этот изверг.

Позади раздался шелест ткани. Старейшина опустил занавесь и замер в ожидании. Даже не оборачиваясь, жрица чувствовала на себе его взгляд. Как он прожигает спину между лопаток. И она готова была поклясться чем угодно — мерзкая ухмылка не сходила с его уст.

Беззвучно выдохнув, девушка пошла по коридору в сторону выхода. Сквозь узкие щели пробивался скудный свет. Его с трудом хватало, чтобы увидеть пол под ногами. Арчита вспомнила, как шла здесь этой ночью во время... сна... наваждения... и едва сдержалась, дабы не вздрогнуть.

«Уже неважно, что это было... важно, что я знаю, как поступить дальше».

Тем не менее даже мимолетного воспоминания о жуткой встрече на кухне хватило, чтобы нутро сжалось от страха. Поэтому она приказала себе не думать об этом.

Они миновали проход в одну из комнат и приблизились к помещению привратника, когда позади раздался вкрадчивый голос Унташа:

— Ты хорошо отдохнула, прекрасная Арчита?

— Да, господин.

— Разве ты не хочешь поблагодарить меня за гостеприимство?

Жрица напряглась:

— Благодарю, Унташ-Сарру.

— Что ты станешь делать после обряда?

— А... — озадачено протянула Арчита, — продолжу свое странствие.

— Я хочу, чтобы ты осталась на несколько дней, — вкрадчиво предложил Унташ, ступая позади. Девушка чувствовала его слабое дыхание на своем затылке. — Наберешься сил перед дорогой.

— Спасибо, господин, — жрица вяло качнула головой, — но я не хочу задерживаться.

— А я *хочу*, — голос старейшины стал жестче, — отведаешь моего гостеприимства еще раз. Отдохнешь в лучших покоях этого дома... В моих.

Арчита едва не задохнулась и лишь чудом заставила себя не сбиться с размеренного шага. Сердце подпрыгнуло к горлу, будто намереваясь сбежать подальше отсюда.

— Это... — прохрипела она, не узнав собственного голоса, — это...

— Невероятно щедрое предложение, — закончил за нее Унташ, — да, я знаю. Ведь я не делаю иных предложений. Только щедрые. А еще я предлагаю стать *моей* жрицей.

На предпоследнем слове он сделал особое ударение, и Арчиту всю пробрало. Теперь она не смогла скрыть дрожь, охватившую тело.

— Твоей? — прошептала она, с трудом ворочая языком.

— Да, прекрасная Арчита. Моей.

«Твоей рабыней! Ты хочешь сделать меня своей рабыней, мерзкий богохульник!».

— Но... но у тебя ведь есть уже свои жрецы, господин, — попыталась уклониться она, — зачем я стану отбирать их хлеб?

Унташ тихо засмеялся. Это был смех сквозь сжатые губы. Настолько зловещий, что у девушки выступил пот.

— О, прекрасная Арчита, — глухим и спокойным тоном молвил он, — не стоит недооценивать мой ум.

— Я и не думала, господин, — попыталась заверить его она.

— Тогда не надо говорить мне глупостей, милая жрица. Ведь ты прекрасно знаешь, что жреческое место полностью свободно.

Девушка резко остановилась, словно налетела на невидимую стену. Ноги внезапно налились свинцом и лишь чудом не заплелись. Зрачки Арчиты расширились. Глазами, полными ужаса, она уставилась перед собой.

Унташ же, не давая ей времени опомниться, нанес новый удар:

— Я ведь знаю, что ты заглянула по ту сторону.

— По ту сторону чего? — просипела жрица.

И снова этот тихий смех сквозь плотно сжатые губы:

— По ту сторону глиняной стены, разумеется. О, прекрасная Арчита, я начинаю сомневаться, что ты так умна, как мне казалось раньше.

[1] В древние времена подушки были жесткими. Они делались из камня, мрамора или дерева. Мягкие подушки появились много позже у древних греков и римлян.

Голова закружилась. Коридор перед глазами покрылся пеленой, словно туманом. Все куда-то поплыло. Будто во сне Арчита ощутила, как холодные пальцы старейшины легли на ее плечи. Теперь она чувствовала себя бабочкой, угодившей в сети ненасытного паука. И даже приятный аромат полевых цветов, исходивших от его тела, не мог заглушить отвращения. Девушка начинала проваливаться в пучину безумия. Вся недавно приобретенная уверенность готова была рассыпаться в прах. От одного неожиданного удара. Лишь неимоверным усилием воли жрице удавалось не погрузиться в эту бездну целиком.

Будто издалека она услышала вкрадчивый голос Унташа. Он шептал ей на ухо.

— Я умен и прозорлив, прекрасная Арчита. Ты ведь знаешь это? Знаешь?

Девушка невольно кивнула.

— Скажи вслух, — повелел он.

— Знаю, — тихо ответила она.

— Что ты знаешь?

Арчита закрыла глаза, изо всех сил борясь с дурнотой:

— Ты умен и прозорлив.

— А дальше?

Жрица сглотнула и заставила себя проговорить:

— Ты умен и прозорлив, господин Унташ.

— Прелестно, — его голос напомнил шипение змеи, а пальцы сильнее надавили плечи, — не стоит даже пытаться скрывать от меня что-либо. Я знаю все! Я вижу все!

Он пыхнул ей в затылок. По коже пошли мурашки. Правая рука Арчиты невольно потянулась к поясу. Туда, где под одеждой скрывался медный кинжал. Со скоростью, подобной броску кобры, одна из ладоней Унташа перехватила девушку в районе запястья и сжала так, что жрица невольно вскрикнула.

— Я вижу все, — прошептал он, — я знаю все. Я знаю, что ты прячешь под этим гнусным одеянием. Не советую пускать его в ход. Это оскорбление. А я не люблю, когда плюют на мое радушие и гостеприимство.

Рука сжала запястье сильнее, вынуждая Арчиту полностью отказаться от задуманного. Боль пронзила кисть, словно молния. Из глаз потекли слезы. Девушке казалось, что она вот-вот сойдет с ума. В этот миг жрица была готова на что угодно, лишь бы эта пытка тела и духа немедленно прекратилась.

— Я могу убить тебя прямо сейчас, — от нажима кости чуть не треснули, — все-таки ты узнала тайну, которую не следовало открывать. По своей глупости узнала. Но я все еще верю в твой ум, прекрасная Арчита. Докажи мне это.

— Я...

— Иначе какой прок мне от глупой жрицы?

С трудом сохраняя контроль над разумом, девушка понимала, что Унташ играет с ней. Заставляет унижаться перед собой. Однако собрав волю в кулак, она смогла проговорить:

— Никто, кроме меня не проведет обряд. Я нужна тебе.

— Я могу послать Атта-Ури за другой.

— Это время. Разве ты хочешь ждать?

— Хм... Правильно, милая жрица. Теперь в твоих словах сквозит мудрость. Быть может,

я не ошибся, выбрав тебя.

«Выбрав?! — едва не задохнулась она, — *выбрав?!*».

— Однако, — продолжал тот, — так или иначе, ты нанесла мне оскорбление, — его голос стал угрожающим, — а я ненавижу, когда плюют мне в душу.

Арчита почувствовала, что слабеет. Будто холодные прикосновения Унташа медленно лишали ее способности сопротивляться. Как яд, впрыскиваемый пауком в тело своей жертвы.

— Но ты можешь заслужить мое прощение, — нашептывал старейшина, — ты ведь хочешь заслужить мою милость, прекрасная Арчита?

Она кивнула.

— Скажи это.

— Я... хочу... заслужить... твою милость... господин.

— Прелестно. Быть может, ты и впрямь так умна, как мне показалось изначально. Так, ты станешь моей новой жрицей?

— Я...

Тиски на запястье сжались сильнее. Казалось, еще одно усилие, и старейшина сломает кости. Девушка даже не подозревала, что в нем есть столько мощи. Арчита не смела и пробовать вырваться. Ее тело словно обвила невидимая паутина. А слова Унташа одурманивали разум, притупляли мысли.

— Просто скажи.

— Да, — выдавила она.

— Что, да? — ласково переспросил он.

— Я согласна... быть твоей... жрицей... господин.

«*О, Богиня-мать, прости меня!*».

— Хорошо, прекрасная Арчита, — хватка ослабла, Унташ отпустил ее и отошел на шаг назад, — ты не пожалеешь о сделанном выборе. Ощутишь на себе всю щедрость и радушие, на которые я только способен.

Жрицу била дрожь. Она дотронулась до больного запястья. То сильно саднило и гудело. Правую руку пронзало, словно молнией.

Старейшина же продолжал:

— Когда закончится обряд, первым делом ты сменишь эти гнусные одежды. Думаю, пурпурное одеяние, похожее на мое, придется тебе к лицу. Не стоит прятать под лохмотьями прекрасную грудь, *моя* жрица. И не стоит прятать под лохмотьями острые кинжалы.

Он замолчал. Арчиту пробирал озноб, как в лихорадке. От страха, шока и презрения. Презрения к Унташу. Презрения к самой себе за проявленную слабость и малодушие. Но старейшина обладал непонятной ей силой убеждения. Ты хочешь противиться... ты знаешь, что нужно противиться... но не можешь этого сделать. Девушка стояла посреди мрачного коридора, вслушиваясь в бешеное биение своего сердца и ощущая, как ворох мыслей, подобно встревоженному рою оводов, жалит ее разум.

Холодные руки Унташа нежно толкнули ее в спину, заставляя сделать шаг вперед.

— Иди же, прекрасная Арчита. Я понимаю, ты обомлела от свалившейся на тебя моей благодати. Но не забывай, что тебе еще предстоит совершить обряд. Не стоит заставлять богов ждать.

Последние слова были произнесены с нескрываемой иронией.

С трудом взяв себя в руки, жрица сделала неуверенный шаг. Ступни налились свинцом.

Затем еще шаг. И еще. Девушка медленно двинулась к выходу, попутно пытаясь прийти в себя.

— Ты знал, что я могу обнаружить за той стеной, — прохрипела она, дабы отвлечься.

— Конечно, прекрасная Арчита, — спокойно молвил тот, — я ведь проницателен, ты знаешь.

— Зачем же поселил меня туда?

— Мне было все равно, — ей почудилось, что он пожал плечами, — в любом случае, твоя находка мало, что значит для меня. А вот для тебя... — голос Унташа снова стал вкрадчивым, — очень многое. Не правда ли, прекрасная Арчита?

Девушка не ответила. Поджав губы, она устремила взор вперед. Ей чудилось, что она идет слишком медленно, и этот коридор никогда не закончится.

Когда они вошли в комнату привратника и приблизились к выходу, казалось, прошла целая вечность. Массивный засов продолжал держать дверь на замке. Жрица остановилась перед преградой. Вот она, свобода. Такая близкая и такая далекая одновременно. Но она понимала, что это самообман. По ту сторону наверняка ждут верные стражи Унташа.

Словно прочитав ее мысли, старейшина молвил:

— Ты ведь умна, прекрасная Арчита?

Она вздрогнула, но ответила:

— Да, господин.

С ужасом девушка поняла, что начинает говорить точь-в-точь, как рабыня Унташа. Сухо и безжизненно. От этого сравнения ей стало дурно. К горлу подступила тошнота.

— Тогда ты знаешь, что нужно делать. И чего говорить не следует. Ведь так, *моя* милая?

— Да, господин.

— Прелестно. Иначе помни — мой гнев так же велик и безграничен, как и моя щедрость. Я легко смогу построить еще одну стену, — Арчиту затрясло, — а теперь... открывай. Мы слишком задержались сегодня.

Дрожащими руками девушка ухватила за засов и потянула. Поначалу он не хотел поддаваться, и жрице пришлось приложить усилия. Наконец тот заскрипел и, будто с неохотой, вышел из пазов. Громко и прерывисто дыша, Арчита толкнула преграду обеими руками. С гулким звуком дверь медленно распахнулась. В заплаканное и изможденное лицо ударил солнечный свет.

Их было много. На первый взгляд около десяти, но внутренний голос подсказывал Арчите — она видит не всех. Как один с длинными копьями. Медные наконечники грозно блестели в лучах утреннего солнца. Хмурые загорелые лица. Они не сводят с нее пристальных взглядов. Мускулистые тела прикрыты теплыми рубахами. Глядя в эти беспристрастные глаза, жрица невольно поежилась. Восходящее светило пусть и было ярким, но почти не грело. Северный ветер с гор щипал кожу. Однако воинам старейшины он словно был ничем. Девушка скосила взгляд чуть дальше. Туда, где начиналась широкая улица. Ее взор заметил еще четверых. Предчувствие Арчиту не подвело — она видела не всех. Воины, что стояли поодаль, были вооружены луками. И они уже приладили стрелы к тетиве. Девушка поняла, что бежать в открытую не удастся. Ее просто подстрелят, как кролика.

Нервно сглотнув, она вновь глянула перед собой и только сейчас заметила, что среди воинов находится ее старый знакомый. Смотритель местных животных Атта-Ури. Его сутулые плечи по-прежнему прикрывала серая накидка из овечьей шерсти. Завидев Арчиту, тот расплылся в своей привычной улыбке и поклонился.

— Рад видеть тебя снова, юная жрица. Ты сияешь, аки звезда на небе!

Арчита промолчала. Теперь добродушное лицо старца не вызывало теплого отклика в душе. Наоборот. Миротворитель выглядел крайне неестественно на фоне остальных обитателей селения.

— Подайте мне повозку, — раздался позади холодный голос Унташа.

Арчита вздрогнула и обернулась:

— Мою лошадь тоже.

Старейшина хищно улыбнулся:

— Она тебе не понадобится, прекрасная Арчита. Ты поедешь со мной.

— Там мои вещи, — не отводя взгляда, твердо молвила жрица, — они нужны для обряда.

— Не волнуйся так, — Унташ сложил руки перед собой, — их тебе принесут.

По его взгляду девушка поняла, что спорить бесполезно. Унташ не пойдет на столь очевидный риск. Поджав губы, Арчита отвернулась. Поэтому не видела, как старейшина подал молчаливый знак, и двое воинов подошли ближе, встав у жрицы за спиной.

— Сегодня такой ясный день, — залепетал Атта-Ури, — он подобен лику твоему, господин Унташ-Сарру. Отличный день для беседы с богами!

— Я знаю, смотритель, — осклабился тот, — я знаю.

Однако старец будто не замечал хищного лика своего господина:

— Боги благоволят тебе, великодушный старейшина!

— Тогда почему боги не подстегнут этих лентяев как следует? — холодно оборвал Унташ.

Арчита недоуменно покосилась на него, не понимая, о ком тот говорит.

В этот миг синие глаза Унташа сощурились. Он устремил взор в сторону главной улицы.

— Упомянешь все, и они тут как тут, — медленно произнес он и вальяжно двинулся в том направлении.

Арчита проследила взглядом за старейшиной. Она увидела, что в их сторону идут два человека. Один — почтенного возраста муж. Его виски тронула седина, однако коротко стриженные волосы еще сохраняли естественный цвет. Они сильно выгорели на солнце и приняли песочный оттенок. Худощавое тело прикрывало белое одеяние без рукавов, опоясанное кожаным ремнем. Густые темные брови сошлись на переносице, придавая ему хмурый и недовольный вид. Второй был моложе и крупнее. Красная туника плотно облегала округлый живот, а голову венчала синяя ребристая шапка. На толстом указательном пальце левой руки, подобно далекой звезде, сверкало золотое кольцо. Лицо мужчины было гладко выбрито. Сложив пухлые и холеные руки перед собой, он то и дело потирал ладони друг о друга, словно чем-то довольный торговец.

«Быть может, это и есть торговец?» — подумала Арчита, а вслух спросила.

— Кто они?

— О ком ты, юная жрица? — уточнил Атта-Ури.

Девушка кивком указала в сторону приближающихся людей, навстречу которым шел Унташ. Проследив за ее взглядом, смотритель животных пояснил:

— Это верные подданные дорогого старейшины нашего. Слева, — он указал скрюченным пальцем, — почтенный муж в светлых одеждах, подобных снегу Хинду-Кауш — глава общины крестьянской, Суприри. Он поедет вместе с нами.

Арчита вновь взглянула на приближающихся мужчин. Старейшина уже почти поравнялся с ними. Только сейчас жрица заметила, что большинство местных жителей выглядывают из проемов своих домов. Они с опаской и тревогой смотрели в сторону дома Унташа. Девушка то и дело ловила на себе их недовольные и, иногда, угрожающие взгляды.

Сердце Арчиты сжалось. Ах, если бы она только могла рассказать людям правду.

«Ты можешь. Просто боишься, что тебя тут же пронзят копьем. О, Богиня-мать, прости меня за малодушие...».

— Зачем ему ехать с нами? — выдавила из себя она.

— Чтобы засвидетельствовать волю всевышних, — улыбаясь, пояснил Атта-Ури, — и передать весть сладкую, аки мед, людям нашим.

— А тот, другой?

— Это Шилхаха. Наш лучший торговец. Его знаниям в своем ремесле позавидуют многие.

— И он тоже едет с нами?

— Конечно, юная жрица! — воскликнул старик. — Ведь почтенному Шилхахе тоже хочется узнать, благословят ли боги лазуритовый рудник?

— Да, конечно, — сухо ответила она, поджав губы.

На торговца она больше не смотрела. Все ее внимание было приковано к общиннику Суприри. Мозг лихорадочно искал возможность передать ему вести о страшной участи, постигшей местных жрецов, но пока не находил. Воины Унташа неотрывно следили за ней и, казалось, ловили каждый ее вдох.

«Как же это сделать?».

Тем временем старейшина подошел вплотную к мужчинам. Между ними завязался разговор. Девушка не могла понять, о чем идет речь. Северный ветер сносил даже те обрывки фраз, которые могли долетать до того места, где она стояла.

Арчита бы и дальше продолжала следить за ними, если бы не услышала позади слабый стон. Девушка развернулась и остолбенела.

По проходу между домом старейшины и хлевом, из которого доносилось протяжное мычание, шла рабыня. Та самая, что прислуживала ей с Унташом за ужином. Женщина была полностью обнажена. Грязные волосы растрепались в разные стороны. Уши покраснелись, словно объятые тлеющим пламенем. На лице виднелись засохшие бурые пятна. По внутренним сторонам бедер медленно стекала кровь, смешиваясь с кусками коровьего помета на голених.

Жрица ощутила, как холодеет. И вовсе не от свежего ветра с севера.

«Завтра на рассвете тебе будут драть уши. По полчаса за каждый пропущенный хлопок. А затем ты будешь ублажать моих стражников. Всех десятерых».

Слова старейшины, сказанные накануне, пронеслись у нее в голове. Столь яркие и отчетливые, будто она услышала их минуту назад.

«О, Богиня-мать, неужели он... неужели он позволил сделать это с ней? Богохульник... проклятый выродок!».

Ее взгляд встретился с глазами женщины. И Арчита вновь не увидела в них ничего, кроме пустоты. В этих очах не было жизни. На нее будто таранился мертвец, восставший из

могилы.

Вся кровь отхлынула от лица девушки. Она спешно отвернулась, тщетно пытаясь унять биение сердца. То, уже в который раз за последние сутки, словно пыталось вырваться наружу.

Атта-Ури заметил неладное и озабоченно поинтересовался:

— Что с тобою, юная жрица? Ты побелела, аки молоко!

— Зачем... — просипела Арчита, хватаясь за грудь у основании шеи, — зачем так...

Старец заметил краем глаза плетущуюся рабыню. Та, шатаясь и с трудом волоча ноги, медленно шла ко входу в жилище старейшины. Улыбка на губах Атта-Ури померкла, однако не исчезла совсем. Казалось, в этом мире не существует того, что способно стереть ее окончательно.

— Прогневала старейшину нашего, — тихо изрек он, — вот и карает ее господин.

— Но зачем такая жестокость? — с болью во взоре посмотрела на старика Арчита. Ее лицо скривила гримаса отчаяния. — Даже если она рабыня?

— Разве там, откуда родом ты, юная жрица, с рабами не обращаются подобно? — ответил вопросом на вопрос старик.

— Нет.

Девушка по-прежнему пыталась унять сердцебиение. Она шумно втягивала носом воздух и выдыхала ртом.

— Сколько земель, столько нравов, — с видом мудреца изрек Атта-Ури, — и в каждом краю законы свои.

Жрица не ответила. Она отрешенно смотрела перед собой, пытаясь взять себя в руки. Образ несчастной рабыни, над которой издевается хозяин, надолго впечатался в память.

Видя, что Арчита никак не реагирует, смотритель животных, со вздохом, продолжил:

— Он может делать с ней все, что пожелает, юная жрица, — Атта-Ури поклонился, — старейшина для нее пастух, а она — его заблудшая овца.

Девушку передернуло. Ей начинало казаться, что это место... эти люди... все они медленно, но неумолимо разрушают ее разум. С каждой секундой, проведенной здесь, она чувствовала себя все хуже и хуже. Будто кто-то незримый высасывал все жизненные соки. Как странник, изнывающий от жажды, не оставляет и капли влаги в спелой дыне.

Смотритель животных тем временем продолжил:

— Но милость нашего старейшины, господина Унташа-Сарру, несравнима. Она подобна божьей — такая же глубокая и великодушная. Он прощал Урутук не раз... простил тогда... уверен, простит и сейчас, — Атта-Ури проследил, как несчастная скрывается в сумраке дома. — Ведь смерть их ребенка...

— Что?! — выдохнула Арчита и во все глаза уставилась на старца.

Атта-Ури улыбнулся чуть шире. И эта улыбка была печальной.

— Не рассказывал, видать, тебе наш господин. Урутук не токма рабыня ему, но и супруга.

Часть II. Искупление. Глава 1

*Он сделан Ахриманом
Сильнейшим быть во лжи
На гибель всего мира,
Всех праведных существ.
Авеста*

Девушка смотрела на зрителя животных, словно на умалишенного. Ее зрачки расширились, рот приоткрылся. Дыхание перехватило.

— С... с... супруга? — пролепетала Арчита.

— О, да, юная жрица, — поклонился Агта-Ури, — она супруга нашего великодушного старейшины.

«Супруга... великодушного... старейшины».

Эти речи никак не укладывались у нее в голове. Великодушный старейшина. Сие слово последнее из известных, кое можно использовать в отношении к этому деспотичному выродку. Супруга... какой уважающий себя муж будет так относиться к собственной супруге?

«Богохульник. Поганый выродок! И единственный человек на свете, которого Унташ уважает, это он сам. Как... как такое возможно?!».

— От... от чего он погиб? — оправилась от шока жрица.

— О, Арчита, — извиняющимся тоном ответил старец, — если сам старейшина не поведал тебе сию историю горькую, то сомневаюсь, что в праве распускать я свой язык.

Тем временем беседа Унташа с мужчинами завершилась, и все трое направились к месту, где она стояла. Девушка видела, как оба представителя селения изучают ее пристальными взглядами. Общинник — с долей неодобрения и осторожностью. Торговец — с предвкушением грядущей наживы. Последний нравился жрице все меньше и меньше. Упитанный купец слишком сильно напоминал старейшину. Особенно своим алчным взглядом и кривой усмешкой на пухлых губах.

— Прекрасная Арчита, — проговорил Унташ, — позволь представить моих подданных, — широким жестом он указал на подошедших вместе с ним, — староста общины Супприри и мой главный поверенный в торговых делах Шилхаха.

— Рад встрече, госпожа, — ровным тоном молвил староста и, прижав правую ладонь к сердцу, отвесил поклон. Вежливый и сдержанный. — Да благословят тебя боги.

— И тебя, Супприри, — кашлянув, выдавила Арчита.

Слова давались ей с трудом. Каждое мгновение, проведенное здесь, таило в себе опасность нового удара. И любой из них готов был выбить почву из-под ног. Собрав остатки воли в кулак, девушка постаралась придумать, как ей сообщить о смерти жрецов общиннику, не навлекая подозрений Унташа, но ее сбил с мысли голос торговца. Скрипучий и резкий, он бил по ушам так, словно рядом кто-то царапал ножом по металлу.

— Надеюсь, боги примут правильное решение, и нам достанутся горы лазурита.

— Мы скоро узнаем это, дорогой Шилхаха, — сказал Унташ и взглянул на Арчиту, — прекрасная жрица здесь именно за этим.

— Так не будем же тянуть время, как бабка пряжу на рынке, — проскрежетал торговец.

Девушка с трудом удержалась, чтобы не поморщиться от отвращения. Затем она невольно скосила взгляд вниз, на руки Шилхахи. Тот продолжал держать их перед собой и тереть холеные ладони друг о друга, издавая неприятный шаркающий звук.

Шварк-шварк, шварк-шварк.

Внутри жрица вся похолодела. Мысленно она вновь вернулась к событиям этой ночи. Когда шла по коридору в сторону таинственного свечения. Именно тогда она услышала странный звук, доносившийся из кухни дома старейшины. Точь-в-точь такой же, какой издавали сейчас руки торговца...

«Шварк-шварк... шварк-шварк... шварк-шварк...».

А потом она увидела ее...

На этот раз Арчита не сдержалась, ее передернуло.

Это заметил Суприри:

— С тобой все нормально, жрица? Выглядишь больной.

Она увидела, как Унташ пристально смотрит на нее и натянуто улыбнулась:

— Благодарю, староста, все хорошо. Просто немного холодно и плохо спала.

Тот слегка нахмурился. Морщины на широком лбу стали глубже, а брови еще плотнее сошлись на переносице. Арчита с трудом сдерживала отчаянный порыв выкрикнуть ему правду в лицо.

Наконец, тот молча кивнул и отвернулся. Однако в последний миг девушке почудилось, что в глазах Суприри мелькнул огонек. Но суть его осталась неизвестной. Да и был ли он вообще? Возможно, то лишь плод уставшего разума и разыгравшегося воображения.

Позади раздалось громкое мычание и тихий стук колес по грунту. Обернувшись, жрица увидела, что по проходу между хлевом и домом старейшины к ним приближается крупная повозка из обожженной глины. В нее были запряжены два черных быка. Белые рога ярко выделялись на фоне темной шерсти, а глаза с вытянутых морд сурово смотрели перед собой. Наступающие животные виделись Арчите вестниками беды. Беды, которая неумолимо должна наступить. Было в облике быков нечто жуткое и отталкивающее. То ли цвет... то ли выражение глаз.

«Это всего лишь быки... это всего лишь быки».

Жрица невольно отступила, когда повозка приблизилась ко аходу в дом. Она не сразу заметила, что ей управляет еще один воин. Такой же мрачный и молчаливый, как и остальные. Проехав еще немного, он остановил животных и спрыгнул на землю, освобождая место на широкой скамье. Один из быков обернулся и взглянул Арчите в глаза. Та спешно отвела взгляд. словно зверь был порождением Тьмы. Прикрыв веки, она мысленно вознесла молитву Богине-матери и попросила даровать ей сил.

— Не станем же понапрасну терять время, — услышала она холодный голос Унташа и открыла глаза, — отправляемся к пещере. Прекрасная Арчита явит нам волю богов.

— Мне нужны мои вещи для обряда, — напомнила девушка.

Старейшина ухмыльнулся и кивнул в сторону повозки:

— Они уже там, жрица. Не стоит думать, что мои уши залиты свинцом.

Суприри нахмурился еще сильнее, однако смолчал.

— О, да благословят боги путь наш! — воскликнул Атта-Ури, воздевая руки к небу. — Пусть он будет таким же гладким, как шерсть быков этих!

Не обращая внимания на речь зрителя, Унташ ловко запрыгнул на скамью и схватил шест погонщика.

— Ты поедешь вместе со мной, Арчита, — бросил он и воззрился на нее сверху вниз.

На слегка дрожащих ногах, жрица подошла к повозке, оперлась о сидение и, стараясь не смотреть на быков, забралась следом. Старейшина не лгал. Тюк с ее вещами лежал на скамье между ними.

— Отправляемся в путь же! — торжественно крикнул Унташ и подстегнул животных.

Со скрипом, будто нехотя, повозка пришла в движение. Воины старейшины окружили телегу плотным кольцом, лишая Арчиту последней надежды хотя бы замыслить побег. Девушка вцепилась в сидение. Суприри, Шмлхаха и Атта-Ури пошли следом.

— Они не поедут в повозке с нами? — невольно вырвалось у Арчиты.

— Нет, моя жрица, — спокойно ответил Унташ, гордо глядя перед собой.

— Но ведь тут полно места! Зачем заставлять их идти пешком?

— Это место не для них, — он обернулся и пронзил ее холодным взглядом, — их место там, позади. А это, — он похлопал свободной рукой по скамье, — только для меня и, — он омерзительно осклабился, — быть может, для тебя. Если сегодня все сделаешь правильно, прекрасная Арчита.

Заметив, как округлились ее глаза, Унташ презрительно хмыкнул и отвернулся:

— Что, в долине Синдху тоже так не принято?

— Есть взаимное уважение... — начала было жрица, но старейшина резко перебил.

— Сажать их рядом с собой — это *неуважение!* И в первую очередь, к самому себе.

Нужно заслужить положение подле меня, прекрасная Арчита. А не раздавать его кому попало.

На этот раз девушка не смогла сдержать гримасу отвращения. Унташ заметил это, однако лишь шире осклабился:

— Что, тебе это не нравится, прекрасная жрица? Считаешь меня высокомерным извергом, который в грош не ставит никого, кроме себя?

Арчита промолчала и отвернулась. Она не хотела смотреть на этого человека. Вообще видеть его не хотела. Никогда. Но он был здесь. Сидел рядом на скамье, источая аромат полевых цветов. И за этим приятным запахом скрывался ядовитый паук. Опасный и жестокий. Омерзительный.

Повозка пересекла главную улицу и свернула на боковую тропу. Она шла вдоль скалистого кряжа. Справа высилась природная и отвесная стена. Слева — поле, засеянное пшеницей. Золотые колосья приминались порывами ветра, чтобы через пару секунд вновь распрямиться. Движения стеблей сливалось в единое подобие волн. Равномерный стук колес и копыт приглушался шумом шаркающих шагов. Более дюжины воинов старейшины не отходили от повозки ни на шаг. Их лица были все так же суровы и непроницаемы. Суприри, Шилхаха и Атта-Ури замыкали процессию. Восходящее солнце светило им в спину, а порывы ветра трепали волосы. Торговец то и дело придерживал руками шапку, дабы ту не сорвало.

— Ты не ответила на мои вопросы, прекрасная Арчита, — холодно подметил Унташ, — решила меня не замечать? Я не люблю, когда мной пренебрегают. Я заслуживаю внимания.

— Мне нечего ответить, господин, — сдержанно молвила жрица.

— Хм, — презрительно хмыкнул тот, — тогда послушай, что я расскажу тебе.

У нее не было никакого желания внимать речам старейшины, но выбора не оставалось.

— Я оказываю этим людям милость, что позволяю идти следом за мной.

— Вот как? — задохнулась от возмущения Арчита и воззрилась на него.

— Да, — невозмутимо ответил Унташ, — это жест великодушия и моей доброй воли.

Какой бы ужас и отвращение ни внушал старейшина, девушка ощутила, как закипает от гнева.

— Плестись по дороге, глотая пыль под лучами солнца — это жест великодушия?!

— Именно так.

— Ты чудовище, Унташ! — не сдержавшись, выпалила она.

Тот громко рассмеялся. Хохот эхом отразился от скал, лишь усиливая его зловещий тон.

— О, моя жрица, ты опять пытаешься оскорбить меня. Нехорошо. Очень плохо. Разве так пристало вести себя перед господином? — отсмеявшись, он покосился на нее и холодно добавил. — Но я прощаю тебя. Ведь твоя вспышка вызвана невежеством. И я, как заботливый и великодушный господин, снизойду до тебя, дабы исправить сей досадный просчет.

Повозка наехала на кочку. Ее сильно тряхнуло. Арчита крепче вцепилась в глиняное сидение. Костяшки на пальцах побелели. Процессия медленно приближалась к хвойному лесу. Вблизи он уже не казался сплошным частоколом деревьев. Ветер гудел среди макушек и играл раскидистыми ветвями.

— Шилхаха, мой почтенный торговец, не раз бывал в западных землях. Я нередко посылаю его туда. Ведь нам необходимо наладить связи для сбыта лазурита.

«Ублюдок! — подумала Арчита. — Он уже все решил! О, Богиня-мать, как же мне ему помешать?!».

Она бросила косой взгляд назад. Суприри шел по дороге вместе с остальными. Заметив ее взгляд, он снова нахмурился.

— Ты совсем не слушаешь то, о чем я говорю, прекрасная Арчита, — сказал Унташ, — не вынуждай меня наказывать тебя.

— Я еще не твоя рабыня, чтобы ты мной распоряжался! — огрызнулась она.

— Это уже не имеет значения, — спокойно ответил Унташ.

— Конечно! — Арчита чувствовала, как накопленный страх перерождается в гнев. — Ты даже со своей супругой обращаешься хуже, чем со свиньями!

Старейшина посмотрел на нее. В его синих глазах вспыхнуло пламя.

— Это Атта-Ури распустил свой длинный язык? Я давно заметил, что стоило ему его подрезать. Под старость лет зритель совсем выжил из ума.

— Тебе все равно нет ни до кого дела!

— Ошибаешься, моя жрица, — казалось, ее гневная тирада ничуть не тронула его, — мне *было* и *есть* до кого дело.

— До себя!

Унташ не ответил. Он поджал губы и как будто на мгновение погрузился в прошлое. Арчита увидела скорбь, мимолетно промелькнувшую в этих бездонных глазах. Ее озадачила перемена в старейшине. Однако через пару секунд его лицо вновь обрело хладнокровный и презрительный вид.

— Мог бы позволить взять ему осла, раз кичишься своим великодушием, — бросила жрица уже чуть более спокойно.

— Ах, да, — словно не замечая ее слов, сказал Унташ, — спасибо, что напомнила, прекрасная Арчита. Так вот, мой почтенный торговец Шилхаха бывал в западных землях. Однажды он посетил тамошний город Аншан[1]. Я ведь уже говорил, что там очень любят лазурит? Ну, прямо сейчас это не важно. Я хочу развеять туман невежества перед тобой, моя

жрица. Так вот, побывав в Аншане, мой почтенный торговец услышал одну любопытную историю. Говорят, в одной далекой стране властвует правитель, при виде которого все обязаны падать на колени. И никто не смеет из подданных поднять на него свой взор. Иначе, — старейшина рассек воздух шестом, — смерть! Но что поражает больше всего — они считают его богом! Представляешь, прекрасная Арчита? Живым богом! — Унташ вновь посмотрел на нее. — Мне кажется, теперь я не выгляжу столь высокомерным в твоих глазах, моя жрица. Ведь я не считаю себя богом и не повелеваю целовать землю под моими ногами.

Девушка ничего не ответила. Она слышала кое-что об этой далекой стране. Кажется, ее называют Та-Кемет[2], Черная земля. Когда Арчита еще жила в Мохенджо-Даро, на рыночной площади города можно было встретить торговцев, продававших вино из тех краев. Вкусное и пряное, с ароматом фиников. Хотя купцы поговаривали, что жители тамошней страны предпочитают пиво, которое дают даже детям. Однако ничего о традициях и обычаях почитания властителей жрица не знала.

— Ты хочешь стать богом? — прохрипела она.

— О, нет, моя милая, — покачал головой Унташ и усмехнулся, — я ведь не высокомерное чудовище, коим ты меня считаешь.

Арчиту передернуло, и она вновь отвернулась.

Меж тем повозка вплотную приблизилась к опушке леса. В нос ударил запах хвои и влажного мха. Вскоре над их головами зашумели раскидистые ветви. Ветер завывал в макушках деревьев. Арчита окидывала взглядом толстые многолетние стволы. В голове промелькнула мысль попробовать бежать. Лес мог послужить отличной защитой от стрел. Однако ей пришлось отбросить эту идею. Стража Унташа продолжала окружать повозку плотным кольцом. Чтобы пробраться через них придется идти по головам. В буквальном смысле. Хрупкой девушке, даже вооруженной кинжалом, не хватит на это сил.

«Почему они не забрали его? Побоялись? Нет... Просто решили, что не решусь воспользоваться. Так ли это?»

Жрица бросила косой взгляд на Унташа. Тот умолк и гордо смотрел перед собой, управляя повозкой. Сейчас была хорошая возможность попытаться оборвать его жизнь. Но Арчита не решалась. Зная реакцию старейшины, она может не успеть или промахнуться. А даже если и удастся отправить богохульника в Нараку[3], то ее тут же убьют верные стражи старейшины, и она не сможет поведать людям то, что скрывает Хинду-Кауш. И ничто не помешает на место старого Унташа придти новому.

Поэтому, когда правая рука невольно потянулась к оружию, Арчита одернула себя.

«Еще не время... но будет ли оно? О, Богиня-мать, помоги мне! Укажи путь!»

Впереди показался просвет. Лес немного редел, и грунтовая дорога выходила на круглую поляну, поросшую низкой травой. Сквозь шатающиеся ветви, девушка сумела разглядеть широкий вход в пещеру, зияющий подобно пасти огромного зверя. Задержав на нем взгляд, жрица почувствовала, как мурашки бегут по спине. И вовсе не от северного ветра, пронизывающего насквозь. Она вновь услышала в голове шепот. Все тот же тихий и едва уловимый. Словно нечто, находившееся там, во тьме грота, зазывало к себе.

«Сюда...»

— Чувствуешь, моя жрица? — спросил Унташ, глядя на пещеру. Его глаза полыхнули огнем. — Это запах богатства и процветания.

«Это запах смерти» — подумала Арчита, однако вслух ничего не сказала.

Повозка остановилась на краю поляны. Унташ отбросил шест и воззрился на девушку.

— Это место подойдет для обряда?

— Да, — сухо ответила та.

— Тебе незачем проводить его по-настоящему, моя прекрасная Арчита, — мерзко улыбнулся он, — просто сыграй покладистую служительницу богов для нашего старосты Суприри. И все, — он сделал широкий жест, — ты богата... и *моя*.

— Я поняла, — холодно кивнула она и схватила тюк.

— Тогда не будем заставлять богов ждать, — хмыкнул старейшина и спрыгнул на землю.

Арчита, помедлив, последовала за ним. Мозг лихорадочно искал выход, но пока не находил. А зияющий вход в пещеру уже раскинулся перед ними.

[1] Аншан — древний эламский город, в 3-ем тысячелетии до н. э. — одна из ранних столиц Элама до переноса столицы в Сузы.

[2] Та-Кемет — древнее название Египта.

[3] Нарака — в индийской мифологической космографии ад, расположенный глубоко под землей; область мрака и ужаса, где души умерших подвергаются разным мучениям.

Жрица окинула поляну беглым взглядом. Лучники старейшины заняли места по трем сторонам света. Их лица оставались непроницаемыми, однако намерения были ясны. Они пустят в ход оружие, если Арчита попытается сбежать.

Над ухом фыркнул бык. Девушка вздрогнула и встретилась глазами с животным. В них она увидела равнодушие и пустоту. Такую же отрешенную, как в очах несчастной рабыни. Арчита отвернулась, поджав губы. Ее снова начинало мутить. К горлу подступала тошнота. В сторону пещеры она старалась не смотреть. Разверзшийся зев грота внушал непонятный и животный ужас. Даже страх перед Унташом не был столь сильным.

Ветер продолжал шуметь в кронах деревьев. Ветви шатались из стороны в сторону, отбрасывая на землю причудливые тени. Лес гудел, подобно морскому прибою. Стебли травы приминались под порывами воздуха.

— Это знатное местечко подойдет для обряда? — проскрипел Шилхаха.

Он снял шапку и зажимал ее под мышкой. Сальные волосы растрепались и повисли вдоль пухлых щек. Торговец снова потирал ладони друг о друга, издавая неприятный шаркающий звук.

Шварк-шварк... шварк-шварк... шварк-шварк...

Арчита опять вернулась в памяти к событиям прошлой ночи и невольно содрогнулась. Что бы ни скрывалось в той пещере, оно должно оставаться там. Навсегда. Нельзя позволить Унташу открыть рудник и разобрать завал.

«Но как это сделать?».

Она скосила взор на Суприри. Староста общины стоял чуть поодаль и привычно хмурился. На этот раз он не заметил ее взгляда и молча смотрел на центр поляны. Воины Унташа уже начинали брать ее в полукольцо.

— Пора начинать, моя жрица, — молвил старейшина, кладя руку ей на плечо, — не будем же оттягивать сей торжественный миг.

Девушка напряглась, однако сбросить ладонь не решилась.

— Хорошо. Я иду.

Она хотела двинуться вперед, но Унташ удержал ее.

— Я и мои воины пойдут с тобой, моя милая.

Жрица вскинула на него взор:

— Нельзя мешать проведению обряда.

Глаза старейшины сощурились. Он склонился над ней и зашептал:

— О, прекрасная Арчита, неужели ты думаешь, что я отпущу тебя от себя в столь ответственное время? Ты же знаешь, сколь проницателен мой ум.

Девушке показалось, что она начинает тонуть в этих всепожирающих синих глазах. Однако собрав волю в кулак, ей удалось не отвести взгляд.

— Так ты хочешь заполучить лазурит или нет? — спокойно ответила она. — Дай тогда провести все, как надо.

Пару мгновений Унташ не мигая смотрел на нее. Ветер рвал подол его одеяния, издавая неприятный хлопающий звук. Затем губы старейшины разошлись в уродливой усмешке.

— Хорошо, моя жрица. Пусть будет по-твоему. Но я все равно пойду с тобой. Нравится тебе это или нет. Обряд не запрещает присутствовать рядом того, кто хочет услышать волю

богов.

И вновь последнее слово было сказано с презрением и иронией.

Поджав губы, Арчита кивнула. Большого все равно добиться бы не удалось. Она видела это по непреклонному взгляду Унташа.

Вцепившись в тюк с вещами, жрица медленно направилась к центру поляны. Ветер играл ее волосами и завывал в кронах деревьев. Дыхание Арчиты участилось. Чем ближе она подходила к пещере, тем сильнее становился страх. Страх, казавшийся беспричинным. Сердце в груди зашло так, будто она долгое время бежала без остановки. Мозг лихорадочно искал выход. А меж тем старейшина неотступно следовал за ней. Его ноги в кожаных сандалиях бесшумно ступали по зеленой траве. И только подол пурпурного одеяния продолжал хлопать на ветру.

Остановившись в центре поляны, Арчита еще раз обвела ее взглядом.

Лучники не сводили с нее глаз. Стрелы были прилажены к тетиве. Учитывая открытое пространство, бежать не имело смысла. Остальные воины окружили местность полукольцом с востока. Их непроницаемые лица неотрывно следили за тем, что делает жрица. Наконечники копий грозно сверкали в лучах восходящего солнца. Теплые лучи небесного светила с трудом ощущались под порывами холодного ветра. Девушка невольно поежилась. Даже плотное одеяние не спасало от пронизывающих потоков воздуха... Или, быть может, она просто дрожит от страха?

Суприри и Шилхаха затерялись между стражниками Унташа. Торговец продолжал потирать руки, однако теперь этот неприятный звук не долетал до ушей девушки. Его сносило северным ветром. Купец неотрывно следил за ней изучающим взглядом, полным нетерпения. Арчите казалось, что она — бронзовый кубок, инкрустированный золотом, до которого жаждет добраться алчный торговец своими заgreбущими ручонками. От этого сравнения ей стало мерзко и противно.

Взгляд же старосты общины оставался непроницаемым. И только его лицо продолжало хмуриться, как небо в пасмурную погоду. Сцепив руки за спиной, он смотрел перед собой и покусывал нижнюю губу.

Атта-Ури находился рядом с ними. На устах играла все та же добродушная улыбка.

— Да благословят боги сей обряд, аки благословили они нас! — воскликнул старец и воздел руки к небу.

— Начинай, моя жрица, — холодно повелел Унташ. Его пальцы вновь коснулись плеча девушки. — И помни — моя щедрость безгранична, как и мой гнев. А пронизательность не знает себе равных. Не играй со мной. Не искушай судьбу. Тогда тебе воздастся сторицей.

— Я поняла, — сухо ответила она, не веря ни единому слову. И вновь Арчита невольно ужаснулась, насколько же стал похож ее голос на тон рабыни старейшины, несчастной Урутук.

— Тогда приступай, — пальцы чуть сдавили плечо, а затем отпустили.

Унташ отошел на шаг назад.

Жрица опустила на траву и поджала под себя ноги. Холод сковал ее обнаженные голени. Кожу неприятно защипало. Однако Арчита не обратила на это внимания. Положив тюк перед собой, она закрыла глаза.

Дыхание участилось. Сердце колотилось так, словно готово было выпрыгнуть из груди. На лбу выступал пот, но он мгновенно высыхал под порывами ветра, заставляя пробегать мороз по коже. Ветви деревьев шумели над ее головой, а тени от них играли на бледном и

усталом лице.

Сохраняя внешнее спокойствие, внутри Арчита ощущала нарастающую панику. Она представить не могла, что ей делать. Пещера неподалеку вселяла непонятный животный страх. Она не может дать разрешение старейшине на добычу лазурита... не должна позволить разобрать каменный завал. Жрица не знала, что скрывается по ту сторону преграды. Но она знала наверняка — что бы там ни было, оно не должно вырваться наружу. Никогда! Нельзя позволить Унташу идти против воли богов! Ведь зачем тогда иначе она выбрала свой путь? Зачем становилась жрицей? Зачем клялась в служении Богине-матери? Клялась в служении *ему*? *Поклоняющаяся...*

«Я просто боюсь. Боюсь за свою жизнь. Да, мне ведом страх перед смертью. Я не из тех, кто слепо готов принять ее. Ибо я видела слишком многое... слишком многое, — сердцебиение стало успокаиваться, — и я не должна дать этому повториться. Я поддаюсь слабости. Я по-прежнему боюсь за свою жизнь. И ничто не мешает Унташу, убив меня, привести новую жрицу. Но должна ли я идти против воли Богини-матери? Есть ли у меня выбор?».

Дыхание стало ровным. Внезапно в душу Арчиты пришел покой. Она шумно вдохнула и выдохнула. Не открывая глаз, развязала тюк и на ощупь достала маленький бурдюк, в котором находился ароматный настой из полевых цветов. Жрица припала губами к его краям и сделала пару глотков. Почувствовала прилив сил и уверенности.

«Помни себя».

«Богиня-мать, прости за проявленную слабость. Но теперь я знаю, что мне делать. Он не получит то, чего желает».

Слова истины вот-вот готовы были сорваться с языка. Арчита приняла свою судьбу. Не глядя, она бросила бурдюк в траву, поднялась и открыла глаза.

Поляна была пуста.

Арчита развернулась вокруг своей оси. Девушка удивленно осматривала пустую поляну.

Ноги продолжало колоть от холода. Ветер бушевал среди деревьев, заставляя те шататься ветвями и сыпать иголками. Вдали раздавался треск старых стволов. И никого вокруг. Никого, кроме нее. Только тюк и бурдюк продолжали валяться в траве.

— Что? — прошептала жрица. — Что происходит?

Она озиралась по сторонам в тщетных попытках разглядеть хоть кого-либо, но безрезультатно. Поляна словно вымерла. И лес вместе с ней. Девушка только сейчас осознала, что не слышит ничего, кроме протяжного воя ветра. Ни пения птиц, ни криков животных. Вообще ничего. Повозка с быками тоже исчезла. Даже трава в том месте, где та недавно стояла, не выглядела примятой.

«Как... что... где все?».

Арчита не успела поразмышлять над этим. Порывы северного ветра донесли до нее шепот. Тихий и вкрадчивый. Он шел со стороны пещеры. Медленно жрица развернулась к ней лицом. Грот продолжал напоминать открытую пасть жуткого чудовища. Налетел особо сильный порыв. Он сбросил с пологого склона несколько камней. С глухим стуком они приземлились возле входа в пещеру острыми краями вверх. словно огромные зубы

гигантского зверя...

Девушка сглотнула и отступила на шаг назад. Споткнулась о тюк и едва не упала.

В этот момент шепот раздался вновь.

«*Заххак...*».

Не сводя глаз с зияющей дыры, жрица присела и схватила бурдюк. Быстро засунула его в тюк и выпрямилась, прижав вещи к груди. Зрачки расширились. Непонятный животный страх вновь стал медленно опутывать ее, словно липкая смола. Нет. Она туда не пойдет. Ей там делать нечего.

«*Надо уходить. Плевать, что тут происходит. Просто надо уходить*».

Арчита начала отступать, не рискуя повернуться к пещере спиной. Дыхание вновь участилось. Ноги, несмотря на то, что их до сих пор сковывал холод, готовы были перейти на бег. Жрица с трудом сдерживала этот инстинктивный порыв. Она пересекала поляну, а развершаяся пасть грота безмолвно следила за ней. Лишь когда подошвы сандалий ступили на грунтовую дорогу, девушка развернулась и побежала. Ветер шумел в ушах и среди ветвей. Распушенные волосы хлестали по лицу и спине.

Сейчас Арчита не думала, что там произошло, куда все подевались, и как поступить дальше. Сейчас ее целью было оказаться подальше от этого жуткого места. Она продолжала свой бег по тракту среди леса. Толстые стволы подступали прямо к обочинам. Иголки из хвои сыпались на голову. Жрица не видела их. Она просто хотела выбраться отсюда. Дыхание сбилось, стало учащенным. Зато сковывающий ступни холод полностью отступил. В ногах запульсировала кровь. Неизвестно сколько Арчита пробежала, когда впереди забрезжил просвет. Показалось знакомое пшеничное поле. Колосья все также пригибались под порывами ветра. Жрица остановилась возле опушки, стараясь отдышаться. Тюк с вещами она прижимала к животу. В висках стучало. Щеки покраснелись. Арчита глубоко вдохнула ртом. Холодный воздух обжег гортань, но помог восстановить дыхание.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Жрица закрыла глаза. Снова глубоко вдохнула и выдохнула....

Она слышала детский смех.

Веки резко поднялись.

Локтях в ста впереди у обочины стояла глиняная хижина. Небольшая, судя по всему, с парой комнат и соломенной крышей. Смех раздавался оттуда...

Арчита нервно сглотнула. Это была та самая дорога, по которой они ехали с Унташом на место проведения обряда. Она точно помнила. Вот слева крутой склон горы Хинду-Кауш, а справа — широкое пшеничное поле. Только... только... она не помнила *никакой* хижины! Да, девушка сидела в повозке справа от старейшины, а хибара стояла по левую руку, если идти со стороны селения. Но она просто не могла ее не заметить! Просто не могла! В каком бы состоянии тогда ни была!

Девушка поежилась. Очередной порыв ветра пробрал до мурашек. В этот момент смех повторился. Звонкий и мелодичный, он принадлежать ребенку лет десяти. Но Арчита никого не видела. Дорога и поле пустовали. Видимо, звук идет изнутри... или кто-то скрывается за стенами дома.

Жрица вцепилась пальцами в тюк и шагнула вперед. Подошвы сандалий зашуршали по грунту. Ноги налились свинцом. То ли от бега, то ли от нехорошего предчувствия. Ей не хотелось идти туда, но выбор оказался невелик. Это была единственная дорога. И она проходила мимо одиноко стоявшей хижины.

Шаг за шагом она медленно приближалась к хибаре. Арчита уже могла различить сырцовый кирпич, потрескавшийся от времени. Часть соломенной крыши съехала набок. Удивительно, что она до сих пор не рухнула под порывами воздуха. Если не считать воя ветра в ушах, вокруг стояла тишина. Девушка отчетливо слышала, как шаркают ноги по пустынной дороге. Слышала собственное дыхание.

Она уже почти поравнялась с домом. Показался порог, ведущий внутрь. С улицы трудно было разглядеть обстановку. Помещение тонуло в сумраке.

— Ха-ха-ха!

Смех раздался так резко, так внезапно, что Арчита вскрикнула и едва не уронила тюк на дорогу.

«Богиня-мать, что происходит?!».

— Расскажи еще! — послышался детский голос.

Он доносился откуда-то из-за стены, с востока.

Чувствуя, как мурашки бегают по спине, с замиранием сердца, Арчита осторожно пошла на голос. Пальцы по-прежнему крепко сжимали тюк, будто от него зависела вся ее жизнь.

— Расскажи, отец! — вновь потребовал детский голос.

Подойдя ближе, жрица услышала еще одного человека. Хрипловатый тон.

— Ты и вправду хочешь узнать больше, солнце мое?

— Конечно! Это же так весело!

— Весело, дитя мое? — голос мужчины звучал ласково, пусть и нарочито строго. — Так слушай же. Если осел не подходит к грузу — пододвинь груз к ослу.

— Ха-ха-ха! — вновь раздался веселый смех ребенка. — Ослы такие упрямые!

— Истину говоришь. А вот еще. Богатство не в золоте, а в душе.

— Хи-хи, поэтому мы живем в этой развалюхе, да?

Арчита добралась до угла дома и медленно завернула.

Возле стены хижины пристроилась узкая лавочка. На ней сидел мужчина средних лет с черными волосами и такой же черной бородой до груди. Худое, но подтянутое тело прикрывало светлое одеяние и теплая накидка из козьих шкур. Рядом на траве расположился мальчуган, не более десяти лет от роду. Скрестив ноги в кожаных сандалиях, он буквально смотрел в рот мужчине и с жадностью ловил каждое слово.

— Да, сын мой, верно молвят твои уста, — прохрипел мужчина, а затем внезапно посерьезнел и поднял указательный палец. — Но вот что скажу я тебе. Запомни слова мои. Заруби на носу. Это последнее наставление будет на сегодня.

— Я слушаю тебя, отец!

— Что тверже камней? — спросил мужчина.

— Э-э-э... — замялся паренек, — бронза?

— Человек! А что розы нежней?

— Солома?

— Человек! Запомни, сын мой. Ты можешь быть тверже камня и нежнее розы.

— А как же мне выбрать, каким быть?! — всплеснул руками мальчик.

Отец рассмеялся:

— Это и определяет мудрость твою. Ты сам должен умом понимать, в какое время и с кем каким надобно быть. Тверже камня с врагами твоими. Нежнее розы с девой твоей.

— А-а-а, — протянул паренек.

Похоже, он не до конца понял суть слов, сказанных отцом.

Тот словно прочитал сомнения на юном лице и добавил:

— Ты поймешь, когда придет время твое.

— Да, отец, — покорно кивнул мальчик.

Арчита все это время заморожено смотрела на них. Смотрела, не в силах отвести взгляд. Ей чудилось, что она где-то видела их. И мужчину, и его сына. Но где? Речь отца лилась, подобно меду на пирах. В ней сквозила мудрость. А глаза ребенка... синие и глубокие, словно морская пучина. Девушка напрягла память, но тщетно.

В этот момент оба обернулись к ней.

— Простите, я не хотела подслушивать, — быстро заговорила она, — просто...

Жрица осеклась. Мужчина и ребенок смотрели в ее сторону, но... их взор казался рассеянным, безмятежным. Арчиту пробила сильная дрожь. Пальцы едва не разжались, чуть не выпустив тюк с вещами. Страшное осознание пришло в голову.

Они *не видят* ее!

— Хинду-Кауш... — восторженно прошептал мужчина, — настоящее чудо, богов творение, правда, сын?

— Да, отец, — вторил паренек.

Их взгляды окидывали серые скалы, отвесные утесы и белоснежные шапки гор. В глазах читалось умиротворение. Умиротворение от созерцания здешних красот... и больше ничего. Абсолютно ничего.

Арчита нервно сглотнула и отступила на шаг назад. Затем еще. Ее дыхание участилось. Пальцы так сильно вцепились в тюк с вещами, что едва не порвали его. С уст был готов сорваться безмолвный крик.

«Они не видят меня... они не видят меня... о, боги, почему они не видят меня?!».

Девушка продолжала пятиться, а мужчина и мальчик смотрели на Хинду-Кауш сквозь нее. Жрица готова была закричать. Вопль рвался наружу из груди, в котором не было ничего, кроме страха и отчаяния. И только невероятным усилием воли Арчита сумела подавить в себе этот безумный порыв. Дойдя до угла дома, она развернулась и бросилась к дороге. Ноги в кожаных сандалиях шуршали по низкой траве. Холодный ветер хлестал прямо в лицо. Проникал в легкие. Сбивал дыхание. Выбравшись на тракт, жрица развернулась и, не останавливаясь, побежала в сторону селения. Щеки вновь покраснелись. Сердцебиение участилось. Голову разрывало от догадок и непонимания того, что происходит? Почему исчезли люди с поляны? Куда они подевались? Откуда эта хижина на обочине? Где она видела этих людей... и почему они не видят ее? Что происходит... что?!

С пересохших губ сорвался тяжкий стон. Она не знала ответа ни на один вопрос. И это мучило Арчиту. Она чувствовала страх. Страх неизвестности. Он подстегивал ее, подобно хлысту над ухом вьючного мула. Заставлял бежать вперед. Не останавливаться. Даже когда в висках застучали кузнечные молоты, а дыхание стало прерывистым, она не сбавила ход. Девушка продолжала свой безумный бег по грунтовой дороге вдоль хребта Хинду-Кауш, а по правую руку колосилось поле пшеницы. Зрелые побеги приминались к земле порывами холодного ветра.

В конце концов, сознанием Арчиты завладела только одна мысль — добраться до хлева, забрать лошадь и убраться отсюда. Убраться как можно дальше. А уже там можно будет подумать над тем, что делать. Хоть какая-то определенность притупила панику. Заставила взять себя в руки. Жрица чуть сбавила скорость, дабы позволить дыханию прийти в норму, однако полностью на шаг не перешла.

«Возьму лошадь... уеду... и все будет хорошо... да... все будет хорошо».

В этот момент ей вновь почудилось, что позади раздался шепот. Тот же самый, что доносился из жуткой пещеры. Вкрадчивый и зловещий.

«Заххак...».

Стиснув зубы, Арчита упрямо смотрела перед собой. Ноги будто сами несли ее дальше по дороге. Нет. Не в этот раз! Сейчас она не станет оборачиваться. Она не будет оборачиваться! Что бы там ни скрывалось за спиной, она не станет оборачиваться! Ее цель впереди, и только впереди!

«Заххак...».

«Нет! Не заставишь! Не заставишь меня!».

Впереди показались задворки селения. Дорога проходила между скалистой грядой и одной из хижин. Соломенная крыша растрепалась под порывами ветра. Несколько стеблей сушеной травы сорвалось и полетело, описывая в воздухе причудливые кружева. Но Арчита не обратила на это внимания. Продолжая хрипло и прерывисто дышать, она бежала трусцой по тракту в сторону хлева. Шепот больше не повторился, и мысленно она порадовалась этому.

В проеме между хибарой и утесом ветер завывал с особым остервенением. Он едва не сбил жрицу с ног. Арчите пришлось остановиться и подождать, пока тот ненадолго утихнет. Холодный воздух обжигал гортань. Девушка задыхалась. Ступни налились свинцом. Жрица даже отвернулась в сторону, подставляя спину пронизывающему ветру. Это помогло отдышаться. Улучив момент временного затишья, она продолжила бег. Быстро миновав проем, Арчита оказалась на главной улице и остановилась, как вкопанная. Громко и хрипло дыша, девушка смотрела перед собой широко раскрытыми глазами. В зрачках читалось неподдельное изумление.

На широком пяточке возле дома старейшины стояло три человека. Двое мужчин и молодая девушка. Она держала одного из них за руку и счастливо улыбалась. Ветер играл ее распущенными и волнистыми волосами. Те черным каскадом спадали ей на плечи и дальше, вплоть до лопаток. На ней было зеленое платье. Не слишком облегающее, но оно не могло скрыть естественной красоты ее тела. Плечи незнакомки утепляла шерстяная накидка. Своим туловищем девушка загораживала мужчину, которого она держала за руку. Оба они стояли спиной к дому старейшины, боком к Арчите и смотрели на другого мужчину. Тот тоже улыбался и что-то говорил им.

Прищурившись, Арчита взгляделась в него повнимательней и остолбенела.

Худое, но подтянутое тело. Короткие волосы, тронутые на висках сединой. Черная борода до груди с легким серебристым налетом. Светлое одеяние подчеркивало стройную фигуру, а на плечах виднелась теплая накидка из козых шкур. Но не внешность человека так поразила Арчиту, что она чуть не упала в обморок. А то, что она *узнала* его! Это был тот самый мужчина, что повстречался ей минутами ранее. У хижины возле дороги. Отец синеглазого мальчика. Только теперь его лицо покрывали морщины, особо глубокие на лбу. Он словно разом постарел на десяток лет.

«Но как... как такое возможно?!».

Жрица не успела подумать над этим вопросом. Подхваченная ветром, до ее слуха донеслась речь мужчины. Все такая же мудрая и сладкая, подобная меду на пирах.

— Пусть боги благословят ваш союз! И да будете счастливы вы, неразлучны и сияете, аки звезды на небе.

— Благодарю тебя, отец, — ответил мужчина, чей лик скрывался за фигурой незнакомки.

— Мы очень счастливы! — мелодично сказала она. — Спасибо тебе, Атта-Ури.

Глаза Арчиты вылезли из орбит. Испытывая настоящий шок, она неотрывно следила за тем, что происходит на пяточке возле дома старейшины.

«Атта-Ури?! Тот старец? Смотритель животных? Что?!».

Жрица пошатнулась и едва устояла на ногах. Новый порыв ветра чуть не повалил ее вниз. Но да, теперь она окончательно узнала мужчину. В этом лице и вправду угадывались знакомые черты. Атта-Ури. Только сейчас он предстал перед ней не глубоким старцем, а крепким мужем, лишь вступившим на тропу неминуемого увядания. Но даже сейчас на устах

мужчины играла та самая знакомая и добродушная улыбка.

— Благодарите богов, а не меня, — молвил Атта-Ури, — ведь они послали вас друг другу, Урутук.

«Урутук?».

Арчита почувствовала, как ее начинает мутить. Теперь она узнала и очаровательную незнакомку. Это была та самая рабыня Унташа. Женщина с грязными волосами и взглядом без всякого признака жизни. Только сейчас она сияла от счастья. Очи были полны мечтаний и надежд, а волосы искрились на солнце. И они совсем не походили на те сальные космы, что жрица наблюдала при первой их встрече. Черты лица Урутук выглядели ровными, гладкими. Без малейшего следа побоев, унижений и страданий. Жрица сама не заметила, как вновь начала учащенно дышать.

— Ты ведь отобедаешь с нами, Атта-Ури? — поинтересовалась Урутук.

— Примете в доме старого осла своего?

Девушка звонко рассмеялась, откидывая голову назад... и в этот момент Арчита увидела мужчину, что стоял позади и держал ее за руку. Вся кровь отхлынула у жрицы от лица и прилила к затылку.

Гладкий лик. Солнце отражается от бритой головы. Синие глаза... только они не пожирают тебя, подобно взгляду голодного паука. В них сквозят разум и радушие. Пухлые губы расходятся в улыбке... но она не уродует его, а придает какой-то естественной красоты. Стройное тело, оголенное по пояс. Кожа не покрыта бледностью, она имеет здоровый розоватый оттенок с легким налетом загара. Знакомое пурпурное одеяние с широким подолом хлопает под напорами ветра.

Без сомнений, это был Унташ! Арчита узнавала и не узнавала старейшину одновременно. Она не могла поверить в то, что этот человек — то самое чудовище, подобное ракшасе, что сосет кровь из своих подданных и наслаждается их мучениями. Тот старейшина, который держал сейчас за руку Урутук, не мог быть таким! Просто не мог!

— Что... — в отчаянии прошептала жрица, — что происходит?

Ее не услышали. И не повернули голов. Даже когда ноги Арчиты подкосились, и она рухнула коленями в грунтовую землю. Ее словно не существовало.

— Ты останешься с нами на ужин, отец? — услышала она спокойный голос Унташа, — ты учил меня быть гостеприимным. А кому, как не собственному отцу не отказывать в нем?

— Разве могу не принять я предложение твое? — воскликнул Атта-Ури, разводя руками. — Оно прекраснее, чем сияние солнца на рассвете.

— Так пойдем же в дом! — махнула рукой Урутук. — А то сегодня так ветрено и холодно. Можно и простыть.

— Согреемся вином, — добавил старейшина.

— Да, разгулялись нынче ветра, — хрипло засмеялся Атта-Ури, — идемте же, идемте.

Арчиту била дрожь, словно в сильной лихорадке. Мозг отказывался понимать, что происходит. Тюк с вещами выпал из ее разжавшихся пальцев и рухнул в пыль рядом на дорогу. Жрица не видела, как члены семьи старейшины скрылись в доме. В этом до боли знакомом доме. Девушка осталась на улице одна. Обдуваемая холодным ветром.

Ее отрешенный взгляд скользнул по выроненным вещам. Тюк развязался, и бурдюк, наполненный настоем из полевых цветов, показался на свет. Глаза девушки невольно задержались на нем. Веки чуть прищурились. В зрачках заплясал непонятный огонек. Непроизвольным движением Арчита протянула руку и ухватила емкость с зельем. С

задумчивым видом повертела между пальцев. Северный ветер пронизывал насквозь. Жрица замерзала, но в данный момент не обращала на это внимания. Ее мысли вернулись в прошлое.

«Мои вещи... они остались на лошади, когда я только приехала сюда... кобылу отвели в хлев старейшины... и тюк оставался вместе с ней... на рассвете мне принесли его... все это время он находился в хлеву...».

Жрица закусила нижнюю губу.

«А затем я выпила настой из трав... там, на поляне у входа в пещеру. Мог ли Унташ приказать подсыпать что-нибудь в зелье? Чтобы я точно исполнила его волю?».

«Я умен и прозорлив, прекрасная Арчита. Ты ведь знаешь это?».

Свободная рука сжалась в кулак.

«О, да, Унташ. Я знаю это. Ты мог подсыпать мне что-нибудь в снадобье, дабы вынудить сказать те слова, что ты так возжелал услышать. Это все морок. Видения...».

— Морок... видение, — шепотом повторила она вслух.

Затем поднесла бурдюк к ноздрям и принялась, однако никаких подозрительных запахов не уловила. Дрожащей рукой Арчита убрала его в тюк и завязала последний. Медленно поднялась. Ноги дрожали. Голова кружилась.

— Это все морок... видение, — как мантру повторяла она.

Однако до конца убедить себя не удавалось. Арчита помнила тот зловецкий шепот, который она слышала на подходе к селению. То не было мороком или игрой воображения. Здесь и вправду что-то есть... и она не намерена узнавать, что именно. Хлев старейшины уже видно впереди. Надо просто добраться до него, взять лошадь и уехать отсюда. Подальше.

Шумно втянув носом воздух, Арчита двинулась вперед. Ноги плохо слушались, но с каждым шагом уверенность возрастала. Через пару минут девушка вновь смогла перейти на бег. Она спешно миновала дом старейшины, даже не взглянув на него. Не стала окидывать взором пустую улицу, по которой гулял разбушевавшийся ветер. Ее взгляд был сосредоточен лишь на одном — постройке, где должна быть лошадь. Ее лошадь.

Вот уже заветный проулок. В нем так же, как и везде, завывают холодные порывы воздуха. И кроме него тишина. Абсолютная тишина. Арчита почувствовала, что сердце начинает сжиматься в груди, несмотря на учащенное биение. Почему не слышит животных?

Через минуту она уже добралась до входа в постройку. Внутри царил полумрак. Витал запах сухой травы и звериного помета. Не останавливаясь, жрица юркнула внутрь. Хриплое дыхание громко раздавалось среди деревянных стен, покрытых налетом сырости. Арците пришлось подождать несколько мгновений, пока глаза не привыкнут к темноте. Наконец, отдышавшись и придя в себя, девушка окинула взором хлев. Справа находился пристрой и загон для свиней. В центре — куриный насест. Дальше слева — длинный коровник.

Арчита слышала, как воет снаружи ветер. Как из груди вырывается хриплое дыхание. Как биение сердца отдается в висках.

Лошади не было, а хлев оказался пуст. Совсем.

На негнущихся ногах жрица вышла наружу и прислонилась спиной к стене хлева. Отрешенным взглядом уставилась в стену напротив. Разум отказывался понимать, что происходит.

Ветер продувал ее насквозь. Пальцы на руках и ногах начали неметь.

«Я все равно уйду отсюда. Все равно...».

Крики и возмущенные голоса внезапно донеслись до нее со стороны площади. Девушка вяло повернула голову. Рассеянный взор разглядел, что перед входом в дом старейшины стоят двое. На этот раз не понадобилось много времени, чтобы узнать их. То были Унташ и Атта-Ури. Первый нервной походкой вышагивал туда-сюда около дома. Нижнюю часть лица он прикрывал ладонями. В синих глазах витала горечь и отчаяние. Настолько сильные и глубокие, что Арчита невольно подалась вперед. Атта-Ури стоял чуть поодаль от старейшины и пытался что-то ему втолковать. Сейчас на лице зрителя не играла та добродушная и приветливая улыбка. Арчита невольно подметила, как же непривычно видеть Атта-Ури без нее.

С трудом заставив себя отойти от стены, девушка двинулась к ним. Вой ветра заглушал шорох сандалий по грунту и звук голосов. Жрице почему-то хотелось узнать, о чем те беседуют. Поэтому продолжала подходить все ближе, не боясь быть замеченной. Все равно они ее не видят.

Унташ все мерил шагами землю. Атта-Ури сочувственно смотрел на него и разводил руками.

— Так случается, сын мой, — донеслись до жрицы его слова, — но на все воля богов.

— Воля богов?! — резко остановился старейшина и воззрился на него.

— Если случилось несчастье сие, значит, понадобился он всевышним...

— Отец, что ты такое говоришь?! — Унташ сорвался на крик. — Неужели ты думаешь, что боги способны на такое?!

— Все в руках их и не нам судить...

— О, нет! — резко перебил старейшина и ткнул пальцем в грудь Атта-Ури. — Ошибаешься, отец! Что это за боги, которые сотворяют подобное?! Нет! Не верю! Не хочу верить! Или богов и вовсе не существует!

— Не богохульствуй, Унташ...

— Замолчи! — кулак старейшины рассек воздух возле носа отца. — Раз нет богов, значит нет богохульства! А остальное — лишь выдумки кучки жрецов, дабы дурманить простым жителям мозги!

— Твое горе застилает разум, аки туча солнце...

— Не желаю ничего слышать! — Унташ буквально выплевывал слова в лицо отцу. — Тебе не переубедить меня, даже не пытайся! Будь проклят тот камень, что свалился на его голову!

Атта-Ури безуспешно пытался что-то возразить:

— Послушай...

— Убирайся!

Старейшина толкнул отца в грудь. Тот едва не упал и чудом устоял на ногах. Унташ же, не глядя на родителя, развернулся и быстро скрылся в своем доме.

Глазами, полными горечи и сострадания, Атта-Ури смотрел ему вслед. Затем сложил ладони перед собой в молитвенном жесте и воздел глаза к небу.

— О, всевышние, — донесся до Арчиты его взволнованный и хриплый голос, — даруйте прощение и покой сыну моему. Горечь утраты застилаем разум его. Он не ведает, что говорит.

Сказав это, Атта-Ури неуверенно зашагал ко входу в дом. Возле порога он помедлил

пару секунд, но затем решился и скрылся внутри.

Арчита все это время молча наблюдала за происходящим. Она начинала догадываться, что смерть ребенка старейшины под камнепадом и послужила началом конца. Унташ проклял богов, посчитав их виновниками в гибели собственного дитя. А затем и вовсе перестал верить в них. Вот почему он не давал за слова жрецов и ломаного гроша.

«Но сейчас это уже не важно... надо уходить... пусть даже на своих двоих».

Приняв это решение, Арчита рванула с места. Она едва успела выбежать на главную улицу, как раздался оглушительный рев, от которого задрожала земля.

Арчита рухнула на землю, больно ударившись коленями. Кожу с них содрало, однако ей сейчас было не до этого. Девушка инстинктивно закрыла уши руками. Не успела она оправиться и понять, что происходит, как рев повторился. Дикий, вызывающий животный страх и панику. Он походил на бляение целого стада коз, только намного... намного мощнее и оглушительнее. Голова жрицы разрывалась на части от этого жуткого и омерзительного вопля. Чудилось, что сам Хинду-Кауш вот-вот рухнет на нее. Арчита зажмурилась и закричала, однако ее крик полностью потонул а леденящем душу бляении. Он прокатился по округе еще раз. Странный отдаленный гул примешался к нему. Будто где-то в горах сошел крупный ледник, и теперь снежная лавина стремительно и неумолимо приближалась к селению.

Губы жрицы беззвучно зашептали:

— Богиня-мать, помоги мне... Богиня-мать, помоги мне...

Она продолжала стоять на коленях, боясь поднять веки и убрать ладони от ушей. Ведь тогда точно оглохнет от этого ужасающего воя... и Арчита не хочет видеть того, кому он принадлежит. Даже риск оказаться погребенной под снежной лавиной не заставил ее открыть глаза. Жрица продолжала стоять на коленях и возносить молитвы Богине-матери. Она не сразу сообразила, что жуткое бляение и отдаленный грохот прекратились. Округа погрузилась в тишину. Мертвую и гнетущую. Даже холодный северный ветер, пронизывающий насквозь, перестал завывать над ее головой. Теперь она слышала лишь собственное дыхание. Прерывистое и приглушенное.

Прошло около минуты абсолютного безмолвия прежде, чем Арчита собралась духом и решила открыть глаза. Медленно она подняла веки.

Первое, что предстало перед взором, так это тюк с вещами, валяющийся в низкой траве. Продолжая тяжело дышать, жрица невольно нахмурилась. Она не помнила, чтобы на главной улице селения росла трава... Взгляд скользнул дальше вперед. Она увидела деревья. Толстые многолетние стволы стояли не шелохнувшись. Ветер больше не завывал в их макушках и не играл раскидистыми ветвями. Лес хранил полное безмолвие. Дыхание девушки участилось. Сердце подскочило к горлу. Осторожно она отвела ладони от ушей и вслушалась. Вокруг царила звенящая тишина. Арчита нервно сглотнула. Она уже собиралась подняться на ноги, как вдруг услышала шепот. Уже ставший до боли знакомым.

«Заххак...».

Медленно девушка обернулась на звук и застыла. Ее взору вновь открылась та самая пещера. Подобно пасти огромного зверя, она разинула свой зев. Упавшие с гор острые камни, будто острые зубы, продолжали лежать возле входа, лишь усиливая сходство с утробой чудовища.

Жрица снова оказалась на той самой поляне, где должен был пройти обряд. Но девушка уже не задавала себе вопросов, как так вышло и что здесь происходит. Она бросила тщетные попытки понять. Все, чего ей хотелось — чтобы этот ужас, наконец, закончился.

— Богиня-мать... — зашептала Арчита, — помо... — договорить она не успела.

Страшный грохот раздался в пещере. Девушка вздрогнула и едва не подпрыгнула. Она отчетливо слышала шум падающих камней и осколков горной породы. Мурашки побежали по спине. Пальцы инстинктивно вцепились во влажную землю, сминая тонкие стебли травы.

Взгляд широко раскрытых черных глаз устремился прямо на вход. В зрачках застыл испуг. Арчита поняла, что это был за грохот. Стена, о которой рассказывал Унташ. Стена, за которой должны скрываться богатые залежи лазурита... Стена рухнула...

Жрица едва успела осознать произошедшее, как шум падающих булыжников внезапно сменился другим. Девушка отчетливо услышала стрекотание. Очень похожее на то, что издает кузнечик, сидя в траве под лучами заходящего солнца. Только судя по шуму, этот «кузнечик» должен был быть размером со слона. Арчиту стала бить дрожь, однако она не двинулась с места. Подобно кролику под взглядом кобры, она заврожено и неотрывно смотрела на вход в пещеру. Громкое стрекотание приближалось. Сквозь него жрица слышала, как нечто крупное передвигается по каменистому полу грота. Но этот звук не походил на поступь чьих-то лап или шагов. Будто огромная змея задевала о камни чешуйчатой кожей.

Чем отчетливей становились звуки, тем быстрее колотилось сердце. В какой-то момент Арчита перестала различать удары. Однако она продолжала следить за входом в пещеру.

Показался коричневый рог... В памяти всплыли события, что произошли с ней много лет назад. Тогда, когда улицы Мохенджо-Даро оказались залиты кровью. Коричневая туша... длинный и острый рог... красные немигающие глаза... Видение было мимолетным и быстро исчезло.

Их было два... Таких же длинных, как у *него*, но смотрели они в разные стороны... Острые, будто заточенные лезвия, рога на коричневом, широком и чешуйчатом лбу. Арчита невольно перевела взор чуть ниже и тут же пожалела об этом. С огромной вытянутой морды на нее немигающе смотрели два желтых глаза. И в этих глазах, будто бы лишенных зрачков, горело безумное и яростное пламя. Пламя, которое стремилось вырваться наружу и поглотить все живое. Нет, этот взгляд не имел ничего общего с тем, что Арчите пришлось наблюдать, будучи ребенком. В нем не было ни разума, ни наставления, ни смысла. Только безудержная жажда поглощения.

— О, боги...

Приоткрытая пасть существа, которая, казалась, была способна прожевать молодого слона целиком, оказалась усеяна рядом огромных и острых зубов. И им бы позавидовал сам синха. Тварь продолжала громко стрекотать и неотрывно смотреть на Арчиту. Жрица, белая как соль, не могла заставить себя пошевелиться. Будто взгляд этих желтых немигающих глаз сковывал хлеще самых крепких колодок.

Следом за головой показалось туловище. Темное, змееподобное, толщиной в два ствола многолетнего дуба. Пасть чудовища открылась шире. Стрекотание усилилось. Арчита увидела, как между зубами твари мелькнул огонь. Пламя в глазах вспыхнуло еще сильнее. И это вывело девушку из оцепенения.

Забыв о тюке с вещами, жрица вскочила на ноги и, не оборачиваясь, ринулась в чащу что есть сил. Позади раздался оглушительный рев, напоминающий бляение коз. Уши тут же заложило. Арчита испугалась, что оглохла. Однако последовавший за этим шум осыпающегося камня убедил в обратном. Как только лесная хвоя сомкнулась над головой, одно из соседних деревьев рухнуло с оглушительным треском. Жрица вскрикнула и отшатнулась. Краем глаза заметила кончик огромного хвоста. Чудовище повалило многолетнее дерево всего одним ударом. Девушка не успела опомниться, как рядом раздался новый треск. Очередной ствол начал заваливаться, рискуя задавить и пронзить острыми сучьями. Лишь в последний момент жрица смогла отскочить. Хрипло дыша, она бросилась

дальше в лес. А в спину ей неслось громкое стрекотание. И в нем воспаленный разум Арчиты отчетливо различал насмешку и торжество.

Она не слышала, как шуршат сандалии по земле. Не слышала собственного дыхания. Не чувствовала биения сердца. Всю округу заполонило леденящее душу стрекотание.словно гигантский кузнечик наступал ей прямо на пятки. Готовый вот-вот пронзить ее насквозь. Ноги отяжелели от страха и нагрузки. Арчита слишком много пробежала за сегодня. Слишком вымоталась. Но она заставляла себя бежать дальше. Бежать так, как не бегала никогда. Ведь от этого зависела ее жизнь. Хвоя каскадом сыпалась сверху на голову. Лезла в глаза, застревала в волосах. Колючие ветви хлестали по лицу, оставляя саднящие царапины. Жрица не обращала на это внимания. Лишь изредка прикрывала очи ладонью, чтобы случайный сук или ветвь не пронзил их. Лес впереди стал густеть. Вокруг становилось темнее. Арчита надеялась, что это замедлит чудовище и даст ей возможность уйти. Не сбавляя хода, девушка обернулась через плечо.

Тварь продолжала преследовать ее. Только теперь она не пыталась крушить деревья мощным хвостом. Толстое змеиное тело ловко лавировало между стволов. Чешуйки задевали землю, скреблись о корни и кору, вызывая отвратительный скрежет. Но он то и дело заглушался громким стрекотанием из разинутой пасти чудовища. В сгустившемся сумраке демонические глаза казались еще ярче. А пылающий в них огонь — еще более обжигающим и смертоносным.

— Богиня-мать... — с уст сорвался тихий свист, но она его не услышала.

Жрица больше не оборачивалась. Легкие горели так, будто их уже объяло пламя. Губы пересохли. Арчита стала задыхаться. Но она не могла позволить себе остановиться. Уворачиваясь от острых веток, она продолжила бег, сосредоточив взгляд впереди.

Лес и вправду стал гуще. Стволы теперь находились гораздо ближе друг другу. Это еще позволяло девушке спокойно пробегать между ними. Однако толстой туше здесь уже не протиснуться. Поэтому Арчита несколько не удивилась, когда позади вновь раздался треск и грохот падающих деревьев. Звук разлетающейся в щепки древесины лишь подстегнул ее. Придал второе дыхание. Через пару минут стремительного бега, жрица осознала, что стрекотание стало чуть тише. Она рискнула обернуться. Пылающие глаза твари ярко выделялись в сгустившемся сумраке. Однако догадка оказалась верной. Чудовище и вправду отстало, а поваленные деревья нередко преграждали ему дорогу. Почувствовав воодушевление, Арчита снова обернулась вперед и едва не налетела на широкое дерево, покрытое сырым мхом. Девушка с трудом успела выставить руки и принять удар на них. Жрица вскрикнула. Острая кора содрала кожу. Из ладоней засочилась кровь. В тело впились занозы. С уст сорвался стон. Остановившись всего на мгновение, Арчита ощутила, как сильно дрожат ноги. Раздавшееся позади стрекотание не дало ей возможности передохнуть. Пообещав себе больше не оборачиваться, она припустила дальше вглубь леса. Однако мысленно осознала — силы на исходе. Руки непроизвольно сжались в кулаки. Занозы вошли глубже под кожу, вызывая жжение и боль. Но жрица упрямо бежала вперед и смотрела перед собой, то и дело уворачиваясь от острых и колючих ветвей. Ее глаза лихорадочно осматривали чащу в попытках найти хоть какое убежище, где можно перевести дух. Рано или поздно она не сможет бежать. И тогда эта тварь...

... демон...

...нагонит ее. И если это случится, Арчита ждать не станет. Она пустит в ход кинжал и перережет себе горло.

Несмотря на прохладу, пот градом стекал по исцарапанному лицу. Хвоя прилипла ко лбу и щекам. Вязкие капли медленно стекали на глаза, заставляя намокать ресницы. Арчита то и дело утирала их. Она продолжала взглядом, полным отчаяния, искать возможное убежище.

«О, Богиня-мать, помоги... помоги же мне!».

Будто бы услышав ее молитвы, впереди показались два огромных валуна. Поросшие мхом и мелким сорняком, они смутно выделялись в сумраке леса. Увесистые камни, высотой в три человеческих роста, стояли, прижавшись макушками друг к другу. Что-то кольнуло Арчиту в сердце. То ли предчувствие, то ли нагрузка. Но она рванула туда изо всех оставшихся сил. Позади раздавался страшный грохот падающих деревьев и леденящее душу стрекотание. На подкашивающихся ногах жрица добежала-таки до валунов и обнаружила щель между ними, в которую вполне могла протиснуться. Не раздумывая ни секунды, девушка стала пробираться внутрь, опираясь руками о камень. Оцарапанные ладони, утыканные занозами, оставляли на шершавой поверхности кровавый след. В какой-то момент Арчите показалось, что она застряла. Паника тут же охватила ее. Сердце готово было выскочить из груди. Жрица почувствовала, как острый кусок камня уперся ей в позвоночник. Закусив губу до крови, она с силой дернулась вправо. Послышался треск одежды. Порода проехала по коже выше поясницы. Арчита вскрикнула от боли, но смогла продолжить движение.

«Хоть бы кости не задело... хоть бы кости не задело!».

Щель стала чуть шире, и девушка смогла перемещаться чуть свободнее. Она заметила, что с обратной стороны проход не такой узкий, однако злобной твари сквозь него все равно не пролезть. Остановившись примерно посередине, Арчита замерла. Левая рука непроизвольно скользнула вниз и ощупала место раны на спине. Пальцы почувствовали влагу, но жрица не могла понять — кровь ли это из ладоней или свежего увечья? Долго размышлять не пришлось. Шум очередного упавшего дерева и оглушительное стрекотание заставили обернуться. Дыхание было столь сильным и учащенным, что грудь при вдохе касалась валуна напротив. Очи, полные неподдельного ужаса, всматривались в сумрак. И когда огромный желтый глаз, лишенный зрачка, появился возле расщелины, жрица с трудом сдержала крик ужаса. Округу разорвал оглушительный вой, напоминающий козье бляение. Девушка решила, что валуны сейчас содрогнутся и раздавят ее своей массой, размазав по поверхности останки. Но камни остались на месте.

Внезапно око демона исчезло. Снаружи воцарилась тишина. В наступившем безмолвии дыхание Арчиты было столь громким, что она сама невольно испугалась. Сердце готово было выскочить из груди. Нет, она не верила. Не верила в то, что тварь, кем бы она ни была, решила оставить ее в покое. До звона в ушах жрица прислушивалась в то, что творится снаружи. Но ответом ей по-прежнему была тишина. Такая непривычная и жуткая после оглушающего рева.

Девушка облизала пересохшие губы. С языка невольно сорвался слабый сип.

— Где... где оно?

Валун перед ней потряс удар. Жрица вскрикнула и невольно приставила ладони к камню. Тут же последовал еще один удар. Посыпались мелкие куски породы.

— Нет!

Очередной удар. Естественное убежище затрясло сильнее.

— Нет, прошу тебя!

Арчита в отчаянии попыталась упереться о стену руками, но проем был слишком узкий, чтобы приложить достаточно усилий. Да и навряд ли бы их хватило. Снаружи раздалось стрекотание. Теперь жрице чудилось, что она слышит в нем нотки недовольства и раздражения. Валун сотрясся от очередного удара. Неизвестно каким чудом, но он держался. Арчиту бил озноб, словно в лихорадке. Она уже подумывала выбраться отсюда, пока тварь снаружи не добилась-таки своего. Да, у нее осталось слишком мало сил, но это хоть какой-то шанс. Здесь же она найдет неминуемую смерть.

В тот миг, когда она уже готова была пойти на этот отчаянный шаг, удары резко прекратились. Жрица вновь обернулась к выходу, и в этот момент демон показался вновь. Сначала промелькнул желтый глаз, а затем показалась разинутая пасть. Мощная челюсть, полная длинных и острых зубов. Громкое стрекотание било по ушам и заставляло душу уходить в пятки.

Однако Арчиту сейчас волновало не это. Ее привлекло странное свечение, исходящее из пасти чудовища. С каждой секундой оно нарастало. Становилось все ярче и крупнее. Уже скоро жрица почувствовала кожей тепло. Тепло, медленно переходящее в жар. Страшная догадка осенила девушку. Не тратя ни секунды на раздумья, она лихорадочно стала выбираться наружу. Благо проход с другой стороны был шире и не затруднял движение.

Жар нарастал. В тот момент, когда жрица уже почти выбралась из-под валунов, в спину ударил поток пламени. Арчита вскрикнула и упала на землю. Тело тут же обдало холодом и сыростью, однако она этого даже не заметила. Перевернувшись на спину, девушка увидела, что сандалии занялись огнем. Язычки пламени готовы были вот-вот перекинуться на ноги. Жрица отчаянно стала возить подошвами по влажной земле. Ей удалось сбить огонь, однако обувь успела выгореть насквозь. Не медля ни секунды, Арчита вскочила на ноги. Ступни тут же ощутили холод лесного покрова. В кожу впились опавшие иголки. Лицо жрицы исказилось от боли. Однако выбора у нее не осталось. Огромная рогатая голова показалась из-за валунов, вынуждая ее продолжить бег дальше в густую тьму хвойного леса.

Все тело отдавалось болью. Дышать становилось труднее. Легкие горели, словно охваченные пламенем. Ступни были изранены сучьями, в них впились многочисленные иголки. Мышцы сводило судорогой. Арчита чувствовала, как сквозь порванную одежду на спине сочится кровь. Несмотря на бег, ей становилось холодно. Пар шел из пересохшего рта. Перед глазами, которые так и норовил залить пот, все плыло и двоилось. Она слышала, как кузнечные молоты бьют в висках. Словно чувствуя ее состояние, тварь позади замедлила ход, предвкушая скорую добычу. В громком стрекотании вновь засквозило торжество. Чудовище знало, что ждать осталось недолго. Это понимала и сама Арчита. Проскочив меж очередных стволов, она проковыляла еще немного и очутилась на относительно открытой местности. Лес был здесь не такой густой, как позади, а новый массив начинался лишь в полусотне шагов дальше. Спрятаться оказалось негде. Громко сглотнув и тяжело дыша, жрица сделала пару неуверенных шагов, и тут ее ноги подкосились. Девушка рухнула на колени, прямо на влажную землю. Ее трясло. Она попыталась встать. Усилием воли заставить себя подняться, но тело отказывалось слушаться. Ноги ничего не чувствовали ниже бедер. Кроме саднящих царапин и колючих иголок, вонзившихся в ступни. Сквозь плотно сжатые зубы прорвался сдавленный стон. Тем временем стрекотание приближалось. Девушка отчетливо слышала, как огромная туша лавирует меж стволов, задевая чешуйчатым телом древесную кору.

Она не знала, кто это и что этой твари нужно. Сейчас сие перестало иметь значение. Но жрица не питала надежд на то, *что именно* демон собирается сделать. Поэтому Арчита решила — время пришло. Закрыв глаза, она потянулась к поясу и нащупала кинжал дрожащей рукой. Пальцы сжались на рукоятке. Занозы вошли в кожу еще глубже, вызывая дикую боль, но девушка ее даже не почувствовала. Резким движением она вытащила клинок. Не теряя ни секунды, приставила острием к горлу.

«Прости меня, Богиня-мать».

Вся жизнь пролетела перед глазами. Она вспомнила отца. Не того, который сгинул в Мохенджо-Даро. А того, кто вырастил ее среди ариев. Единственное, о чем Арчита сейчас жалела — что она не сможет больше встретиться с ним.

— Я помню тебя, — беззвучно, давась слезами, прошептала она и приготовилась нанести роковой удар.

Послышался громкий шум. Будто снежная лавина сходит с гор и стремительно приближается к ней. Затем Арчита ощутила сильный толчок. От неожиданности пальцы разжались и выронили кинжал. Тускло блеснув, он скрылся в ворохе колючек и мха. А затем жрицу закружило. Словно кто-то втянул ее в безумный танец. Перед глазами все замельтешило. Девушка почувствовала, как поясицу начинает сдавливать. Все сильнее и сильнее. Становилось трудно дышать. Через пару мгновений она уже не могла вдохнуть без боли. Скосив взгляд вниз, Арчита увидела, как вокруг нее обвивается кольцами тело змеи. Одно кольцо за другим... одно за другим. Стремительное вращение продолжалось. Девушку начало тошнить. Горькая мысль пронеслась у нее в голове. Мысль о том, что она не успела воспользоваться клинком. И теперь ее ждет страшная, мучительная смерть. Давление стало почти невыносимым. Еще одно небольшое усилие, и у нее сломаются все кости. Вращение внезапно прекратилось, и Арчита увидела нависшую над ней морду чудовища. Длинные острые рога, смотрящие в разные стороны. Желтые немигающие глаза, лишенные зрачков. В

них горит всепоглощающее пламя злобы и торжества. Открытая пасть с мощной челюстью и рядом огромных зубов, которым позавидует сам синха. И где-то в недрах этого демона тлеет горячий огонь. Разум жрицы, несмотря на затуманивающие удушье и боль, понимал, что он может испепелить ее в любой момент. Она посмотрела твари в глаза. Готовая принять свою судьбу, какой бы жуткой та ни была. И в этот миг девушка уловила перемену во взгляде чудовища. Словно сквозь этот огонь слепой злобы и упоения пробилось нечто еще. Нечто осмысленное. Вместе с громким стрекотанием до ушей жрицы вновь долетел тот самый шепот, который она слышала не раз. Но теперь Арчита отчетливо понимала, что он исходит от демона.

— Заххак...

— Что... тебе нужно... от меня? — просипела жрица.

Кольца вокруг ее тела сжались сильнее. Совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы вызвать приступ нестерпимой боли. Девушка закричала, хотя казалось, воздуха в легких не хватило бы и на тихий стон. И даже сквозь крик и стрекотание чудовища, до нее дошли слова, нашептывающие тем же зловещим голосом.

— Сделай... так... как велит... Унташ.

— Нет!

Кольца сжались еще сильнее. В глазах у жрицы потемнело. Теперь легкие не просто горели, они буквально полыхали. Сердце готово было разорваться прямо в груди. Девушка вот-вот могла услышать хруст собственных костей, ломающихся под давлением змеиного тела. А желтые глаза без зрачков продолжали немигающе смотреть на нее. Из пасти чудовища вырывалось обжигающее дыхание.

— Сделай... так... как велит... Унташ.

Она нашла силы посмотреть этому исчадию Нараки прямо в глаза. Разум мутило от боли и удушья.

«Помни себя».

— Нет! — выплюнула Арчита в разверзшуюся пасть.

Жрица приготовилась. Приготовилась принять смерть, какой бы страшной та ни оказалась. Но она не собиралась идти у этой твари на поводу. В ней не было ничего светлого, кроме огня, пожирающего все на своем пути.

В желтых глазах чудовища промелькнула насмешка. Змеиные кольца усилили нажим. Девушка не хотела больше кричать. Не хотела и дальше показывать твари свою слабость. Но она не смогла сдержаться. Вопль от нестерпимой боли сорвался с пересохших уст и потонул в громком стрекотании чудовища. В глазах все потемнело. Сознание готово было покинуть тело вместе с духом...

А затем она увидела...

Лазурит...

Множество драгоценных камней караванами отправляются на юг и дальше на запад — в сторону Элама и Междуречья. Тюки ломаются от богатств. Вьючные животные медленно ступают, груженные всевозможным добром. Неспешной и вальяжной походкой их вереница проходит по главной улице селения у подножия Хинду-Кауш. Она сама, Арчита, стоит возле дома старейшины. Ее голову венчает золотой обруч. В темные волосы вплетены голубые ленты. Они вяло покачиваются на тихом ветру. Воздух дует с юга — такой легкий и приятный. Он не обжигает кожу, не пронзает до костей. Богатое платье пурпурного цвета, расшитое серебряными узорами, подчеркивает фигуру жрицы. На оголенной шее сверкает

ожерелье с изумрудом.

Девушка медленно отводит взор от вереницы животных и поворачивает голову вправо...

Унташ стоял рядом. Он смотрел на нее взглядом своих синих глаз. И в них не было того пожирающего выражения. Они не засасывали в себя, подобно глубокой бездне. Старейшина смотрел доброжелательно и искренне, а кожа его имела приятный оттенок загара. Никакой болезненной бледности. И улыбка на пухлых устах не уродовала лицо.

Арчита невольно засмотрелась на этого красивого и статного мужчину. Неужели он способен внушать страх и отвращение? Это невозможно!

Унташ протянул руку. Девушка увидела, как на раскрытой ладони в лучах солнца переливается лазурит.

— Это тебе, прекрасная Арчита, — нежно сказал он.

Не веря своим глазам и ушам, жрица осторожно взяла драгоценный камень. В ее руках он будто бы стал переливаться еще ярче. Еще сильнее.

— Ты согласна быть моей?

Девушка вскинула на него взгляд. И этому она противилась? Это отвергала? Ради чего? Ради собственных глупых убеждений? Неужели она была настолько слепа?

— Да, — прошептала Арчита, делая шаг навстречу.

Они взялись за руки. Теперь прикосновение Унташа не вызывало отвращения. Он не походил на голодного паука, плетущего коварные сети в темном углу. Но от него по-прежнему исходил приятный аромат полевых цветов. Старейшина чуть склонился над ней. В его глазах, светившихся счастьем, Арчита увидела намерение поцеловать ее. И... она совсем не желала противиться сему. Девушка потянулась навстречу, подобно маленькому ростку, встречающему теплые лучи солнца.

«Почему я раньше этого не замечала?».

Жрица прикрыла веки в ожидании поцелуя. Приятного, будоражащего момента...

Однако вместо него услышала шепот:

— Моя прекрасная Арчита... сделай так, как я велю.

— Что?

Девушка вздрогнула и открыла глаза.

Унташ продолжал склоняться над ней и лучезарно улыбался. Но было в его облике нечто, заставившее жрицу резко отпрянуть. Теперь с лица старейшины на нее смотрели желтые глаза. Глаза, лишённые зрачков. Глаза, в которых бушевало обжигающее пламя.

— Сделай так, как я велю.

Осознание происходящего пришло в мгновение ока. Арчита отступила назад. Руки不由自主но сжались в кулаки. В груди закипал котел праведного гнева.

«Он искушает меня... проклятая тварь искушает меня!».

— Сделай так, как я велю, — ласково произнес Унташ.

Крылья носа жрицы дернулись. Она решительно покачала головой.

— Сделай так, как я велю, — повторил старейшина, впиваясь в нее взором желтых глаз.

— Никогда! — выкрикнула девушка.

Словно под воздействием ее голоса, образ Унташа треснул, а затем рассыпался на множество мелких осколков. Исчезло селение, дорогие одежды и украшения. Померкло солнце. Арчита вновь очутилась в лесу, посреди холода и сырости, в объятиях страшного змея. Кольца сжимались вокруг ее израненного тела, готовые в любую секунду переломать каждую кость. Но это не обескуражило жрицу. Она будто почувствовала прилив душевных

сил.

«Помни себя».

Арчита решительно посмотрела прямо в глаза чудовищу. Несмотря на горящие легкие и затуманенный разум, она смогла отчетливо произнести:

— Никогда.

Тварь слегка отстранилась. Девушка продолжала неотрывно смотреть на нее, полная непреклонной решимости. Ей показалось, что в глазах чудовища вспыхнули красные огни ярости. Огромная пасть открылась еще шире. Стрекотание стихло, и Арчиту овеяло жаром. Она увидела, как в недрах существа зарождается огонь. Тот самый, что жрица заметила, когда пряталась в расщелине меж валунами. Сомнений не осталось. Чудовище хочет испепелить ее. Покарать за непокорность. Но она к этому готова. Ведь она помнит. Она — *Поклоняющаяся*. И не какому-то исчадию Преисподней. Она — служитель Богини-матери. Богини-матери и *его*. И больше никого. Поэтому жрица смело смотрела прямо в пасть чудовищу. На то, как внутри зарождается смертоносный огонь.

Пламя разгоралось все сильнее. Арчита ощущала кожей нестерпимый жар. Огонь готов был вот-вот вырваться из разинутой пасти и испепелить жрицу до костей... но она по-прежнему не отводила своего взгляда. И в тот момент, когда направленная струя смерти уже готова была вырваться наружу, взгляд желтых глаз внезапно дернулся в сторону. Через миг девушка почувствовала, как змеиная хватка вокруг ее тела стремительно ослабевает, и вот через секунду она уже летит вниз. Удушье прошло. Арчитахватила долгожданный воздух ртом. Однако спустя секунду удар о землю выбил из нее дух. Жрица изранила руки. Занозы вошли в ладони так глубоко, что полностью исчезли под кожей. Девушка зашла кашлем. Она отчаянно пыталась восстановить дыхание. Из рта вырывался громкий хрип. При этом Арчита ощущала колыхание тела чудовища рядом с собой.

«Почему... — пронеслось у нее в голове, — почему оно отпустило?».

Пытаясь втянуть больше воздуха, жрица подняла голову и застыла, словно молнией пораженная.

Сумрак окутывал чащу. Стволы смутно виднелись во тьме, а раскидистые ветви напоминали огромные лапы хищной птицы. Но не жуткое видение леса заставило девушку замереть, подобно изваянию. Там, среди деревьев, она увидела силуэт. Силуэт, который пробудил давнее воспоминание. Воспоминание, вернувшее в тот день, когда улицы Мохенджо-Даро были залиты кровью...

Красные глаза сверкнули во мраке. Она видела их всего лишь раз... но запомнила на всю жизнь. Она ни с чем не спутает свечение этих красных глаз. Из тени показалась голова на длинной шее, увенчанная острым и смертоносным рогом. Мускулистое тело, покрытое коричневой чешуей. Массивные лапы с острыми когтями, которым бы позавидовал сам синха, медленно ступали по земле, хрустели опавшими ветками и сучьями. А позади мелькал длинный хвост, украшенный подобием металлической гири. Он ярко переливался янтарно-зеленым цветом.

Арчита неотрывно следила за тем, как он медленно приближается к ним. И жрица чувствовала, что с каждым его шагом ее саму начинает заполнять благоговейный трепет.

— Вестник Богини-матери, — беззвучно прошептали губы девушки.

И в этот момент громкое стрекотание раздалось вновь. Змеиное тело чудовища пришло в движение. Арчита же не шевелилась. Краем глаза она видела, как гигантская тварь отползает в сторону. Туда, где среди деревьев было больше пространства. Желтые глаза

неотрывно следили за тем, кто появился из сумрака. За Вестником Богини-матери. Пламя продолжало гореть в пасти чудовища. И в тот момент, когда гость из темноты сделал еще один шаг, струя огня хлынула вперед, подобно неудержимой лавине. Лес озарился всполохом пламени. Жрица вздрогнула, когда рядом с ней посыпались искры и стал дымиться мох. Стиснув зубы и преодолевая боль, она заставила себя отползти. Но при этом не сводила взгляда с того места, где стоял Вестник. Сейчас там бушевал настоящий пожар. Пламя быстро перекинулось на деревья. Затрещала кора и зеленая хвоя. Яркие язычки быстро перемещались по стволам вверх, пожирая новые участки. А струя огня из пасти чудовища продолжала бить в одну точку, сопровождаясь громким стрекотанием.

Дрожащими руками Арчита ощупала пояс в поисках кинжала, но пальцы нашли лишь пустоту. Только сейчас она вспомнила, что потеряла клинок, когда змеиные кольца сжали ее в своих удушающих объятиях. И теперь оружие валяется где-то во тьме посреди мха и веток влажного леса... леса, который загорается словно хворост под пламенем демона. Не поднимаясь с колен, жрица проползла несколько шагов и облокотилась о ствол высокого кедра. Она тяжело дышала. Сердце трепетало в груди. Каждая клеточка отдавалась болью в израненном теле. На Арчиту вдруг навалилась усталость. Усталость, которой невозможно было противиться. Хотелось просто закрыть глаза и уснуть, но она не могла себе этого позволить. Ей надо знать, чем все закончится.

Внезапно струя огня иссякла. Продолжая стрекотать, тварь всматривалась в сумрак желтыми глазами. Змеиное тело слегка покачивалось на весу. Деревья трещали, медленно пожираемые пламенем. Блики от огня играли на изможденном лице Арчиты. Та продолжала тяжело дышать, а ее глаза с надеждой вглядывались в чащу леса. Она искала его. Искала Вестника Богини-матери. Но в той стороне не было видно ничего, кроме тьмы да всполохов пожарищ. Холод стал закрадываться в душу. И она не могла понять почему — от сырой земли, упадка сил или страха. Страх за то, что вновь осталась одна.

«Нет... не может быть... я не верю... не верю...».

Она едва заметно качнула головой. Глаза увлажнились, но у нее не осталось сил, чтобы вытереть их. Дыхание стало учащенным и прерывистым. Арчита уже не чувствовала ног, хотя еще совсем недавно ее опалял своим дыханием демон, а рядом разгорался настоящий пожар. Девушка продолжала высматривать среди мрака знакомый силуэт...

И когда тот появился в сотне локтей впереди, на устах жрицы заиграла вымученная, но счастливая улыбка. Однако она так и застыла на губах... ибо огненная тварь также заметила Вестника и мгновенно повернула к нему клыкастую пасть. Мощный змеиный хвост рванул вперед, нанося сокрушительный удар.

Когтистая лапа взметнулась вверх. Рассекла воздух перед собой. Через миг оглушительный вой, подобно козьему бляению, содрогнул хвойный лес. Как бы Арчита ни была истощена, она нашла в себе силы зажать уши руками. Лицо исказилось от боли. Однако она смогла увидеть, как хвост чудовища резко отпрянул, не достигнув цели. Но тварь не стояла на месте. Качнувшись, вновь ударила. Теперь по деревьям. Многолетние стволы посыпались, словно бревнышки под ударом топора. Они готовы были похоронить Вестника под собой. Пронзить острыми ветвями и сучьями. Но тот ловко уворачивался от каждого дерева.

Арчита не рискнула убрать ладони от ушей. Она продолжала наблюдать за яростной схваткой. Сильный грохот и жуткое стрекотание долетали до нее даже сквозь пальцы. При этом гость из сумрака продолжал хранить полное молчание. Его движения были стремительны и незаметны во мраке. И только красные глаза служили ей ориентиром. Но и чудовищу тоже. Раз за разом оно укладывало лес на голову Вестнику. И каждый раз тому удавалось уйти от смерти. Тварь стала терять терпение. Стрекотание усилилось. Она дернула хвостом, пытаясь опутать *его* лапы. Вестник подскочил, ибо не успевал отмахнуться. Позади с треском рухнула сосна. Еще один удар рассек воздух. Он опять ушел. Очередная попытка захвата. На этот раз хвост змеи успел опутать заднюю лапу Вестника. Тот грузно повалился на землю, сотрясая ее своим весом. У Арчиты защемило сердце, как только она увидела, что демон начинает сжимать кольца вокруг *него*. Когда они почти сомкнулись, тот извернулся и вонзил острые челюсти в тело врага. Длинные и тонкие зубы смогли прокусить плотную чешую. Вновь оглушительное бляение взорвало округу. Арчита зажмурилась, с трудом сдерживая крик.

Демон отпрянул. В желтых глазах бушевало пламя слепой ярости и гнева. И тварь намеревалась обрушить их на незваного гостя. Вестник поднялся. Он припадал на заднюю лапу. У Арчиты все сжалось внутри. Теперь он станет легкой добычей для исчадия Преисподней. Казалось, чудовище тоже заметило уязвимость врага. Из пасти твари донеслось торжествующее стрекотание. Однако огонь ярости и гнева в желтых глазах не убавился. Он стал лишь сильнее. В недрах существа стала копиться очередная волна смертоносного пламени. Жрица уже видела его яркий свет. Видел и Вестник. Он продолжал хранить молчание и не сводил взора с противника. Когда обжигающая струя хлынула вперед, он прыгнул в сторону. Огонь опалил землю. Влажные сучья и мох тут же затлели. Вестник приземлился в полусотне локтей от Арчиты. Из окровавленной пасти вырвалось шипение. Тихое, похожее на предупреждающий глас змеи.

— *С-и-и-рр-у-ш-ш-ш-ш.*

Девушка уже слышала его однажды. Когда встретила с ним в первый раз. Тогда оно вызвало страх... вызвало и сейчас. Но если раньше она боялась за себя, то теперь боялась за него. Ведь змеиная туша вновь приближалась к нему. Огромная пасть, из которой сыпались искры, нависла над Вестником. Страшные зубы, способные прокусить носорога, готовы были сомкнуться на шее врага. Но он даже не обернулся. Его красные глаза встретились со взором Арчиты. И она прочитала в них абсолютное спокойствие.

«Обернись!» — попыталась крикнуть жрица, но ей удалось лишь беззвучно шевельнуть губами.

Она с отчаянием смотрела на то, как тварь готова перекусить шею Вестника пополам. А тот уже не в состоянии отпрыгнуть. Всполохи лесного пожара лишь добавляли представшей картине обреченности.

И вот в тот момент, когда мощные челюсти уже готовы были оборвать жизнь, в воздух взвился хвост с янтарно-зеленым концом. Его удар пришелся прямо в нижнюю челюсть чудовища. Дико взревев, то отпрянуло. Арчита увидела, как чешуя слезает от ожога в месте атаки. Продолжая извиваться, словно уж на углях, тварь отползла дальше. Своими движениями она повалила еще несколько стволов. С громким треском деревья рухнули вниз. По этому участку леса будто прошла страшная буря. И на ее последствиях бушевал беспощадный огонь. Теперь глаза Арчиты слезились не только от боли. Едкий дым от тления влажной хвои разъедал веки. Заполнял рот и ноздри. Она кашляла, но продолжала следить за происходящим.

Вестник медленно развернулся в сторону беснующейся змеи. Он оставался все таким же спокойным. Будто не было жаркой схватки. Не было пылающего леса и рухнувших деревьев. В щепки разбитых стволов. Едкий дым размывал его силуэт. Посреди гари и отблеска пожара он казался Арчите настоящим божеством и внушал благоговейный трепет.

Вестник шагнул навстречу чудовищу. Он продолжал сильно припадать на заднюю лапу. Треск пламени заглушал его шаги. Красные глаза неотрывно следили за противником. А взор девушки в свою очередь неотрывно следил за ним самим. И жрица не смогла сдержать сдавленного крика, когда чешуйчатый хвост внезапно ударил Вестника по ногам. Тот завалился на землю. Арчита с ужасом увидела, как задняя лапа неестественно вывернулась. Крик рвался из ее груди, но ее душил кашель. Тварь же перестала извиваться. В желтых глазах без зрачков вновь заиграло торжество. Продолжая громко стрекотать, она начала обвивать кольца вокруг поверженного врага. Медленно и неумолимо, смакуя каждый момент победы. Жрицу накрывало отчаяние с каждым новым кольцом, обвитым вокруг тела Вестника. Тот словно был оглушен и так и не смог подняться. Теперь из-под чешуйчатого тела огромной змеи оставалась видна лишь голова на тонкой шее. И он до сих пор не мог прийти в себя. Красные глаза на приплюснутой морде смотрели как-то отрешенно, их будто накрыло пеленой. Арчита видела, как крепче сжались кольца вокруг него. Чудовище нависло над ним, издавая омерзительное стрекотание. Теперь оно было готово. Готово разорвать мощными челюстями того, кто посмел встать у него на пути. С замиранием сердца жрица следила, как тварь намерена оборвать жизнь Вестника в любую секунду.

Вновь до ее ушей, сквозь шум и треск, долетел тихий и зловецкий шепот:

«*Заххак...*».

И предназначался он уже не ей. А затем пасть чудовища рванула вниз. Девушка зажмурилась. Руки безвольно опустились вдоль тела, когда она услышала громкий чавкающий звук и жуткий хруст. Внезапная тишина, в которую погрузился лес, пугала страшнее всего, что с ней произошло до этого. Она не решалась поднять веки. Сердце отчаянно колотилось в груди. Жрица не хотела смотреть. Совсем не хотела. Лишь крепче зажмурилась. До нее доносился лишь треск от пламени лесного пожара и слабое тепло, исходящее им.

Она услышала шорох. Он просачивался сквозь треск пылающего пожара. Шорох, так

похожий на трение чешуйчатого тела о землю и древесные стволы. Арчита сильнее зажмурилась. Звук затих прямо перед ней, но она чувствовала его. Чудовище с желтыми глазами, лишенными зрачков. Чувствовала, как оно нависло над ней, преисполненное торжеством и собственным превосходством. Жрица была готова. Готова последовать вслед за Вестником на встречу к Богине-матери. Ее не сломят ни боль, ни горе. Ни страх, ни искушение. Просто она не хочет видеть, как острые клыки сомкнутся на ее теле...

Девушка ощутила дыхание на лице. Такое теплое и слабое, что поначалу приняла его за дуновение ветра, доносившего тепло от огня. Затем пришло осознание — это дыхание твари. Из ее пламенной и разинутой пасти... но почему она чувствует его лишь на лице? Почему оно не обжигает все тело, как раньше? Почему вокруг тишина и нет этого ледящего душу стрекотания?

Вопросы так сильно вскружили голову, что Арчита рискнула и подняла веки...

Он стоял прямо перед ней. По длинному рогу стекала алая кровь. Ручьями она двигалась вниз, скапливаясь на плоской голове, и затем дальше капала на землю. Красные глаза немигающе смотрели на жрицу. И девушка не могла понять их выражения. Как тогда, когда впервые увидела его на улицах Мохенджо-Даро. Только сейчас Вестник не показывал видений. Не пытался что-либо внушить. Он просто смотрел на нее, не проявляя никаких чувств.

Краем глаза Арчита увидела тварь. Змееподобное чудовище распростерлось посреди рухнувших деревьев. Чешуйчатое тело так и осталось свернуто в кольца, будто сжимая свою жертву в смертельных объятиях. Желтые глаза без зрачков уставились в сумрачное небо. Пасть, пронзенная насквозь, широко раскрыта... и в ней уже не пылает тот обжигающий огонь. В ней зияет мрачная пустота.

Полностью ошеломленная, жрица вновь перевела взгляд на Вестника. В этот момент он развернулся и, все так же молча, направился в чащу. Задняя лапа безжизненно волочилась за ним. Всполохи пожара освещали ему путь. Девушка продолжала неотрывно следить за удаляющимся Вестником, пока того не окутала тьма. Жуткая усталость навалилась на Арчиту. Она больше не могла противиться ей. Даже вероятность сгореть в пламени лесного пожара не смогла напугать ее. Глаза закрылись сами собой. Единственное, о чем Арчита жалела, это то, что Вестник не остался рядом с ней...

— Она очнулась!

Арчита осторожно подняла веки. Глаза слезились, однако сквозь завесу она смогла разглядеть лицо, склонившееся над ней. Моргнув несколько раз, девушка увидела густые темные брови и хмурящееся лицо. Виски, тронутые сединой. Белое одеяние, опоясанное кожаным ремнем. Она узнала его. Суприри. Староста общины. Он с тревогой смотрел на жрицу сверху вниз.

— Что... — начала Арчита и попыталась встать, но тот быстро уложил ее обратно.

— Не двигайся, у тебя нога сломана.

— Нога?

Только сейчас она заметила, что лежит в низкой траве. На той самой поляне, где Унташ велел провести обряд.

Арчита быстро перевела взор на Суприри.

— Куда вы делись? — хрипло молвила она.

Теперь настал его черед изумляться:

— Куда мы делись?

— Да. Вы все исчезли...

— У тебя жар, — вновь прервал он, — перелом серьезный. Лежи, пока не наложим повязку и крепление. Здорово же он тебя... но ты молодец... Арчита.

Жрица продолжала лежать, ничего не понимая. Она устремила свой взор в небо. Сейчас на нем не было ни облачка. Теплые лучи солнца приятно согревали кожу своим теплом. Где-то в лесу пели птицы. Однако чем дальше девушка бодрствовала, тем сильнее становилась боль в правой ноге. Она почувствовала, как руки Суприри осторожно ощупывают ступню.

— Надо приложить кору и закрепить... — бормотал он под нос, — потом как-то до деревни доползти... быки-то разбежались...

— Быки разбежались? — переспросила она.

— Угу, — буркнул староста, — как ошпаренные неслись. И воины вслед за ними.

Девушка похолодела вспоминая, как убегала от огненного чудовища через чащу. Она невольно поднесла одну из ладоней к лицу. Странно, но заноз и хвойных иголок не было...

— От... от чего?

— Буря разыгралась. Все деревья повалила.

Суприри замолчал, прикладывая к ноге жрицы древесную кору. Только сейчас Арчита осознала, что ниже колена все горит, будто пламенем объятые. Прикосновение прохладной корки принесло облегчение.

— Почему ты остался?

Суприри покосился на жрицу, а затем вернулся к обработке раны:

— Я сразу понял, что с тобой что-то не то. Еще у дома старейшины. И то, как он звал тебя.

— Но почему ты не помог мне?! — вскинулась она, привставая на локтях.

Только сейчас Арчита обнаружила, что вокруг поляны валяются десятки деревьев, обрушенных неведомой силой. Повсюду виднелись сломанные сучья и ветви.

— А как? — буркнул Суприри. — Накинуться на воинов с голыми руками?

— Почему они слушались Унташа? Неужели не видно, что он безумен?!

— Ты это у Атга-Ури спроси, — бросил староста, — он своего сына знает лучше, чем я.

Суприри кивком указал в сторону и вернулся к перевязке. Девушка проследила за жестом и увидела старца. Он сидел на траве, положив тощие руки на колени. Стеклянным взором Атга-Ури смотрел на распростертое рядом тело Унташа. На пурпурном одеянии старейшины виднелись бурые пятна.

— Он мертв? — прошептала жрица.

— А ты разве не помнишь? — буркнул Суприри.

— Не помню... что?

— Ты убила его.

— Я?!

Жрица обернулась к старосте и во все глаза уставилась на него.

Тот кивнул:

— Вогнала кинжал ему в подбородок, — и, выждав паузу, добавил, — хороший удар.

Девушка громко сглотнула. Она вспомнила длинный и окровавленный рог Вестника. Как он припадал на заднюю лапу... Жрица невольно скосила взор на правую ногу. Ступня

сильно распухла и покрывлась отеком. Но кость вроде не торчала.

— Как все случилось?

Суприри вздохнул и наложил еще кусочек коры.

— Ты встала и начала кричать, мол, это земли богов и они прогневаются, если посягнуть на них, — он окинул взглядом поляну, будто искал чего, — Унташ схватил тебя за горло и начал душить. Не знаю, чего он хотел добиться, но... в общем, налетела буря. Она валила лес, как труху. Воины обратились в бегство. И тот жирный торгош вместе с ними. Первым наутек бросился, — в голосе старосты засквозило презрение.

Жрица с опаской покосилась на вход в пещеру. Грот по-прежнему зиял, подобно разинутой пасти огромного чудовища. Только теперь возле него не валялись острые камни, напоминавшие огромные зубы. Вспомнив змееподобную тварь с желтыми глазами без зрачков и громкое стрекотание, девушка невольно вздрогнула.

Суприри заметил это, но подумал о другом:

— Больно?

— Н-нет, — ответила она, — а больше ничего не было?

Староста хмыкнул:

— А этого мало что ли? — а затем спросил, глядя в глаза. — Что сказали боги?

Арчита закусила губу и вновь бросила взгляд на пещеру. Сейчас она не чувствовала той угрозы, что исходила ранее. Не слышала завлекающего шепота. Но непонятное чутье подсказывало — зло этого место никуда не исчезло. Оно просто затаилось, выжидая своего часа. Жрица ощущала нутром. Тишина и покой были обманчивы.

— Нет там прохода смертным, — она обернулась к старосте, — никто не должен ходить туда.

Суприри хмуро кивнул:

— Так и думал. Воля богов стала уже ясна, когда буря налетела. Но я должен был спросить.

— Ваши жрецы... они убиты Унташом.

Суприри тяжело вздохнул и вновь обвел поляну рассеянным взглядом:

— Да... мы догадывались, но ничего не могли поделать. Воины хорошо охраняли старейшину.

— Но почему?

— Я же сказал, — буркнул он, — пусть его отец расскажет, а я... — староста поднялся, — должен поискать, чем закрепить кору... и как доставить тебя в селение.

Суприри направился к одному из поваленных деревьев, явно собираясь наломать веток для крепления.

Арчита же вновь посмотрела на старца. Атта-Ури продолжал сидеть возле тела своего сына. Взор зрителя оставался все таким же остекленевшим. Он словно был далеко от этого места. Девушке не хотелось тревожить несчастного в сей момент, но она должна знать. Должна знать все, чтобы наконец узреть в полной мере то, что здесь происходит.

— Атта-Ури, — тихо позвала жрица.

Тот не ответил и по-прежнему отрешенно смотрел на труп старейшины.

— Атта-Ури!

Старец вздрогнул и наконец перевел взгляд на нее. Остекленение медленно спало, и девушка увидела в старческих глазах безграничную горечь и печаль. Сердце ее екнуло от жалости.

Губы зрителя разошлись в знакомой улыбке. Только теперь она лишь подчеркивала несчастную судьбу этого человека.

— Да, юная жрица?

— Расскажи мне все.

Улыбка стала шире и печальнее:

— Разве имеет смысл сказ мой после того, что свершилось?

Девушка кивнула:

— Я должна знать все.

— Что ж, как смею я противиться тебе?

Атта-Ури вздохнул и развернулся всем телом к жрице. При этом остался сидеть возле тела сына. Улыбка на старческих губах чуть потускнела, но не пропала совсем. До них стал долетать хруст ломаемых веток. Суприри готовил сучья для крепления.

— С чего начать мне сказ, юная жрица?

Арчита немного подумала и ответила:

— С начала.

— Я был местным старейшиной, юная жрица...

— Ты был старейшиной? — изумилась она.

— Я слышу неверие в голосе твоём, — с легким укором молвил Атта-Ури, смотря из-под насупленных бровей.

— Если ты был старейшиной, то почему жил в простом доме у обочины?

— Откуда ты узнала это? — пришел черед удивляться уже ему.

— Боги мне показали, — уклончиво ответила Арчита.

— Ты и впрямь благословенна ими, юная жрица, — вздохнул старик, — да, жили мы и вправду небогато. Ибо не хотелось выделяться мне. Разве зернышко пшеницы станет требовать места лучшего в мешке?

— Почему же ты ушел? Почему главой стал Унташ?

Атта-Ури на какое-то время задумался. Взор, полный скорби и печали, устремился в землю. Арчита молча ждала, когда он продолжит.

Птицы щебетали где-то в лесу, словно и не было буйства стихии...

...буйства высших сил...

...Суприри все также наламывал сучья и тихо бубнил себе под нос. Кажется, он придумал, как отвезти раненую в деревню. Нужно соорудить носилки из хвойных веток.

— Селение росло, — возобновил рассказ старик, — а меня хоть и мудрым величали, но не хватало мне стремлений, — Атта-Ури пожал плечами, — ведь я привык довольствоваться малым. А Унташ... юн, горяч и полон сил, аки бык. Он всюду хотел поспеть, всем процветание нести. Вот и решил я — пора уступать дорогу молодым. И все журчало и текло, словно горные ручьи, пока... — старец вздрогнул и замаялся.

— Пока боги не забрали его дитя, — тихо закончила за него жрица.

Атта-Ури вздохнул:

— Тогда-то тень легла на сына моего. Он отвернулся от богов и... и сами боги отвернулись от него.

— Но почему ты не остановил Унташа?! — пылко воскликнула девушка.

Суприри перестал собирать хворост и обернулся через плечо.

Старец поднял на жрицу взор, полный безмерной тоски:

— Не мог я идти против сына своего. Плоть от плоти своей. Слишком велика была моя любовь, — Атта-Ури вновь опустил глаза и прошептал, — слишком слаб был я.

— Ты даже не защитил Уругук!

— Не смел пойти я против сына своего, — словно мантру повторил Атта-Ури.

Суприри нахмурился еще больше и возобновил работу.

— Почему стража слушалась его? — спросила Арчита. — Почему позволила убить жрецов? Ведь они служители богов! И почему люди в селении ничего не сделали?!

Она видела, что ее слова были для Атта-Ури, как хлыст погонщика для истощенного быка. Ей стало жаль бывшего старейшину, но он сам виновен в собственной слабости.

— Сердце человека легко поддается искушению. Унташ дал им то, чего воины хотели. Наделил пришлых землю плодородной, изделия лучшие отдавал... обещания несметных гор богатств, что таит в себе пещера Хинду-Кауш.

При упоминании таинственного грота, Арчита вздрогнула:

— Это место никто не должен трогать. Никогда. Слышишь, Атта-Ури? У тебя есть шанс на искупление перед богами.

Тот вскинул на нее взгляд, полный горя и надежды:

— Простят ли боги мою немощность?

Жрица кивнула:

— Только расскажи все до конца.

— Одурманенные сладкими речами о богатстве, воины делали все, что повелевал им сын. А сельчане... — старик запнулся, — я не знаю...

— А чего мы могли? — встрял Суприри, оборачиваясь и держа охапку сосновых ветвей. — Унташ к нам не лез, не трогал. Вот и не хотели жители общины шкурой рисковать почем зря. Это только когда он удумал в священное место залезть, тут уж мы не стерпели. Да только к тому моменту поздно было. Он оцетинился стражей, как еж перед лисой! Уж тот жирдяй-торгаш позаботился об этом.

— Шилхаха? — уточнила жрица, вспомнив неприятного на вид купца.

— Он самый. Ушлый свин, — староста сплюнул, — когда прознал о том, что в пещере лазурит, тут же раскошелился и привел в деревню воинов с севера.

— Значит, вправду арии, — догадалась Арчита.

— Они самые, — кивнул Суприри, — Унташа охраняли в основном они. А Шилхаха был уверен — все расходы легко покроет лазурит, что мы раскопаем в Хинду-Кауш.

— Нельзя трогать Хинду-Кауш, — твердо произнесла Арчита.

— Что там, жрица? — вперил в нее взор староста. — Лазурит? Земли богов?

— Нет, — качнула головой она, с содроганием вспоминая тварь с желтыми глазами, — ни то, ни другое, — а затем добавила, — это обитель демона.

Суприри вздрогнул, едва не выронив хворост. Атта-Ури вскинул голову и воззрился на девушку.

— Демона? — прошептал старик.

— Он захватил разум твоего сына, — Арчита обернулась к нему, — подчинил себе.

— Нет, — прошептал убитый горем смотритель, — сын мой крепок духом был аки камень. Я сам его этому учил.

— Знаю, — холодно ответила жрица, — но дух Унташа ослаб, когда он лишился сына и отвернулся от богов.

Атта-Ури застонал и прикрыл лицо руками.

— И чего же нам делать? — подал голос староста.

— Уходить, — твердо сказала Арчита.

— Уходить? — глухо переспросил сквозь ладони старик.

— Да.

— Но мы не можем! — Суприри выронил-таки хворост и тот разлетелся по поляне. — Здесь наш дом! Все, что нам дорого!

— Это опасно для всех! — повысила голос жрица. — Поймите, рано или поздно, но демон завладеет умом одного из вас. Как Унташом! Стоит только дать слабину!

Атта-Ури вздрогнул и отвел руки от лица:

— Сын мой пал жертвой собственного богохульства. Если мы будем сильны духом, то сможем пред демоном устоять.

— И защитить эти земли от посягательств других, — добавил Суприри, делая шаг к Арчите, — не дадим ему вырваться на свободу. Помогите нам, жрица!

— Что? — округлила глаза та.

— Помоги направить людей, — увещевал староста, — они послушают тебя. Пойдут за тобой.

— И наш дух станет твердым, аки камень, — встрял Атта-Ури, — и постигнет ежели горе кого из нас, не отвернется от богов. Ибо будет тобою просвещен.

От неожиданности девушка растерялась. Чтобы скрыть свое смущение, она опустила веки. Староста и смотритель ждали ее решения в почтительном молчании.

«Имею ли я право отказать? Должна ли я отказать? Я Поклоняющаяся.. Поклоняющаяся Богине-матери... и ему. Я решила нести истину людям, дабы то, что произошло в Мохенджо-Даро, не повторилось больше нигде. Я нужна в других уголках земли. Но имею ли я право бросить этих людей, когда они так нуждаются во мне?».

«Помни себя» — вновь прозвучали в памяти слова арийского отца.

«Я помню».

Арчита открыла глаза:

— Хорошо. Я останусь. До тех пор, пока буду вам нужна.

У Суприри вырвался вздох облегчения:

— Спасибо тебе, служительница богов!

Она вяло улыбнулась в ответ. Староста вернулся к сбору хвороста с еще большим увлечением. Было видно, что слова девушки приободрили его. Придали сил. Она и сама почувствовала облегчение.словно груз упал с плеч, а в душу впервые за долгое время проник свет. Ведь Арчита снова знала, как поступить дальше.

Она обернулась к Атта-Ури. Тот продолжал смотреть на нее глазами, полными печали. Но была в них теперь и надежда. Надежда на искупление.

— Слабые духом уязвимы перед демоном, — молвила Арчита, — нужно чтить богов, свято верить в них и тогда дух будет крепок.

— О, да, юная жрица, — быстро закивал тот, — истину глаголят твои уста.

— Ты поможешь мне, — твердо сказала девушка.

— Я? — изумился Атта-Ури.

— Да. Ты и твоя мудрость. Они принесут свет в умы людей.

— Заслужил ли я подобной чести после слабости моей?

Арчита ободряюще улыбнулась:

— Все имеют шанс. Служи богам, но не забывай прошлого. И пусть оно не тяготит.

Атта-Ури обдумал ее слова, а затем кивнул:

— Ты права, о, жрица.

— Если станешь мне помогать, смени имя. Это обряд посвящения богам.

Старец немного растерялся:

— Какое же имя выбрать мне?

На мгновение Арчита задумалась, потом изрекла:

— Ты должен сохранить частичку прошлого... и принять что-то новое... «мудрый» на вашем языке ведь будет...

— Мазда, — тут же ответил старец.

— Хм... Повелитель мудрости... Асура... Асура-Мазда[1]...

— Я изготовил волок! — радостно воскликнул Суприри, потряхивая хвойными ветками, обмотанными пучками травы. — Теперь доставим тебя до селения безо всяких быков!

Арчита вяло улыбнулась:

— Благодарю, староста.

— Только, — осторожно подал голос Атта-Ури, — позвольте сына предать земле.

Улыбка померкла на губах Суприри. Он нахмурился, словно небо в пасмурную погоду.

Однако кивнул.

— Конечно, если жрица не будет против.

— Нет, — качнула головой она, — все нуждаются в должном упокоении.

Арчита скосила взгляд на неподвижное тело в пурпурном одеянии. С того места, где она сидела, ей не видно было лица. Но кожа на теле Унташа утратила болезненный и бледный цвет, покрывшись бронзовым загаром. Это дало жрице надежду, что демон полностью утратил контроль над старейшиной, и после смерти тот обрел покой.

«Но обретет ли покой та, которую он замучил?».

— Что будет с Уругук? — невольно сорвался с ее уст вопрос.

— Она теперь свободна, — заверил староста, — и может делать все, что хочет.

— Захочет ли она? — тихо молвил в пустоту Атта-Ури. — Она утратила веру в жизнь после гибели чада.

Над поляной повисло тягостное молчание. Птицы весело щебетали в лесу. Однако теперь их пение не поднимало настроение людям. Их словно накрыло непонятной тоской.

Наконец, жрица нарушила затянувшееся молчание:

— Стражи Унташа больше не опасны?

— Шилхахе нечем будет им платить, — махнул рукой Суприри, — хотя это даже неважно. Наемники удирали отсюда в ужасе, сверкая пятками. Они нам больше не страшны.

— Хорошо, если так, — кивнула Арчита.

Чувствуя, что вот-вот наступит очередное неловкое молчание, Суприри кашлянул в кулак:

— Пойду, поищу камни для погребения.

Ему никто не ответил. Хмурый, как туча, староста направился к лесу. В то место, где можно было легко пролезть через упавшие деревья.

— Ты сказала, чтобы прошлое надо мной не тяготило, — вдруг обратился к ней Атта-Ури.

— Да.

— А тяготеет ли прошлое над тобою? Я помню хмурое лицо твое, когда мы ехали по дороге сюда.

Арчита ответила не сразу, обдумывая вопрос.

— Нет, — наконец молвила она, — но я помню его.

— И помнишь имя свое?

Девушка видела, как старик хочет прийти к искуплению. Искуплению за любовь, которая могла обернуться горем для всех. Но ему сложно было полностью отказаться от прошлого. В глазах старика, помимо горя и страданий, читалась мольба о поддержке. И она не вправе была отказать ему в ней.

— Помню, Асура-Мазда, — улыбнулась жрица, — помню.

— Могу ли узнать его я?

Она промедлила лишь секунду, после чего изрекла:

— Нирупама.

[1] Асура-Мазда (Ахура-Мазда) — авестийское имя божества, которого пророк

Заратуштра — основатель зороастризма — провозгласил единым богом. В Авесте Ахура-Мазда — безначальный творец, пребывающий в бесконечном свете, создатель всех вещей и податель всего благого, всеведущий устроитель и властитель мира и высший объект почитания зороастрийцев, называющих себя по-авестийски *mazdayasna*, то есть почитателями Мазды. Ахура-Мазда является отцом Аши (праведности-истины), то есть закона, по которому развивается мир, покровителем праведного человека и главой всех сил добра, борющихся с «ложью» — злом и разрушением, происходящими в мире против его воли.

Стук сотен копыт и храп лошадей смешались в один монотонный гул. Крупный отряд всадников на полном скаку влетел под сень хвойного леса. Копья и ребристые шапки наездников едва не касались свисающих ветвей. Те раскинулись над головами подобно огромным лапам хищных птиц. Но лица воинов, облаченных в чешуйчатые доспехи, оставались каменными. Им словно не был ведом страх. Их черные глаза смотрели перед собой. Сердца бились ровно. Всадники гордо держались в седле. Среди них особо выделялся статный муж. Крепкий воин на прекрасном вороном коне с серебряной уздой. Красивое и благородное лицо обрамляла темная борода. В черных глазах сверкал огонь бесстрашия и благородства. На поясе в лучах солнца переливался короткий меч. Весь его вид говорил о знатности, но одновременно и о том, что прошел он через многое.

Впереди показался просвет. Лес начинал редеть. Всадники приближались к поляне, поросшей зеленой травой. Вокруг виднелись истлевшие остатки деревьев. В трухлявых стволах уже давно поселились муравьи. Достигнув края поляны, предводитель всадников вскинул руку и велел остановиться. Те незамедлительно подчинились. Воин с коротким клинком внимательно изучал своими черными глазами вход в пещеру, видневшуюся напротив. Издалека тот напоминал разверзшуюся пасть невиданного зверя, однако ни один мускул не дрогнул на этом волевом и благородном лице.

— Та самая пещера? — спросил он поставленным голосом.

— Да, мой царь, — ответил ехавший рядом всадник на белом коне. У него были длинные и темные волосы, волнистыми космами спадающие до плеч и заостренная борода. — Об этой пещере сказали местные курташ[1].

— И что же?

Скакун нетерпеливо фыркнул под тем, кого называли царем.

— Они говорят, что Ахура-Мазда запрещает входить туда, — ответил длинноволосый, — кому бы то ни было и когда бы то ни было.

— Вот как?

— Да, Повелитель.

— Это правда, Гаумата? — воин обернулся.

— Что именно, светлейший господин мой?

— Что эти земли под покровительством богов?

Гаумата улыбнулся и склонил голову:

— Пока что я этого не знаю, мой царь. Но зато я осмелюсь предположить, что в таких местах бывает много лазурита. А его так любит твоя дочь, прекрасная Атосса.

— Хм, верно говоришь, — хмыкнул царь, — но против воли Ахура-Мазды я не пойду.

— В моих мыслях и не было подобного кощунства, Повелитель, — быстро возразил тот, — однако же позволь узнать, истина ли так? Быть может, эти курташ не ведают, о чем говорят?

Воин на вороном коне вновь перевел взор на пещеру. Его глаза прищурились. Внезапно он почувствовал, что этот зияющий грот привлекает... заманивает. Нашептывает сладкие речи прямо на ухо. Словно блудница вводит в искушение. Войди и узнай, какие богатства пещера в себе таит...

«Сюда...».

На мгновение царь потерял контроль над собой. Он уже хотел спешиться и лично осмотреть загадочную пещеру, но в последний миг тряхнул головой и отогнал глупое наваждение.

— Ты в порядке, мой царь? — поинтересовался Гаумата, с беспокойством глядя на Повелителя.

— Да, — хмыкнул тот и обернулся, — не надо спрашивать. Просто весь день в седле.

— Прости меня, господин, — поклонился магуш[2].

— Твоя забота льстит, — улыбнулся царь, — а насчет пещеры... Что ж... Почему бы и нет? — он хлопнул Гаумату по плечу. — Разумней здесь все. Осмотри грот. Лазурит и вправду лишним не бывает. Но если эти земли действительно под защитой Ахура-Мазды, не трогай ничего.

— Слушаюсь, мой царь, — тот поклонился еще ниже, — я буду верен и осторожен.

— Оставлю тебе часть воинов. Я же возвращаюсь в лагерь. Подготовлю войско к завтрашнему переходу.

— Твоя слава бежит впереди тебя, о, Куруш[3]!

Царь весело рассмеялся:

— Ты погоди, вот доберемся до богатства Крёза[4], и вся Парса[5] засияет в свете солнца.

[1] Курташ — рабочие на государственной службе, по большей части иноземцы, в Персидской империи Ахеменидов.

[2] Магуш (маг) — жрецы и члены жреческой касты в Древней Персии, а также в соседних с нею странах.

[3] Куруш — Кир II Великий, персидский царь из династии Ахеменидов, основатель Персидской державы.

[4] Крёз — последний царь Лидии из рода Мермнадов, правивший в 560–547 гг. до н. э. Считается, что Крёз одним из первых начал чеканить монету, установив стандарт чистоты металла (98 % золота или серебра) и гербовую царскую печать на лицевой стороне (голова льва и быка). По этой причине он слыл в античном мире баснословным богачем, его имя стало нарицательным.

[5] Парса — Персия, сердце одной из величайших и наиболее продолжительных империй в истории, известная как Держава Ахеменидов, Мидо-Персия или Перва Персидская империя.

Больше книг на сайте - Knigoed.net